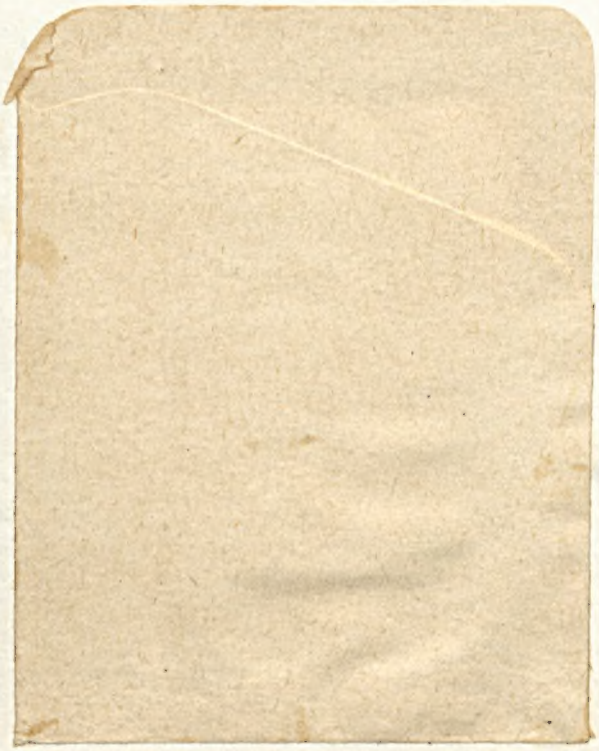
В-3
Б 44
203171
Ч.I.



В-3
Б-44

В редакцію Богословскаго Вѣстника

Ф. Бѣлявскій.

126
349.

О РЕФОРМѢ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ.

Часть I.

Краткій очеркъ прошлаго средней духовной школы.

«Зданія, сооружаемыя изъ стихійнаго вещества созидаются единожды и потомъ даютъ покой трудившимся: но то, что зиждется изъ живыхъ каменій, по совершеніи первоначальнаго созиданія, требуетъ непрестаннаго возсозиданія, утвержденія, возвышенія, расширенія, украшенія, по размѣрамъ возрастающаго внутренняго совершенства».

Филаретъ (митр. Московскій).

№ 35271.

БИБЛІОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академіи
Инв. № 208171

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія.
1907.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

БИБЛІОТЕКА
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Какъ бы ни измѣнился въ будущемъ нашъ церковный строй,—главнымъ сѣятелемъ добраго сѣмени евангельскаго на нивѣ народной и борцомъ противъ невѣрія и религіозныхъ заблужденій явится все же священникъ. По этому одному вопросъ о надлежащей подготовкѣ кандидатовъ священства имѣетъ особенное значеніе. А между тѣмъ для Россіи наступила тяжелая пора внутренняго переустройства, замѣны старыхъ изжившихся воззрѣній и порядковъ новыми, пора, страшная тѣмъ, что въ это время въ порывѣ увлеченія и разгарѣ страстей такъ часто рушатся и обезцѣниваются самыя драгоцѣнныя сокровища народной жизни и лишь по тому одному, что они состояли въ случайной связи съ тѣмъ, что оказалось ветхимъ и обреченнымъ на уничтоженіе. Съ болью въ душѣ нужно признаться, что именно такая опасность можетъ представиться для главнаго сокровища нашей народной жизни—вѣры православной; чтобы понять это, нужно только посмотрѣть на то море газетъ, брошюръ, листковъ, которое изливается теперь на народъ; все это, при всемъ различіи оттѣнковъ, неизмѣнно противорелигіознаго направленія. Ренаны, Штраусы, матеріалисты, антиномисты разныхъ оттѣнковъ—все, отъ чего столѣтія оберегали народъ, сразу получило широкій доступъ въ народную среду. Значительная часть не только интел-

лигенціи и полуинтеллигенціи, но и народной массы въ лицѣ «рабочихъ» элементовъ въ достаточной мѣрѣ уже проникласъ противорелигіозными тенденціями и идеями и теперь разноситъ этотъ ядъ по темной деревнѣ. Думать, что это грозное время проходитъ или скоро пройдетъ, было бы неосновательнымъ оптимизмомъ. Нѣтъ, для вѣры и церкви оно еще только начинается. Антирелигіозная агитація только надвигается на народъ, и нѣтъ такой внѣшней силы, которая могла бы ее задержать.

И нужно сознаться, что трудное время застало церковныхъ людей врасплохъ, не готовыми къ борьбѣ. На встрѣчу грозному врагу мы выбѣжали растерянными, съ потухшими свѣтильниками, какъ «неразумныя» евангельскія дѣвы; плохо понимая то, что происходитъ и должно произойти вокругъ... «Начетчикъ рабочій, прочитавшій полдесятка брошюръ, безъ труда одолѣетъ въ спорѣ священника». Грустно сознаться, но вѣдь это хвастливое заявленіе рабочаго, которое автору пришлось слышать на одномъ собраніи, справедливо относительно значительной части сельскаго, а порою и городского духовенства. Но это не можетъ продолжаться такъ! Давно слышатся жалобы на то, что на всѣ запросы паствы духовенство молчитъ или отвѣчаетъ такъ, что окончательно роняетъ свой авторитетъ и теряетъ довѣріе къ себѣ. И этого не должно быть!

Всѣ и почти единогласно признаютъ, что современная духовная школа не достигаетъ своей цѣли, что она рѣдко даетъ убѣжденныхъ пастырей, и потому просвѣтительное вліяніе духовенства на народъ и общество слабо. Такъ обстояло дѣло еще во время затишья, предъ грозой,—что же будетъ дальше? Очевидно, что въ нашей духовной школѣ нужна спѣшная, но въ то же время и основательная перестройка.

Въ свѣтской печати уже раздается зловѣщій шопотъ о томъ, что можетъ наступить время, когда священникъ будетъ одинъ ходить по храму и пѣть «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа», а рабовъ-то и нѣтъ, всѣ ушли... Въ борьбѣ съ такою опасностью и предъ такою задачей должны смолкнуть всѣ мелкіе партійные счеты, всѣ личныя препирательства и разногласія. Великое и важное нельзя приносить въ жертву ничтожному и суетному. Вотъ почему къ вопросу о реформѣ духовной школы нужно отнестись съ величайшею искренностью и съ особенною осторожностью, по нѣскольку разъ провѣряя себя. Между тѣмъ въ рѣшеніе именно этого вопроса вносится слишкомъ много субъективнаго, личнаго; оттого такъ различны, такъ противорѣчивы проекты, направленные къ одной цѣли.

Авторъ предлагаемыхъ очерковъ, нѣсколько лѣтъ уже собирающій матеріалъ, относящійся къ исторіи и современному положенію духовной школы, только въ послѣднее время получилъ возможность ближе познакомиться съ тѣмъ, что касается положенія школы въ послѣдніе 40 лѣтъ; только въ послѣднее время появились, впрочемъ, и тѣ богатые матеріалы, которые заключаютъ въ себѣ отзывы преосвященныхъ, корпорацій духовно-учебныхъ заведеній и сужденія Предсоборнаго Присутствія, а равно епархіальныхъ съѣздовъ;— только въ послѣднее время, наконецъ, оживилась небогатая прежде литература этого вопроса. Для того, чтобы собрать и неторопливо переработать весь этотъ матеріалъ, нуженъ не одинъ годъ, а между тѣмъ надвигается пора пересмотра устава, близокъ соборъ, и именно теперь чувствуется необходимость въ нѣкоторой сводкѣ и разборѣ матеріала. Авторъ имѣетъ смѣлость полагать, что даже не совсѣмъ законченная, по не-

обходимости торопливая работа, появившись во-время, принесетъ нѣкоторую пользу, и потому рѣшается опубликовать свой трудъ, мѣстами находящійся еще въ періодѣ не вполнѣ законченной работы.

При обсужденіи будущей реформы имѣетъ особенное значеніе опытъ прошлаго; время слишкомъ тревожное и положеніе слишкомъ угрожающее, чтобы можно было дѣлать новые эксперименты и повторять еще разъ извѣстныя со стороны своей непригодности средства. Вотъ почему на первый планъ ставится очеркъ прошлаго средней духовной школы, доведенный до послѣднихъ дней. Послѣдніе сорокъ лѣтъ въ исторіи нашей школы особенно важны. Вторая часть труда составитъ опытъ сводки и разбора главнѣйшихъ положеній, выставленныхъ разными общественными элементами по вопросу о реформѣ средней школы: именно по вопросамъ о типѣ школы, о постановкѣ воспитательной, учебной и административной частей школы и пр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Дореформенный періодъ (до 1808 г.).	
а) Духовная школа при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ до Екатерины Великой.	1
б) Духовная школа въ вѣкъ Екатерины II.	16
II. Реформа 1808 года:	
а) ея характеръ и значеніе въ исторіи духовнаго просвѣщенія	36
б) состояніе духовныхъ школъ при дѣйствіи устава 1808 года.	50
III. Протасовская реформа; состояніе духовныхъ школъ въ 1840 и 1850 годахъ	58
IV. Работы Комитета 1859 г. и ихъ судьба	80
V. Реформа 1867 года:	
а) Комитетъ 1866 года, выработка новаго устава и его характеръ	105
б) состояніе духовной школы въ періодъ 1867—1880 гг.	130
VI. Уставъ 1884 г. и состояніе при немъ духовной школы	145
VII. Попытка реформы духовной школы въ 1896—1899 г.г., и работы Учебнаго Комитета за послѣдніе годы. . .	169
VIII. Подготовительныя работы къ собору и временная реформа 1906 года	195
Матеріалы къ предстоящей реформѣ духовной школы:	
Отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ	220
Отзывы корпорацій духовныхъ семинарій и училищъ .	224
Сужденія V-го отдѣла и Общаго Присутствія Предсоборной Комиссіи	227

Краткій очеркъ прошлаго средней духовной школы [1]).

I. Дореформенный періодъ (до 1808 г.).

а) Духовная школа при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ до Екатерины Великой.

Дѣтство духовной школы было печально. Печально не потому только, что она родилась въ суровую пору обездоленнаго существованія духовенства, на скудныя средства котораго содержалась, что въ первое время не знала другихъ учителей, кромѣ тѣхъ, которые единственнымъ воспитательнымъ средствомъ признавали розгу и палку, но и вообще по своей странной судьбѣ.

---

[1]) Источниками и пособіями для историческаго очерка послужили: «Духовная школа въ Россіи до реформы 1808 г.», стр. 1—807, изслѣд. проф. П. Знаменскаго. «Основныя начала духовно-училищной реформы въ царствованіе императора Александра I». Его же. «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи». С. Смирнова. «Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи», т. I и II, проф. Н. Петрова. «Исторія Кіевской духовной академіи», вып. I, проф. С. Голубева. «Исторія Троицкой лаврской семинаріи». Смирнова. «Братья Лихуды». М. Сменцовскаго. «Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи». А. Надеждина. «Исторія Владимірской духовной семинаріи», вып. I—III. Н. Малицкаго. «Исторія Воронежской духовной семинаріи», ч. I—II. П. Никольскаго. «Исторія Пермской духовной семинаріи», архим. Іеронима. «Очеркъ исторіи Смоленской духовной семинаріи». П. Сперанскаго. «Исторія Тверской духовной семинаріи. В. Колосова. «Тульская духовная семинарія». М. Руднева. «Исторія Казанской духовной семинаріи». А. Благовѣщенскаго. «Исторія Минской духовной семинаріи». М. Вержболовича.

Надъ нею съ первыхъ же дней сталъ тяготѣть роковой законъ старости: «инъ тя поясетъ и ведетъ, аможе не хощеши» (Іоан. XXI, 18). Основанная въ противовѣсъ стройно организованной іезуитской наукѣ, всѣмъ сердцемъ тяготѣя къ православному востоку и какъ чумы боясь вліянія католическаго запада,—наша духовная школа тѣмъ не менѣе въ духѣ и въ формѣ ученія съ первыхъ же дней послѣдовала этому послѣднему, явившись довольно точной копіей іезуитскихъ коллегій.

Въ то время, какъ Петръ Великій, родоначальникъ духовныхъ школъ, писалъ свои наказы о заведеніи въ каждой епархіи архіерейскихъ школъ, на Руси нарождалось два типа школы. Первый представляла устроенная Петромъ Могилой по католическому образцу Кіевская Академія, второй—московская, а позднѣе новгородская грекославянская школа братьевъ Лихудовъ. Въ борьбѣ за преобладаніе первая вскорѣ получила права гражданства, и грекославянскія школы должны были уступить мѣсто латинскимъ. Причиною этого было не одно преобладаніе среди русской іерархіи того времени питомцевъ Кіевской Академіи, на которое обычно ссылаются, но главнымъ образомъ полный упадокъ духовнаго просвѣщенія въ Греціи подъ игомъ мусульманъ, недостатокъ греческихъ уче-

---

«Исторія Московской семинаріи». Кедрова. «Исторія Литовской семинаріи» свящ. Навѣкова. «Исторія Рязанской духовной семинаріи». Д. Агицева «Духовная школа Курско-Бѣлгородской епархіи», проф.-прот. О. Титова. «Историческая записка о Костромской духовной семинаріи». Андроникова. «Историческія свѣдѣнія о Подольской духовной семинаріи». Д. С—каго. «Исторія Казанской духовной академіи», ч. I—III, проф. П. Знаменскаго. «Исторія С.-Петербургской духовной академіи». И. Чистовича. «Исторія Московской духовной академіи. С. Смирнова. «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи». И. Чистовича. «Русская церковь въ XIX вѣкѣ». С. Рункевича. Кромѣ отдѣльныхъ монографій, авторъ пересмотрѣлъ оффиціальныя изданія, отчеты ревизоровъ, дѣла и матеріалы Синодальнаго Архива, касающіеся реформы школы, а также большое количество замѣтокъ, корреспонденцій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ столичной и по преимуществу въ мѣстной епархіальной и губернской прессѣ.

ныхъ и неопредѣленность типа греческихъ школъ. Да и самая Петровская реформа всѣми силами своими поворачивала Россію отъ востока къ западу, отъ прежнихъ греческихъ вліяній къ западной цивилизаціи, возросшей на латино-римской почвѣ.

Послужившая разсадникомъ духовнаго просвѣщенія, Кіевская Академія, по примѣру іезуитскихъ коллегій, раздѣлялась на классы или школы—низшія: фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, пиитику и риторику, и высшія: философскую и богословскую. Начальствующими лицами были ректоръ, префектъ и супер-интендентъ, имѣвшій помощниками сеніоровъ, цензоровъ и визитаторовъ изъ учениковъ. Кромѣ уроковъ ученики занимались проповѣдями, экзерциціями и оккупаціями. Какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, для соревнованія дозволялось писать спорныя экзерциціи и оккупаціи «de diligentia, de loco, de erratis»; бѣдные ученики писали оккупаціи «de pane, de candella, de calceis» и проч. на своихъ богатыхъ товарищей. Въ высшихъ классахъ введены были философскіе и богословскіе диспуты. Диспуты были посѣщаемы множествомъ любопытныхъ кіевлянъ. Науки преподавались по схоластическому методу; въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи—Ѳома Аквинатъ. Изъ языковъ вполнѣ господствовалъ и въ лекціяхъ, и въ оккупаціяхъ, и въ диспутахъ, и даже въ разговорѣ—латинскій; по-русски говорить запрещалось: кто произносилъ русское слово, того записывали въ «calculus» (листъ въ деревянномъ футлярѣ), и бѣда, если «calculus» оставался у виноватаго на ночь: за это на слѣдующій день онъ подвергался экзекуціи. Болѣе или менѣе точныя копіи съ этихъ порядковъ и представляли первыя духовныя школы.

Въ общемъ и школа Лихудовъ была организована по тому же схоластическому образцу, съ тѣми же классами. Послѣ подготовительнаго класса словенскаго книжнаго писанія переходили къ греческому книжному писанію, и уже въ дальнѣйшихъ классахъ грамматику и пиитику преподавали на греческомъ языкѣ,

а риторику, логику и физику на греческомъ и латинскомъ. Учебники Лихудовъ написаны по всѣмъ правиламъ схоластической искусственности, съ причудливою пестротою дѣленій и подраздѣленій. Но отдавая эту дань вѣку и традиціи, Лихуды внесли въ свою школу живое творческое начало и весьма плодотворное стремленіе приблизить науку къ потребностямъ жизни и спеціальнымъ цѣлямъ русской духовной школы. Не стѣсняясь рамками схоластики, они стремились приноровить преподаваніе къ національному характеру и степени разумѣнія слушателей. Въ самомъ обученіи риторикѣ они видѣли не формальную цѣль—приготовить искусныхъ стилистовъ, а воспитаніе людей съ честнымъ направленіемъ, съ сознательными убѣжденіями, съ любовью къ истинѣ. Свое изложеніе риторическихъ правилъ они снабжаютъ, поэтому, примѣрами изъ Св. Писанія, изъ отцовъ церкви и живой дѣйствительности, проводя мысли духовнаго содержанія и рѣдко касаясь языческой древности. Во всѣ даже свѣтскія науки они пытались внести элементъ богословствованія. Правда, читавшаяся послѣ риторики логика (по Аристотелю) представляла мало мѣста для такого элемента, но слѣдующая наука—физика—была собственно уже курсомъ естественнаго богословія, представляя нѣчто въ родѣ нашихъ начальныхъ основаній философіи. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики собирались въ аудиторіи и слушали здѣсь поученія или изъясненія библейской исторіи.

Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ школѣ Лихудовъ не суждено было укрѣпиться, отъ недостатка вполнѣ подготовленныхъ учителей и вслѣдствіе преобладанія сторонниковъ западнаго образованія. Поэтому трудно сказать, какъ стали бы развиваться тѣ національно-творческія начала, которымъ давала мѣсто эта школа, и въ какой типъ она вылилась бы, но во всякомъ случаѣ, при свободномъ критическомъ отношеніи въ традиціонной схоластикѣ, можно было ждать болѣе скораго и безболѣзненнаго перерожденія нашей духовной школы

въ нормальный, цѣлесообразный типъ, чѣмъ это случилось на дѣлѣ. Но нѣтъ худа безъ добра, и воцарившаяся на мѣстѣ славянской—«латинская» школа именно своею слѣпою вѣрностью католическимъ образцамъ оказала крупную, хотя и случайную услугу духовному просвѣщенію.

Преобразователь Россіи, понимая науку узко-практически, какъ только выучку опредѣленному ремеслу, съ этой именно точки зрѣнія склоненъ былъ смотрѣть и на духовныя школы, готовившія молодыхъ людей въ надежду священства. Эта черта доходила въ немъ до полнаго пренебреженія общеобразовательнымъ элементомъ; школы цѣнились только съ точки зрѣнія пригодности для профессіи. Поэтому и самая организація школы была поручена профессіи—въ данномъ случаѣ епархіальнымъ архіереямъ—безъ общегосударственнаго контроля. И не будь у малороссійскихъ ученыхъ этой традиціонной вѣрности кіевскому образцу, — весьма возможно, что, подъ вліяніемъ этой тенденціи къ спеціализаціи, у насъ утвердился бы узко-клерикальный типъ, и духовное образованіе надолго не возвысилось бы надъ ремесленной выучкой. Въ дѣйствительности въ первыя десятилѣтія существованія духовной школы мы видимъ совершенно обратное,—первыя архіерейскія школы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ возвышались надъ первоначальной выучкой славянской грамотѣ, образуясь по строгому образцу Кіевской, почти вездѣ обрывались не доходя до богословскаго курса и не проходя ни одной богословской науки—на грамматикѣ, самое большое—на риторикѣ. Разумѣется, въ такомъ видѣ онѣ только по недоразумѣнію могли считаться духовными школами, а ихъ риторы и грамматисты правоспособными кандидатами священства.

Великороссійскіе іерархи вообще подозрительно смотрѣли на латинскую науку. Свѣжее чувство многихъ простодушныхъ ревнителей православія почуяло здѣсь примѣсь чуждаго элемента и насторожилось. Многимъ казалось, что съ латинскимъ языкомъ питомцы впитаютъ и латинскую мысль,

а съ Ѳомою Аквинатомъ усвоятъ схоластическое воззрѣніе на догматы. Инымъ дѣло представлялось даже еще хуже: «таковый схоластикъ,—писалъ о южнорусскихъ ученыхъ Іову Новгородскому іерод. Дамаскинъ,—бываетъ по преизлиху пакостникъ церковный и ересезобрѣтатель».—Этому ревнителю православія казалось, что «на Руси уже начался пожаръ отъ залетѣвшихъ сицилійскихъ головней», который нужно тушить немедленно. Нечего бояться, что безъ кіевскихъ ученыхъ у насъ не будетъ средствъ къ просвѣщенію, «благоволи сыскать себѣ греческихъ преводниковъ и писцовъ, и увидишь чудо преславное, узриши бо, коликая полнота писаній обрѣтается на эллинскомъ языкѣ, и нѣсть намъ нужды до латынниковъ никоеяже». Въ Великороссіи большинство духовенства совершенно не понимало пользы отъ зубренія латыни, никому въ сельскомъ быту ненужной; въ этомъ оно видѣло пустую вывѣску учености. Представители грекославянскаго образованія казались современникамъ обладающими бо́льшею серьезностью въ работѣ, глубокою и строго обдуманною мыслью, людьми сердца, а не сухой діалектики; ученые же, возросшіе на латинской наукѣ, отличаясь развитіемъ формы и діалектики, представлялись людьми съ замѣтною мелкостью мысли и недостаткомъ силы во внутреннемъ ея содержаніи.

Повидимому, нѣкоторые недостатки южно-русскаго типа школы были замѣчены и вверху, и просвѣщеннымъ авторомъ Духовнаго Регламента была сдѣлана попытка устранить вредъ этого «привидѣннаго и мечтательнаго ученія». Авторъ регламента, замѣтивъ вредъ узко формальнаго характера обученія, настаивалъ на введеніи въ курсъ школы нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ, дающихъ реальныя знанія. Помимо риторики и философіи, присутствіе которыхъ въ духовной школѣ настолько укоренило взглядъ на нихъ, какъ на спеціально духовныя доктрины, что ихъ перестали включать въ составъ курса свѣтскихъ школъ (недоразумѣніе, не

совсѣмъ разсѣянное и до сихъ поръ), авторъ регламента включилъ въ семинарскій курсъ новые языки, математику, географію и исторію. Такимъ путемъ онъ старался устранить изъ духовной школы и религіозную исключительность, и схоластическую односторонность. На богословіе, какъ на главную науку, предполагалось отвести два послѣдніе года, остальныя науки толковать сокращенно; причемъ было назначено по году на 1) физику съ метафизикой, 2) логику или діалектику, 3) риторику съ пінтикой, 4) политику (аще потребна судится быть) и 5) на ариѳметику съ геометріей. Для наиболѣе важныхъ изъ общеобразовательныхъ наукъ, исторіи и географіи, не оказалось самостоятельнаго мѣста въ курсѣ, ихъ велѣно было преподавать одинъ годъ и притомъ совмѣстно съ преподаваніемъ грамматики и языковъ, въ видѣ переводныхъ экзерцицій. «И се вельми полезно, хвалитъ регламентъ свою оригинальную выдумку, ибо ученицы великое ко ученію возымѣютъ доброхотство, когда невеселое языка ученіе толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено будетъ». Изъ языковъ изучался латинскій;—греческій и еврейскій—какъ терпимая роскошь. Относительно изученія богословія авторъ Духовнаго Регламента даетъ подробный трактатъ, въ которомъ видно желаніе, покончивъ съ схоластической постановкой богословія, перейти къ изученію источниковъ—Св. Писанія и твореній свято-отеческихъ,—«долженъ убо богословскій учитель не по чужимъ сказкамъ, а по своему вѣдѣнію учить». Здѣсь же было дано и нѣсколько весьма умѣстныхъ наставленій касательно поведенія проповѣдника на каѳедрѣ (чтобы онъ «не шатался вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ»; «руками не спляскивалъ, въ бока не упирался, не подскакивалъ, не смѣялся, да и не рыдалъ»).

Воспитательная часть по „Регламенту"

Въ основу воспитательнаго воздѣйствія регламентъ клалъ систему строгаго монастырскаго заключенія, съ совершеннымъ отдѣленіемъ воспитанниковъ отъ современнаго обще-

ства и даже родной семьи. На эту систему затвора возлагались большія надежды: «аще и тигръ правомъ будетъ (ребенокъ), агничую тамо воспріиметъ кротость на ся...» Вся бурса была подѣлена на избы или на комнаты въ 8—9 человѣкъ, по возрастамъ; каждый шагъ ученика распредѣлялся по часамъ и звонкамъ. Такое житіе, «заключенію плѣнительному подобное», разнообразилось «играми честными и тѣлодвижными», «разными комедіями и риторскими экзерциціями», которыя «веселую перемѣну дѣлаютъ», а по большимъ праздникамъ «гласомъ музикійскихъ инструментовъ». Монастырь Ѳеофана Прокоповича былъ, какъ видимъ, все же съ нѣкоторыми увеселеніями, и «плѣнникамъ» иногда находили нужнымъ давать «веселую перемѣну».

Оцѣнивая въ общемъ этотъ идеалъ устройства духовной школы, въ постановкѣ учебной части нельзя не видѣть попытки, подобно Лихудамъ, перестроить схоластическіе готовые образцы сообразно національнымъ и мѣстнымъ потребностямъ и вообще поставить школу на путь живого, самостоятельнаго развитія. Но и этотъ идеалъ при отсутствіи контроля за дѣйствіями епархіальной власти остался только на бумагѣ, если не считать устроенной самимъ Прокоповичемъ школы на р. Карповкѣ, въ С.-Петербургѣ; впрочемъ и здѣсь онъ примѣненъ былъ только отчасти. Въ школѣ на Карповкѣ преподавались: Законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, риторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе; философіи и богословія не было. Въ школѣ царилъ строгій іезуитскій режимъ, узаконялся доносъ, но для развлеченія допускались сценическія представленія и музыка. Школа на Карповкѣ была недолговѣчна и послѣ смерти ея основателя слилась съ Петербургской семинаріей.

Такъ какъ устройство и организація школъ зависѣла цѣликомъ отъ личнаго усмотрѣнія епископа, то было совершенно обыкновеннымъ явленіемъ, что устроенная однимъ

преосвященнымъ архіерейская школа приходила въ полный упадокъ и упразднялась при его преемникѣ, потому ли, что послѣдній вообще не цѣнилъ образованія, или же по простому нерасположенію къ взглядамъ и дѣятельности своего предшественника. Нѣкоторые преосвященные положительно вмѣняли себѣ въ особую добродѣтель закрывать устроенныя ихъ просвѣщенными предшественниками школы. Такую измѣнчивость судьбы въ зависимости отъ перемѣны архіереевъ испытали многія архіерейскія школы и семинаріи; такъ было въ Казани, Рязани, Архангельскѣ, Воронежѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ, Вологдѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Не смотря на настоятельныя напоминанія Сунода, школы медленно открывались епархіальными преосвященными; преосвященные отписывались главнымъ образомъ указаніемъ на крайнюю скудость средствъ. Современники и правительство скептически относились къ этимъ отпискамъ и приписывали замедленіе въ открытіи школъ «архіерейской оплошкѣ» (Посошковъ). И хотя несомнѣнно, что при нѣкоторой находчивости и энергіи мѣстные владыки, въ большинствѣ случаевъ, могли выполнить порученіе Сунода, но все же было бы ошибкой винить епархіальную власть; главною причиною замедленія было полное отсутствіе средствъ и рѣшительная оппозиція духовенства, отказывавшагося собирать деньги и продукты на содержаніе школъ и отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Школы наполнялись лишь путемъ насильственнаго отбиранія и вербовки учениковъ.

Настойчивыя правительственныя напоминанія о необходимости каждому архіерею завести школу (1827 и 1830 г.г.) также не имѣли успѣха. Но дѣло развитія духовнаго просвѣщенія значительно подвинулось впередъ послѣ того, какъ (въ 1838 г.) послѣдовало Высочайшее соизволеніе на ежегодное доставленіе каждою архіерейскою школою особыхъ вѣдомостей, для представленія ихъ самой императрицѣ. Въ 1839 г. послѣдовалъ новый указъ, потверждающій это распоряженіе,

съ горькими упреками по адресу архіереевъ за то, что они пренебрегли столь важнымъ дѣломъ, и съ приказомъ преобразовывать архіерейскія школы въ семинаріи съ полнымъ числомъ классовъ. Послѣ этихъ грозныхъ указовъ, мѣстные преосвященные энергично принялись за устройство школъ. Въ короткое время было преобразовано изъ начальныхъ архіерейскихъ школъ и вновь открыто до 20 семинарій; но только четыремъ—пяти изъ всѣхъ (Харьковская, Новгородская, Казанская, Троицкая, Псковская) удалось въ скоромъ времени открыть богословскіе классы, остальныя обрывались на риторикѣ и въ полномъ видѣ стали существовать лишь съ конца 1760-хъ и 1770-хъ гг. Такимъ образомъ, за первые 50 лѣтъ существованія, духовныя школы не успѣли принять характеръ спеціальныхъ и въ большинствѣ были лишены богословскаго элемента.

Можно было думать, что предоставленная преосвященнымъ полная свобода въ организаціи школьнаго дѣла дастъ возможность обнаружить творческое, живое отношеніе къ дѣлу и породитъ цѣлый рядъ своеобразныхъ типовъ школы, попытокъ соединить общее образованіе съ профессіональнымъ, но въ дѣйствительности этого не оказалось и теперь. Семинарскіе классы повсюду дѣлались точною копіей курса Кіевской академіи. Послѣ предварительнаго славяно-россійскаго класса ученики должны были вплотную засаживаться за изученіе латыни, считавшейся фундаментомъ всѣхъ знаній. Славяно-россійскій классъ съ элементарнымъ курсомъ славянской грамоты и Закона Божія сначала существовалъ при семинаріяхъ, но съ 1730 года, когда выяснилась невозможность, за недостаткомъ средствъ, сосредоточить обученіе всѣхъ дѣтей духовенства при центральныхъ архіерейскихъ школахъ, этотъ классъ представлялъ предметъ домашняго обученія, и при семинаріяхъ сохранился только кое-гдѣ. Въ первомъ семинарскомъ классѣ (фара или аналогія) учили только читать и писать по-латыни; но такимъ методомъ, что ученики иногда по нѣскольку

лѣтъ не могли осилить этой премудрости. За аналогіей слѣдовала инфима, гдѣ учились уже грамматикѣ, ученіе которой продолжалось и въ классахъ грамматики и синтаксимы. Продолжительность обученія зависѣла отъ крайне темнаго и труднаго учебника Альвара; хотя офиціально и здѣсь полагалось только по году ученья на классъ, но многіе учились по 6—8 лѣтъ въ одномъ классѣ. Синтаксимой заканчивался рядъ низшихъ классовъ; за этотъ порогъ перебиралась сравнительно небольшая часть воспитанниковъ. Слѣдовавшая далѣе піитика разсматривалась исключительно какъ ars pangeni versus (искусство плести вирши); занимались стихосложеніемъ латинскимъ,—о славянскомъ стихосложеніи говорилось немного и строилось оно по силлабическому образцу; представлялись самые затѣйливые образцы: и стихи ретроградные, которые можно было читать и спереди назадъ и сзади напередъ, и четырнадцатисложные стихи львиные, и стихи змѣиные, и перекрестные, и стихи звѣздой и мн. др. Образцы приводились изъ стихотворныхъ опытовъ Яворскаго, Прокоповича, Іоанна Максимовича и др.

Слѣдующій классъ—риторики былъ въ сущности продолженіемъ той же ludus litteralis—игры въ словесныя формы; учебники представляли наборъ однихъ механическихъ рецептовъ, какъ писать періоды, хріи, письма и цѣлыя ораторскія рѣчи на всевозможные случаи. Цѣлые отдѣлы посвящались правиламъ амплификаціи, украшенія рѣчи тропами и фигурами. Здѣсь давался цѣлый арсеналъ высокопарныхъ фразъ, сравненій, подобій, сентенцій, наборъ примѣровъ изъ исторіи и миѳологическихъ терминовъ. Далѣе (тамъ, гдѣ не было отдѣльнаго философскаго класса) шло краткое изложеніе силлогистики и мѣстами кое-что сообщалось изъ богословія.

Въ философію переводились весьма немногіе ученики; это былъ классъ, который давалъ все же нѣкоторыя цѣнныя знанія. Философія проходилась два года и состояла изъ пяти

частей: 1) діалектики или логики, 2) физики, 3) психологіи (анимостика), 4) метафизики и 5) нѳики. Въ основѣ философіи лежали начала Аристотеля.

Богословіе преподавалось по тому же схоластическому образцу. Ѳома Аквинатъ былъ главнымъ руководствомъ. Схоластическая привычка вращаться только въ области формальной діалектики производила какое-то отчужденіе отъ положительныхъ знаній, такъ что въ самомъ богословіи устранялась вся его положительная сторона, состоящая въ филологическомъ и историческомъ изученіи источниковъ христіанскаго вѣроученія, и оставалась одна сторона логическая, лишенная всякой научной опоры. Записки по богословію состояли изъ разныхъ болѣе или менѣе утонченныхъ «дефиницій, квестіоновъ и диспутацій»; чрезмѣрная дробность дѣленій и подраздѣленій, изысканность и сухость силлогистическихъ формъ, въ которыхъ посылки по большей части извнѣ пригнаны къ готовымъ заключеніямъ, незначительность иногда мелочность вопросовъ, пустая терминологія и отсутствіе истиннаго духа ученія христіанскаго только порождали любопреніе и ошибочную самоувѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости. Латынь, составляя обманчивый покровъ для пустоты, только прикрывала безполезность этой схоластики. Путаясь въ безплодныхъ діалектическихъ тонкостяхъ, богословъ только и годился для школьныхъ диспутовъ въ кругу такихъ же педантовъ, какъ онъ самъ, но не могъ попонятнѣе и на русскомъ языкѣ объяснить самыхъ простыхъ истинъ вѣры, что собственно и требовалось отъ будущаго народнаго учителя и пастыря. Русскій научно-богословскій языкъ въ это время былъ до того мало развитъ, что стоялъ несравненно ниже даже языка нашихъ старинныхъ переводчиковъ св. отецъ и оригинальныхъ богословскихъ произведеній древней Руси.

Потребности богословскаго образованія семинаристовъ удовлетворяли только упражненія въ составленіи проповѣдей и,

особенно, заведенныя въ нѣсколькихъ семинаріяхъ катихизическія бесѣды, на которыхъ только и можно было услышать живое слово объ истинахъ вѣры на родномъ языкѣ. Священнаго Писанія не читали и не изучали. Самая славянская Библія была большою рѣдкостью и находилась даже въ единственномъ экземплярѣ не въ каждой семинаріи. Славянскую Библію замѣняла латинская. Врагомъ этого схоластическаго богословія выступалъ еще Ѳеофанъ Прокоповичъ, составившій свою систему богословія по образцу новыхъ протестантскихъ теологій, но она долго не принималась въ руководство ни въ семинаріяхъ, ни въ академіяхъ. Кромѣ отмѣченныхъ выше обязательныхъ предметовъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ преподавался греческій языкъ, кое гдѣ ариѳметика и географія, въ 1750 гг. мѣстами ввели исторію.

Характерною чертою семинарской педагогіи этого времени являлось преобладаніе юридическихъ и дисциплинарныхъ воззрѣній; вся нравственность воспитанника сводилась на исполненіе извѣстныхъ оффицій; атмосфера мертвой канцелярщины тѣмъ удобнѣе проникала въ педагогическую жизнь, что первое время семинаріи были подчинены членамъ консисторій, и школьная администрація составляла только часть общеепархіальной, такъ что особые ректоры и префекты были первое время не вездѣ. Педагогическія мѣры по отношенію къ ученикамъ состояли только въ наказаніяхъ, которыя порою поражаютъ своею жестокостью; розги, палки, пощечины, битье линейками, дранье за волоса были почти единственнымъ средствомъ поощренія. Подъ вліяніемъ такой школы и вырабатывался тотъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, совѣстливость преслѣдовались какъ бабьи черты, недостойныя порядочнаго бурсака. Выйдя изъ школы, эти закаленные люди, презирая свои и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ или по крайней мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей.

Не многимъ лучше было и положеніе учителей, которые

за послабленіе часто подвергались «равномѣрному наказанію какъ и объ ученикахъ показано»; къ сожалѣнію этимъ унизительнымъ экзекуціямъ подвергали часто не вполнѣ заслуживавшихъ ихъ учителей, въ родѣ г. Стасіевича (въ Воронежской семинаріи), самолично звѣрски истязавшаго даже не подчиненнаго ему человѣка, или отбиравшаго силою у учениковъ деньги и шапки, «безобразно пьянствовавшаго и впавшаго въ французскую болѣзнь» Ѳедора Радикорскаго (Владимірской семинаріи), а лучшихъ преподавателей въ родѣ Гедеона Криновскаго или Платона Левшина (впослѣдствіи митрополита Московскаго). Послѣдняго «зависти ради» присудилъ къ позорному наказанію переяславскій архіерей Амвросій.

Единственную возможность для учителя пріобрѣсти кое какія права давало постриженіе въ монашество; и такъ какъ содержаніе учителей было настолько нищенское, что семейному человѣку существовать на него было невозможно то неудивительно, что черный клобукъ привлекалъ многихъ. Причемъ, такіе иноки не всегда отличались иноческимъ житіемъ. Примѣръ владимірскаго ректора архимандрита Павла, посылавшаго учениковъ на ратоборство съ мѣщанами и самолично принимавшаго участіе въ этой дракѣ, а затѣмъ пойманнаго въ лихоимствѣ и предававшагося распутству, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. При такихъ правахъ начальниковъ не блестяще было воспитаніе и учениковъ; драки, пьянство съ грубымъ буйствомъ, истязанія товарищей, знакомство съ подозрительными особами — все это были заурядныя явленія, за которыя наказывали только экзекуціей. Учительскій и воспитательный персоналъ этого времени представлялъ удивительную смѣсь разныхъ проходимцевъ съ скромными бурсаками, не нашедшими себѣ болѣе обезпеченной службы. Кто только ни попадалъ первое время въ учителя семинарій—и пономари, и пѣвчіе, и посадскіе, и попы разстриги, и польскіе шляхтичи. Экономя скудныя средства и не желая разыскивать учителей далеко, преосвященные часто

надолго оставляли въ школахъ этихъ людей, которыхъ съ трудомъ можно было терпѣть на первый разъ по безлюдью и новости школьнаго дѣла. Конечно, ни своими нравственными достоинствами, ни знаніями они не умѣли внушить къ себѣ уваженія.

Мало по малу, съ увеличеніемъ кандидатовъ на учительскія мѣста, свѣтскій элементъ сталъ пользоваться неблаговоленіемъ монашествующаго начальства. Малороссы, весьма усердно домогавшіеся преобладанія въ русской іерархіи, употребляли всѣ усилія, чтобы завербовать въ лагерь монашествующихъ какъ можно болѣе ученыхъ и энергичныхъ богослововъ. Въ противовѣсъ этимъ стремленіямъ стали дѣйствовать и іерархи изъ великороссовъ. Привлеченіе къ монашеству въ цѣляхъ партійной борьбы дошло до какой-то азартной игры. Дѣло доходило до того, что въ Московской Академіи за непринятіе монашества учителей лишали мѣстъ безъ права поступать на духовноучебную службу (Кондаковъ, Пельскій и другіе), а нѣкоторыхъ, какъ, напр., Гавр. Петрова (въ Троицкой семинаріи), постригали насильно.

На каждый классъ полагался только одинъ преподаватель, который все учебное время и занимался въ классѣ. Успѣшному занятію преподавателей много препятствовало отсутствіе возможности спеціализаціи; учительство въ извѣстномъ классѣ разсматривалось, какъ чинъ, и потому учитель, поступая въ низшій классъ, постепенно передвигался изъ класса въ классъ, перемѣняя сообразно этому и предметы. Печальному положенію образовательной и воспитательной части соотвѣтствовала и матеріальная сторона. Содержимыя на скудныя средства архіерейскихъ домовъ и неисправно поступавшіе сборы съ духовенства, семинаріи терпѣли крайній недостатокъ во всемъ. Окладъ содержанія учителю нерѣдко назначался всего 20—30 рублей въ годъ, на содержаніе ученика при недостаточно добросовѣстной экономіи падали такія крохи, что кромѣ плохого хлѣба, каши и гороха

ему не приходилось лакомиться другими блюдами. Бурсаки жившіе внѣ общежитій, ютились на окраинахъ города въ такой грязи и тѣснотѣ, которая приводила въ изумленіе даже видавшую разные виды тогдашнюю полицію; кормились эти квартиранты нерѣдко милостыней, распѣвая свои «канты» подъ окнами.

б) Духовная школа въ вѣкъ Екатерины II.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II наступилъ новый періодъ въ исторіи нашего образованія. Прежній узкоутилитарный взглядъ смѣнился широкими педагогическими воззрѣніями; правительство сознало, что государственное благосостояніе зиждется не на одномъ распространеніи полезныхъ спеціальныхъ знаній, а на общемъ образованіи ума и сердца, на развитіи нравственности. Старыя учебныя заведенія подверглись преобразованіямъ. Было обращено вниманіе и на духовныя школы. Императрица, ознакомившись съ ихъ состояніемъ, осталась ими очень недовольна. «По сіе время, писала она, архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ, ни нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земного и мѣста, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ.

Въ этой мѣткой характеристикѣ признаны неудовлетворительными всѣ стороны строя семинаріи. Далѣе императрица указывала на необходимость введенія общеобразовательныхъ наукъ—математики, исторіи, географіи—и преобразованія библіотекъ, составъ которыхъ въ семинаріяхъ былъ бѣдный и случай-

Инв. № 20Р/77

ный. По порученію императрицы преосв. Гавріиломъ Тверскимъ, Иннокентіемъ Псковскимъ и архим. Платономъ Левшинымъ былъ составленъ проектъ преобразованія духовныхъ школъ. Въ этомъ проектѣ впервые была сдѣлана попытка раздѣлить школы на разряды и, выдѣливъ низшія школы, раздѣлить семинаріи на большія и меньшія. Малыя семинаріи назначались спеціально для образованія кандидатовъ на духовную службу, но изъ нихъ нѣкоторое опредѣленное число воспитанниковъ должно было направляться для «совершенствованія обученія» въ большія семинаріи. Въ малыхъ семинаріяхъ предположено было преподавать классическіе языки, ариѳметику, географію, исторію, риторику съ піитикой, логику, моральную философію и богословіе. Въ курсъ большихъ семинарій введено сверхъ этихъ предметовъ преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, геометріи, метафизики, теоретической физики и полемическаго богословія. Къ большему же успѣху въ богословскихъ ученіяхъ предполагалось ввести толкованіе Св. Писанія. Большія семинаріи рѣшено завести въ Новгородѣ, Казани, Ярославлѣ и Петербургѣ. Кіевскую академію предполагалось оставить на старомъ положеніи, а московскую выдѣлить на степень высшаго учебнаго заведенія, подчиненнаго непосредственно Синоду, а мѣстному архіерею только какъ куратору. Кромѣ того проектъ предполагалъ завести общее центральное управленіе для всѣхъ духовныхъ школъ, въ лицѣ особаго протектора школъ.

Такимъ образомъ въ двухъ послѣднихъ предположеніяхъ нельзя не видѣть, съ одной стороны, проблеска идеи высшаго духовно-учебнаго заведенія, по самому существу своему выступающаго изъ узкой сферы епархіальной жизни въ болѣе широкую сферу жизни общецерковной, съ другой,—сознанія необходимости возвышенія учебнаго управленія на степень дѣла общецерковнаго, съ цѣлью придать этой важной отрасли церковной жизни то единство, котораго она никакъ не могла получить, оставаясь подъ вѣдомствомъ однихъ епархіальныхъ

властей. Изложивъ цѣлый рядъ правилъ съ цѣлью упростить преподаваніе, проектъ почелъ нужнымъ предоставить учителямъ больше самостоятельности и право вводить отъ себя все, что найдутъ полезнымъ для учениковъ, лишь извѣщая предварительно префекта. Всѣ учителя должны быть и воспитателями учениковъ—посѣщать ихъ жилища и во всемъ подавать имъ примѣръ. Опредѣляя образъ жизни учениковъ, проектъ позаботился объ увеселеніяхъ семинаристовъ «для здравія и разогнанія смутныхъ мыслей»; для сего разрѣшено было быть въ семинаріяхъ комедіямъ, «пріобучающимъ семинариста къ честной смѣлости и къ вѣжливости», только чтобы эти комедіи не заключали чего-нибудь неприличнаго и вреднаго для нравственнаго чувства, но «подъ видомъ увеселительнаго представленія вдыхали бы воспитанникамъ нравоучительную пользу». Въ цѣляхъ эстетическаго образованія, кромѣ того, дозволялась музыка и пѣніе, а для физическаго развитія рекомендовались игры въ мячъ, кегли и т. п.

Въ педагогическихъ мѣрахъ видно значительное смягченіе прежней крайне суровой системы наказаній; изгнаны наказанія батогами и розгами, изъ дозволенныхъ видовъ наказаній самыми чувствительными являлись: обуваніе провинившагося въ лапти или въ замаранный кафтанъ, назначеніе его прислуживать въ кухнѣ, подавать блюда за столомъ, чистить обувь и платье, лишеніе на день или на два пищи, угроза исключеніемъ изъ семинаріи и отдачей въ солдаты. Въ 1766 г. проектъ былъ представленъ на утвержденіе императрицѣ. Но такъ какъ въ томъ же году рѣшено было созвать извѣстную коммиссію для пересмотра всѣхъ сторонъ государственной жизни, то туда же былъ переданъ и проектъ о преобразованіи духовныхъ школъ и послѣ роспуска послѣдней коммиссіи остался безъ рѣшенія. Такимъ образомъ и третьей попыткѣ поставить духовную школу на путь живого національнаго творчества, а не сухой схоластической рутины, не суждено было осуществиться. Но тѣмъ не менѣе,

яркій и разительный примѣръ безсилія духовенства во время пугачевщины оказать желательное воздѣйствіе на народъ и успокоить страну заставили правительство принять нѣкоторыя мѣры.

Начиная съ 1760 г.г. духовныя семинаріи получаютъ сначала ничтожные, а затѣмъ болѣе значительные (3 — 4 тыс. руб.) штатные оклады отъ казны. Въ нихъ духовная школа впервые нашла для себя опредѣленный и постоянный источникъ содержанія. Благодаря штатнымъ окладамъ духовныя школы стали приходить къ большему единообразію въ своемъ внѣшнемъ бытѣ, въ содержаніи учителей и учениковъ, что не могло не отразиться и на внутренней сторонѣ ихъ жизни. Желаніе получить или увеличить для своей семинаріи казенный окладъ заставляло преосвященныхъ быть очень чуткими къ разнымъ моднымъ вѣяніямъ: пошла мода на все французское,—и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ стали вводить французскій языкъ; но вотъ, обезпокоившись смутами революціи, правительство издаетъ указъ объ изъятіи этого языка изъ курса,—и семинарское начальство безропотно подчиняется этому требованію. Въ 1780 г.г. становится модным восточный вопросъ, возбуждаются мечты о завоеваніи Константинополя,—и опять въ семинаріяхъ начинаютъ вводить или усиливать (гдѣ было уже введено) изученіе греческаго языка.

Указомъ 1797 г. изъ состава духовныхъ школъ было выдѣлено четыре академіи съ пятилѣтнимъ курсомъ (два года философскій классъ и три—богословскій); причемъ въ философскомъ классѣ было опредѣлено преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику; въ богословскомъ же—краткую церковную исторію, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи, пасхалію, читать съ объясненіями Св. Писаніе и книги: Кормчую и о должностяхъ приходскаго священника; сверхъ того должно было преподаваться высшее краснорѣчіе, языки греческій и еврейскій обязательно, нѣмецкій и французскій для желающихъ. Къ каждой акаде-

міи отнесенъ извѣстный округъ, изъ котораго семинаріи должны посылать сюда лучшихъ учениковъ.

Общей реформы семинарій до конца XVIII в. не послѣдовало. Но подъ вліяніемъ перемѣны общественной атмосферы въ массу отрѣшенной отъ жизни формальной учености сама собою стала пробиваться свѣжая и оживляющая струя. Богословская истина въ первый разъ заговорила въ школѣ на общепонятномъ русскомъ языкѣ, стремясь къ сближенію съ жизнью и съ понятіями общества. Выдвинувшаяся группа новыхъ людей (великороссовъ) критически и болѣе свободно стала относиться къ заведенной «черкессами» схоластической машинѣ. Вмѣшательство высшаго начальства только помогло этому—разумѣемъ указъ императрицы (1786 г.) о введеніи въ духовныя школы новаго метода народныхъ школъ, который отмѣнялъ старинные пріемы обученія. Правда то, что разсчитанный на школы низшія этотъ методъ былъ мало приспособленъ къ преподаванію предметовъ средней школы и, вслѣдствіе этого и отсутствія надлежащихъ руководителей, въ семинаріяхъ была усвоена не столько сущность, сколько одна внѣшняя сторона этого метода въ родѣ совокуннаго чтенія урока всѣми учениками, совокупныхъ же отвѣтовъ на вопросы учителя словами или чрезъ поднятіе рукъ, писанія урока на доскахъ и т. п. Но указъ требовалъ также и введенія новыхъ общеобразовательныхъ предметовъ (физики, географіи, исторіи и ариѳметики), бывшихъ въ забросѣ. Въ это время появляется значительное количество печатныхъ пособій по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, что подарило учащимъ и учащимся для ихъ домашнихъ и классныхъ занятій много дорогого времени, которое тратилось на составленіе записокъ и на ихъ диктовку и переписываніе.

Общій порядокъ семинарскаго курса остался совершенно тотъ же, но почти въ каждомъ классѣ появилось нѣчто новое. Прежде всего, вмѣсто низшаго подготовительнаго класса, гдѣ учили славянской грамотѣ и пѣнію, съ 1803 г. были

образованы особые причетническіе классы, созданные для тѣхъ часто даровитыхъ воспитанниковъ, которымъ не осилить латинскихъ классовъ. Курсъ для нихъ назначенъ пятилѣтній, раздѣленный на три класса. Въ первомъ (годичномъ) учили чистописанію, чтенію, пѣнію и краткой россійской грамматикѣ; во второмъ — съ курсомъ двухгодичнымъ—краткой священной исторіи, географіи, краткой исторіи всеобщей и русской по Голбергову сокращенію исторіи, ариѳметикѣ и пасхаліи; въ третьемъ—тоже двухгодичномъ классѣ—краткой россійской логикѣ и риторикѣ, ученію о должностяхъ человѣка и гражданина по книгѣ, изданной для «народныхъ» училищъ, и о должности пресвитеровъ приходскихъ, пространному катехизису, руководству къ чтенію Священнаго Писанія —по книгѣ преосв. Амвросія и, наконецъ, Церковному уставу по руководству, изданному въ 1800 году. Получалась цѣлая семинарія въ миніатюрѣ, но только безъ латыни. Окончившимъ курсъ предполагалось давать не только причетническія, но и священническія мѣста. Это доброе начинаніе при удачѣ могло повернуть духовную школу на новый путь; но къ сожалѣнію привычка къ рутинѣ взяла свое: окончивъ первый курсъ, большинство шло въ латинскіе классы, а оказывавшіеся къ нимъ неспособными искали пономарскихъ и причетническихъ мѣстъ.

Постановка преподаванія въ латинскихъ классахъ немногимъ отличалась отъ прежней, только самыя названія классовъ мѣнялись. Путемъ четырехлѣтней зубрежки достигали того, что за это время у лучшихъ учениковъ латинскій языкъ дѣлался чѣмъ-то въ родѣ природнаго; но за то многіе успѣвали забыть русскую грамоту; притомъ, цѣлая масса учениковъ, не осилившихъ латинской науки, не могли идти въ дальнѣйшіе классы, гдѣ лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, во время царствованія Екатерины во многихъ семинаріяхъ было введено изученіе русской риторики и пінтики совмѣстно съ латинской. При изученіи уроковъ по

философіи и богословію вошло во всеобщее употребленіе переводить ихъ непремѣнно на русскій языкъ. Часть письменныхъ упражненій также писалась на русскомъ языкѣ. Это было шагомъ впередъ въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ. По-русски шло и преподаваніе экстраординарныхъ свѣтскихъ предметовъ. Но старинныя латинскія преданія были еще сильны, и ни у кого изъ архіереевъ не хватило смѣлости ввести русскій языкъ въ самое преподаваніе и въ учебники высшихъ наукъ. Въ 1765 году, напримѣръ, вышла въ свѣтъ первая русская система богословія Платона Левшина, но все-таки не сдѣлалась главнымъ учебникомъ, а проходилась въ качествѣ какого-то дополненія къ латинскимъ учебнымъ системамъ, точно такъ же, какъ прежде проходилось Православное исповѣданіе Петра Могилы. Такъ было даже въ семинаріи самого митрополита Платона несмотря на то, что онъ прямо изъявилъ желаніе, чтобы богословіе изучалось по его книгѣ. Къ 1800 году впрочемъ уже стали высказываться мысли, что латинскій языкъ только «средство къ просвѣщенію, а не составляетъ самъ по себѣ онаго», и поднятъ былъ вопросъ о преподованіи на русскомъ языкѣ.

Изъ синтаксимы, которою заканчивался рядъ латинскихъ классовъ, ученикъ переводился въ риторику. Классъ піитики въ отдѣльномъ видѣ былъ уничтоженъ въ большинствѣ семинарій. Очевидно, въ сознаніе стала входить мысль, выраженная впервые митрополитомъ Платономъ, что успѣхъ въ стихотворствѣ зависитъ наиболѣе отъ склонности счастливой природы и что нельзя строго требовать поэтическихъ упражненій отъ всѣхъ, а поощрять лишь тѣхъ, въ комъ откроется къ стихотворству свободная сила. Перемѣны, происшедшія въ характерѣ семинарской піитики, состояли въ томъ, что въ трактатахъ о русскомъ стихосложеніи, вмѣсто силлабическаго размѣра, она стала излагать разные виды и подвиды новаго размѣра тоническаго, для изученія изъ русскихъ произведеній теперь употреблялись Ломоносовъ и Сумароковъ. Къ піи-

тикѣ присоединялось еще ученіе о классическихъ древностяхъ, или частнѣе о миѳахъ, потому что главнымъ источникомъ поэтическаго изобрѣтенія и всѣхъ поэтическихъ красотъ считалась древняя миѳологія. Самая риторика преподавалась по руководствамъ Бургія и Ломоносова; при чисто практическомъ способѣ преподаванія риторики учебникъ не имѣлъ большого значенія; въ видахъ практическаго изученія риторики ежедневно читались латинскіе и русскіе образцы: изъ первыхъ Цицеронъ, Квинтиліанъ, Тацитъ, Лактанцій, изъ послѣднихъ— проповѣди Ѳеофана, Гедеона Криповскаго, Дмитрія Ростовскаго, Платона, сочиненія Державина и Ломоносова.

Въ началѣ XIX столѣтія въ риторической наукѣ нашихъ духовныхъ семинарій начали проявляться робкія и неясныя попытки эстетической критики, выразившіяся въ открытіи по мѣстамъ класса высшаго краснорѣчія, гдѣ предлагались ученикамъ мнѣнія объ изящномъ и высокомъ и критически разбирались разные образцы краснорѣчія. Въ риторикѣ же учениковъ обучали и правильному ораторскому чтенію, пріучали къ вѣрному грамматическому и логическому ударенію, поправляли невѣрности въ интонаціи и даже учили приличному употребленію жестовъ. Начальство Петербургской семинаріи нарочно приглашало для этого знаменитаго тогда артиста Яковлева, и тотъ или самъ декламировалъ стихи или слушалъ и поправлялъ чтеніе учениковъ.

Философскій курсъ, какъ и риторическій, располагался тоже на два года. Философское движеніе второй половины XVIII вѣка дало сильный толчокъ преподаванію философскихъ предметовъ въ семинаріи. Разрушительной силѣ модной французской философіи старались противопоставить новыя системы солидной нѣмецкой философіи, особенно Лейбнице-Вольфіанской, казавшейся благопріятной для философскаго обоснованія религіозныхъ истинъ. Система одного изъ представителей этой философіи—Баумейстера и сдѣлалась общимъ учебникомъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній. Аристотелев-

скій схоластическій соръ въ этой книгѣ дѣйствительно былъ «перечищенъ». Полный курсъ философскихъ наукъ состоялъ по Баумейстеру изъ логики, физики, метафизики и нравственной философіи; но къ его учебнику дѣлались по мѣстамъ существенныя дополненія; такъ къ логикѣ прибавлялись трактаты о законахъ мышленія изъ Прокоповича и de logicis distinctionibus изъ Вейссена, физика читалась съ большими дополненіями изъ Винклера, Мушенброка и Эйлера, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даже вовсе замѣнялась физикою, изданною для «нормальныхъ» училищъ; нѣмка дополнялась или замѣнялась сочиненіемъ Пуффендорфа о должностяхъ человѣка и гражданина. Кромѣ того было принято вводить въ преподаваніе философіи историческій элементъ; каждая глава учебника предварялась историческимъ изложеніемъ прежнихъ философскихъ мнѣній объ ея предметѣ съ изложеніемъ и критикой ихъ доказательствъ, а потомъ постепенно въ семинаріяхъ было введено и полное преподаваніе исторіи философіи по Бруккеру. Необходимою принадлежностью философскаго класса были диспуты; ученики философіи и богословія носили почетное названіе студентовъ.

Богословскій курсъ также продолжался два года, но нѣкоторые архіереи, принимая во вниманіе важность его для духовнаго образованія, растягивали курсъ на 3 и 4 года. Богословскій классъ былъ дѣйствительно средоточіемъ всего спеціальнаго образованія, такъ какъ въ младшихъ классахъ изученіе истинъ православной вѣры и нравственности ограничивалось одними воскреснымя уроками изъ Катихизиса, задававшимися только на праздничные дни. Съ другой стороны, съ теченіемъ времени богословскій классъ все болѣе и болѣе разростался по объему. Особенно много времени требовало изъясненіе Священнаго Писанія и чтеніе отцовъ церкви, которое стало вводиться къ концу XVIII вѣка въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ; изученіе каноническаго права тоже состояло въ чтеніи и толкованіи церковныхъ правилъ по

порядку Кормчей; сюда присоединялось изученіе книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, замѣнявшей тогда пастырское богословіе. Церковная исторія въ отдѣльномъ видѣ стала вводиться въ семинаріи уже въ самомъ концѣ XVIII столѣтія и преподавалась большею частью по Лангію, Мосгемію и Бингаму, русская—по исторіи митрополита Платона. Раньше же церковно-историческія свѣдѣнія сообщались ученикамъ отрывочно и далеко не сполна, главнымъ образомъ при преподаваніи богословской системы примѣнительно къ исторіи догматовъ; причемъ нужныя свѣдѣнія выписывались учениками изъ Іосифа Флавія, Евсевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита, а также Мосгемія и Бингама. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ была введена пасхалія.

Въ методѣ преподаванія богословія совершился большой переворотъ, система Ѳеофана Прокоповича получила господство во всѣхъ семинаріяхъ, сю руководствовались почти всѣ авторы новыхъ письменныхъ и печатныхъ системъ богословія; этимъ уже былъ сдѣланъ крупный шагъ къ освобожденію отъ схоластики. Вмѣсто системъ католическихъ новые богословы стали исключительно руководствоваться системами протестантскими Квенштедта, Голлазія, Гергарда, Брейтгаупта, Буддея, Турретина и другихъ, стараясь съ помощью ихъ замѣнить прежніе исключительно діалектическіе пріемы въ раскрытіи богословскихъ истинъ пріемами новой протестантской науки, основанными на изученіи первоисточниковъ—Священнаго Писанія, церковной исторіи и церковныхъ древностей, хотя нерѣдко рискуя слишкомъ далеко увлечься самыми богословскими воззрѣніями протестантизма. Таковы богословскія системы Самуила Мислявскаго и Ѳеофилакта Горскаго. Система митрополита Платона также въ значительной степени слѣдовала Ѳеофану Прокоповичу. Лекціи Меѳодія Смирнова, (преподаватель Троицкой семинаріи), который больше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ освободиться отъ скучнаго хлама схоластики, до такой степени пришлись по душѣ слу-

шателямъ, что когда (1790 г.) онъ былъ переведенъ въ московскую академію, троицкіе студенты толпами устремились за нимъ, чтобы слушать лекціи любимаго наставника.

Необходимою принадлежностью семинаріи былъ залъ для диспутовъ, въ которыхъ особенно часто упражнялись богословы. Для этихъ диспутовъ была устроена даже особая каѳедра. На ней два мѣста, вверху и внизу—для возражающаго и отвѣчающаго. На боковыхъ сторонахъ этой каѳедры были изображенія изъ миѳологіи и древней исторіи, — съ одной стороны, напримѣръ, великолѣпный храмъ Минервы съ латинскими стихами о постепенномъ пріобрѣтеніи просвѣщенія; съ другой Діогенова бочка съ надписью о мудрости, почивающей не на мягкомъ ложѣ, а съ третьей—горящій свѣтильникъ, какъ символъ просвѣщающихъ наставниковъ; участвующіе въ диспутахъ облекались въ особое платье (длинные бѣлые хитоны съ крыльями) и выступали въ вѣнкахъ и съ вѣтвями въ рукахъ. Семинарскіе пѣвчіе и музыканты готовили къ увеселенію публики разные канты и другія піесы. Диспуты были не только публичные, но и частные, тѣ и другіе вносили замѣтное оживленіе въ семинарскую жизнь и возбуждали ревность учениковъ къ изученію богословскихъ доктринъ.

Кромѣ предметовъ, считавшихся въ семинарскомъ преподаваніи ординарными, за послѣднюю половину XVIII столѣтія стало усиливаться преподаваніе греческаго языка и введено обученіе еврейскому языку; важною новостью было также введеніе новыхъ языковъ—нѣмецкаго и французскаго; особенно усердно вводили ихъ въ 1770 и 1780 годахъ. Хотя уроки были и не обязательны для всѣхъ, но записывалось много воспитанниковъ, и преподаваніе было поставлено хорошо. Уроки въ продолженіе 4—6 лѣтъ были каждодневные и на половину состояли въ разговорныхъ упражненіяхъ.

Математическимъ наукамъ и въ это время не счастливилось; изъ нихъ въ духовныхъ школахъ преподавалась одна

ариѳметика. Въ такомъ же пренебреженіи оказалась географія съ исторіей; классы ихъ стали заводиться только послѣ 1785 г. и то медленно, географіи учили въ синтаксимѣ, исторія же составляла принадлежность риторическаго класса и по мѣстамъ еще философскаго. Уроковъ назначалось по два въ недѣлю какъ для исторіи, такъ и для географіи; но тотъ и другой предметъ были необязательными, и потому записывались на нихъ лишь желающіе. Въ 1802 г. Высочайшимъ указомъ въ курсъ семинарій было введено преподаваніе медицины, но дѣло не пошло въ ходъ, и медицинскій классъ скоро былъ закрытъ.

Не смотря на то, что въ такомъ составѣ курса наши семинаріи сформировались лишь въ послѣдніе 15—20 лѣтъ XVIII столѣтія, онѣ сумѣли выпустить изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ высокообразованныхъ по своему времени лицъ, извѣстныхъ на разныхъ поприщахъ дѣятельности, что служитъ доказательствомъ значительнаго поступательнаго движенія духовной школы. Но, къ сожалѣнію, эти успѣхи ея касались лишь $^{1}/_{20}$ части учениковъ, ибо остальные $^{19}/_{20}$ не доходили до конца курса, оказавшись безсильными одолѣть латынь.

Насколько можно судить по сохранившимся въ архивахъ нѣкоторыхъ семинарій росписаніямъ, къ концу этого періода (приблизительно 80 г.г.) ученики были сильно обременены уроками. Въ богословіи ежедневно въ часы съ 9 до 11 читалось догматическое богословіе; въ понедѣльникъ и вторникъ отъ 3—5 моральное и въ пятницу отъ 3—5 Священное Писаніе. Философскій классъ былъ занятъ исключительно ординарнымъ предметомъ (философіей) ежедневно съ 9—11 и три раза въ недѣлю отъ 3—5; риторика, кромѣ ежедневныхъ утреннихъ часовъ, съ 9—11, три раза въ недѣлю преподавалась съ 3—5 час.; такое же точно распредѣленіе преподаванія было и въ классѣ поэзіи; но въ томъ и другомъ три раза въ недѣлю отъ 3—5 читалась исторія

и географія. Въ классѣ синтаксиса, кромѣ обычныхъ уроковъ отъ 9—11 ежедневно и отъ 3—5 три раза въ недѣлю, читалась ариѳметика два раза въ недѣлю отъ 4—5, а въ классѣ грамматики и аналогіи катихизисъ разъ въ недѣлю отъ 9—11.

Дѣлу прогресса школы весьма много мѣшалъ плохой подборъ учебно-воспитательнаго персонала школы. Въ числѣ препятствій къ улучшенію состава учителей на первомъ мѣстѣ нужно поставить невозможныя условія ихъ матеріальнаго состоянія. При многочисленныхъ вызовахъ на разнообразныя свѣтскія службы, несравненно болѣе обезпеченныя, удерживать ихъ на бѣдныхъ семинарскихъ окладахъ не было никакой возможности. Для того, чтобы удержать воспитанниковъ на учительскихъ мѣстахъ, духовное начальство прибѣгало къ двумъ средствамъ—къ назначенію ихъ на мѣста приходскихъ священниковъ и къ побужденію къ постриженію въ монашество, что уже исключало возможность выхода изъ вѣдомства. Но то и другое средство въ конечномъ результатѣ приносило большой ущербъ учебно-воспитательному дѣлу, а послѣднее, будучи доведено до нѣкоторыхъ нежелательныхъ крайностей, нанесло непоправимый ударъ самому ученому монашеству, уронивъ его авторитетъ. Совмѣщеніе приходской службы слишкомъ часто отвлекало отъ учебныхъ занятій, заставляло смотрѣть на нихъ, какъ на какое-то побочное второстепенное занятіе.

Взглядъ на монашество, какъ на форму, извѣстный decorum, необходимый для преподавателя семинаріи, особенно въ высшихъ должностяхъ—префекта и ректора, отодвинулъ на второй планъ наиболѣе существенную нравственную сторону; призваніе къ сану распознавалось не столько по желанію и способностямъ человѣка вмѣстить сопряженные съ принятіемъ сана обѣты, сколько по склонности къ ученымъ занятіямъ. Обыкновенно, замѣтивъ за учителемъ или студентомъ качества, нужныя для ученой карьеры, и сколько-ни-

будь сносное поведеніе, начальство въ довольно рѣшительномъ тонѣ предлагало ему монашество. При митрополитѣ Платонѣ лучшіе студенты склоняемы были къ монашеству еще въ теченіе своего курса и, разумѣется, только въ рѣдкихъ случаяхъ могли устоять противъ сильныхъ настояній. Наставникъ, заявившій о своемъ желаніи принять иноческій санъ, немедленно переводился въ высшій классъ и на высшій окладъ. При открытіи мѣстъ ректора и префекта—лицамъ, заслужившимъ въ городѣ всеобщее уваженіе своими трудами, предпочитались ничѣмъ не заявившіе себя молодые иноки (ср. напр. случай въ Тульской дух. семин. въ 1807 году). Такіе порядки производили неблагопріятное моральное впечатлѣніе на болѣе отзывчивую часть какъ учебно-воспитательнаго персонала, такъ и учащихся и создали реакцію противъ монашества. Между тѣмъ, создавшая въ предшествующій періодъ своеобразную игру на возможное увеличеніе числа ученаго монашества, борьба за преобладаніе въ іерархіи малороссійской и великороссійской партій замѣтно ослабѣла, закончившись побѣдой на этотъ разъ великоруссовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и энергія къ особенно ревностному привлеченію къ монашеству. И вотъ, число постригающихся въ монашество стало быстро уменьшаться съ каждымъ годомъ.

Даже Кіевская академія стала оскудѣвать ими, особенно съ тѣхъ поръ, когда и тамъ стали по указамъ правительства назначать искусъ постригающимся. Желая сохранить старую традицію, епархіальное начальство все же назначало на высшіе административные посты въ учебныхъ заведеніяхъ монашествующихъ и, по необходимости, безъ особаго разбора ихъ достоинствъ; часто силою обстоятельствъ оно вынуждалось держать совершенно недостойныхъ лицъ на учительскихъ должностяхъ. Такъ, отъ 1770-хъ г.г. дошли самые неблагопріятные отзывы о составѣ монашествующихъ учителей даже образцовой, бывшей у всѣхъ на виду,

Невской семинаріи (іер. Павелъ, архим. Иннокентій); а нужно замѣтить, въ Петербургской епархіи постриженія въ монашество были еще наиболѣе часты. Въ Псковской семинаріи въ 1784 г. поставленъ былъ префектомъ нѣкто игуменъ Адріанъ; черезъ два года его выгнали изъ семинаріи за дурное поведеніе, но недостатокъ монаховъ былъ такъ великъ, что, при желаніи начальства имѣть префектомъ непремѣнно инока, въ 1791 году мы снова видимъ его въ той же должности. Въ Иркутскѣ извѣстенъ своими отрицательными чертами Іакинфъ Бичуринъ, вскорѣ уволенный отъ должности по Высочайшему повелѣнію, съ запрещеніемъ священнослуженія, а затѣмъ архимандритъ Аполлонъ, наивный простакъ, вовсе не занимавшійся дѣлами. Но такая практика только еще болѣе подорвала авторитетъ монашества и ослабила его ряды, и въ концѣ XVIII в., по необходимости, пришлось отказаться отъ этого принципа и терпѣть ректорами и префектами не монашествующихъ. Само собою разумѣется, что эта упорная борьба за принципъ исключительно монашескаго управленія школой была сильнымъ препятствіемъ къ улучшенію личнаго состава школьной администраціи, въ роли начальниковъ приходилось видѣть людей, совсѣмъ не сочувствовавшихъ или не понимавшихъ просвѣтительныхъ стремленій главныхъ руководителей духовнаго просвѣщенія.

Новыя вѣянія коснулись все же и воспитательной стороны дѣла. Стало замѣтно стремленіе къ смягченію школьныхъ правовъ и отношеній. Ученическія общежитія по новымъ требованіямъ не должны были походить на старыя бурсы «образомъ монастыря» съ «стужительнымъ и заключенію плѣнительному подобнымъ житіемъ», а должны были организоваться на подобіе большихъ семействъ, въ которыхъ учители и надзиратели замѣняли бы мѣсто отцовъ и основывали свое значеніе на началахъ любви и своего нравственнаго авторитета. Какъ призванный руководить своихъ питомцевъ на пути нравственнаго гуманнаго развитія, препода-

ватель долженъ внимательно изучать ихъ способности и склонности и дѣйствовать сообразно съ своими наблюденіями на однихъ такими средствами, на другихъ другими, во всѣхъ случаяхъ поступая съ терпѣніемъ и руководясь отеческой любовью къ ввѣреннымъ ему ученикамъ. Относительно поведенія учениковъ, школьныя инструкціи уже не ограничивались одними дисциплинарными требованіями порядка и сословнаго приличія, а старались держаться на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой морали.

Новая педагогія стремилась обосноваться на естественныхъ благородныхъ инстинктахъ самой дѣтской природы. Школьныя инструкціи духовныхъ начальствъ, не оставляя своего всегдашняго религіознаго характера, воспользовались этою чертою. Въ нихъ теперь говорится не столько о смиреніи, сколько о чести и благородствѣ. Возбужденіе въ духовныхъ воспитанникахъ сознанія собственнаго достоинства было особенно важно въ то время униженнаго положенія духовенства въ обществѣ; не даромъ же и іерархи того времени, въ родѣ митрополита Платона, внушали духовнымъ лицамъ руководиться правилами благороднаго честолюбія и держаться съ «осанкой». Чтобы съ дѣтства пріучить будущаго пастыря къ сановитости и благородству въ мысляхъ и поступкахъ, училищные педагоги должны были удерживать ихъ отъ всѣхъ грубыхъ порывовъ, занятій, увеселеній и рѣчей, удаляя ихъ отъ неблагопристойныхъ собраній и знакомствъ, пріучая соблюдать благопристойность и въ самыхъ играхъ. Въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ правила благоприличія подробно излагаютъ то, какъ держаться предъ почетными свѣтскими и духовными особами, какъ подходить подъ благословеніе, «какъ и на коликую станцію отступить..., какъ смотрѣть, какъ держать руки, шляпу и какъ всего себя порядочно и вѣжливо представлять, равно какъ сидѣть въ столу, какъ порядочно имѣть предъ собою тарелку, ножъ, какъ другъ къ дружкѣ тогда обращаться или что подать». Съ

этою цѣлью и г.г. учителямъ рекомендовалось вести между собою при ученикахъ разговоры не только «серьезные», но и «забавные по части»; съ тою же цѣлью поощрялись знакомства семинаристовъ съ благородными свѣтскими людьми.

Въ сужденіи о мѣрахъ взысканія новая педагогія особенно расходилась со старой; въ новыхъ семинарскихъ инструкціяхъ отрицается карательный характеръ наказаній, онѣ указываютъ въ выборѣ наказаній ограничиваться только такими, которыя могутъ производить вліяніе нравственное, а не увлекаться неприложимыми къ нравственному воспитанію дѣтей идеями грубаго юридическаго возмездія. Инструкціи митр. Платона и преосв. Тихона II (Воронежскаго) предписывали исправлять учениковъ «болѣе моральнымъ образомъ, усмирять по разсужденію постыженіемъ» и обращаться къ ихъ благородному честолюбію. Наказанія унизительныя «посрамленіе и честь трогающія, устыженія—какъ-то уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. п.» воспрещались, ровно какъ и наказанія тѣлесныя—ремни, палки, линейки, розги, пощечины, кулаки, дранье за волосы и за уши и т. п. Сѣченіе розгами все же допускалось для исправленія учениковъ низшихъ классовъ и то лишь за большія вины. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ тѣлесныя наказанія были вовсе запрещены. Преосв. Ксенофонтъ Владимірскій распорядился во всѣхъ классахъ своей семинаріи сдѣлать надписи: poena corporalis prohibetur. Къ дозволеннымъ наказаніямъ причислялись: стояніе въ школѣ у порога съ книгами и съ шапкой въ рукахъ, голодный столъ, подаваніе кушанья въ столовой, заключеніе въ карцеръ, переводъ въ низшій классъ, лишеніе казеннаго содержанія.—Но нужно замѣтить, что практика школьной педагогіи стояла далеко ниже этихъ руководственныхъ указаній, до которыхъ возвышались только наиболѣе просвѣщенные руководители просвѣщенія; при полной самостоятельности въ школьномъ дѣлѣ епархіальной власти, они не были обязательны для всѣхъ,—каждый преосвященный дѣй-

ствовалъ по собственному усмотрѣнію. Въ большинствѣ семинарій такъ же, какъ и прежде, процвѣтали и розги, и линейки, и дранье за волоса, и грубое бурсачество.

Хотя съ юридической и оффиціальной стороны положеніе учителей оставалось такимъ же приниженнымъ и безправнымъ, какъ и прежде, но сами власти стали смотрѣть на званіе учителя съ бо́льшимъ уваженіемъ и притомъ безотносительно къ оффиціальному положенію носившаго его лица по службѣ церковной, по крайней мѣрѣ стали сдерживаться въ своихъ отношеніяхъ къ учителямъ отъ прежнихъ нерѣдко возмутительныхъ проявленій грубаго командорства. Нѣкоторые іерархи съ особою сердечностью относились къ учащимъ и учащимся въ семинаріи; митр. Платонъ часто запросто прогуливался съ учителями и питомцами семинаріи въ своей любимой рощѣ на Корбухѣ. Въ обществѣ своихъ «платониковъ» онъ отдыхалъ душою. Такими же близкими, отеческими отношеніями къ семинарской братіи извѣстны и многіе другіе владыки: Симонъ Лаговъ, Дамаскинъ Нижегородскій, Тихонъ III Воронежскій, Меѳодій Тульскій, Іеронимъ и Ксенофонтъ Владимірскіе. У послѣдняго преподаватели были первыми гостями даже во время торжественныхъ празднествъ. Кромѣ того они нерѣдко были приглашаемы на частныя собранія, во время которыхъ допускались шутки и фамильярности. Симонъ Лаговъ устраивалъ у себя по воскреснымъ днямъ бесѣды съ учителями и такія же бесѣды за чашкой чая по субботамъ поручалъ устраивать ректору для взаимнаго обмѣна мыслей между преподавателями по педагогическимъ вопросамъ.

Также внимательно и отечески благостно вникали эти владыки и въ нужды бѣдныхъ семинаристовъ. Преосв. Симонъ Лаговъ «живмя жилъ» въ своей семинаріи; ему извѣстны были всѣ подробности жизни и всѣ нужды какъ учителей, такъ и учениковъ; учениковъ онъ всѣхъ до одного зналъ по именамъ и фамиліямъ. Преосв. Ксенофонта Владимірскаго за

его добрыя, сердечныя отношенія къ семинаріи звали, «радѣтелемъ семинаріи, покровителемъ, отцомъ». Въ разныхъ епархіяхъ доселѣ хранятся преданія о добрыхъ архіереяхъ того времени, о томъ, какъ снисходительно относились они во время своихъ частыхъ визитовъ въ семинаріи къ дѣтскимъ шалостямъ и проказамъ воспитанниковъ, какъ сами принимали иногда участіе въ ихъ невинныхъ играхъ, особенно во время майскихъ рекреацій. Съ именемъ разныхъ преосвященныхъ связывается разсказъ о томъ, какъ бурсакъ, попавшись въ предосудительномъ поступкѣ самому архіерею и ему во всемъ сознавшись, настоятельно умолялъ преосвященнаго—не говорить ничего префекту. Но въ массѣ воспитателей сила старыхъ преданій была еще такъ сильна, что даже въ епархіяхъ и такихъ добрыхъ владыкъ семинарскія власти и большинство преподавателей продолжали дѣйствовать совершенно по старинѣ. Новыя вѣянія шли сверху, и чѣмъ болѣе спускались внизъ, въ нижніе слои педагогическаго міра, тѣмъ дѣлались безсильнѣе, тѣмъ больше требовали возбужденій сверху. Чтобы отучить учителей отъ грубыхъ расправъ, преосвященнымъ приходилось иногда прибѣгать въ отношеніи къ нимъ къ крутымъ мѣрамъ—увольненію отъ должности съ переводомъ на епархіальную службу.

Въ тѣхъ же епархіяхъ, которыя не видѣли за это время на своихъ каѳедрахъ высокопросвѣщенныхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія, а равно и вообще у владыкъ, менѣе интересовавшихся учебнымъ дѣломъ, въ полной силѣ царила рутина стараго школьнаго быта; старая рутина начинала торжествовать и тамъ, гдѣ добрые владыки устанавливали иные порядки, лишь только ихъ смѣняли преемники менѣе энергичные и чадолюбные. Неудивительно, поэтому, что новыя педагогическія реформы не успѣли оказать замѣтнаго вліянія на нравственность учениковъ, продолжавшую страдать тѣми же грубыми пороками, и упорство разныхъ «дѣтинъ непобѣдимой

злобы», не поддававшихся никакимъ благороднымъ мѣрамъ исправленія, приводило въ отчаяніе педагоговъ. Суровый типъ бурсака, часто пьянаго, грубо распутнаго, мужественно крѣпился противъ всякихъ запгрываній нѣжной новой гуманной педагогіи и побѣдоносно перешелъ отъ XVIII столѣтія въ XIX почти цѣлымъ и невредимымъ.

Въ матеріальномъ положеніи учениковъ, не смотря на нѣкоторое улучшеніе, замѣтныхъ перемѣнъ не произошло. Помѣщенія оставались грязными и душными, классы часто служили и спальными и занятными комнатами. Такъ, напр., было въ Рязанской семинаріи. Зданія ея состояли изъ нѣсколькихъ избъ, по избѣ для каждаго класса и кромѣ того еще—для столовой, кладовой и учителей, и представляли изъ себя нѣчто въ родѣ деревни. Въ избахъ этихъ по стѣнамъ тянулись лавки, служившія и для сидѣнья и для спанья вмѣстѣ, съ особыми подъ ними помѣщеніями для склада ученическихъ вещей. Объ опрятности въ этихъ комнатахъ смѣшно было и думать; ихъ даже мыть возможно было только развѣ на каникулахъ, во всякое другое время онѣ были переполнены народомъ.

Не лучше были помѣщенія и во многихъ другихъ семинаріяхъ: тѣснота, страшный холодъ и сквозняки зимой въ нетопленныхъ классахъ съ худыми, разбитыми окнами и изломанными дверями, нечистота, миріады паразитовъ, отъ которыхъ чуть не скребницами очищали бѣдныхъ мальчугановъ ихъ родные по вакатамъ. Помѣщенію соотвѣтствовалъ и столъ. Пустые щи, приправленные конопляннымъ масломъ или сметаной, квасъ, ржаной хлѣбъ и сухая каша не сходили со стола бурсаковъ круглый годъ; кусочка по три говядины и дешевой рыбы да ломоть бѣлаго хлѣба они видѣли только по самымъ великимъ праздникамъ. Одѣвались въ длинные камзолы или затрапезные халаты, скрывая ихъ длинотой и нестрядинные порты и босоножье. Жизнь своекоштныхъ бурсаковъ по квартирамъ была еще хуже. Ютились на окра-

инахъ города въ тѣсныхъ лачугахъ, питались нерѣдко собирая подаянія, изображая странствующихъ пѣвцовъ. Не мудрено, что при такой бѣдности ученики часто попадались въ недобросовѣстномъ пріобрѣтеніи разныхъ припасовъ для своего содержанія, что владѣльцы садовъ и огородовъ хорошо знали ихъ ловкость въ преодолѣніи трудностей, какія представляли высокіе заборы, а торговки на рынкѣ, усмотрѣвъ семинаристовъ, расходившихся по домамъ послѣ классовъ, спѣшили закрывать свои лотки.

II. Реформа 1808 года

а) ея характеръ и значеніе въ исторіи духовнаго просвѣщенія.

Бросая бѣглый взглядъ на все первое столѣтіе существованія духовной школы, приходится сказать, что если раннее дѣтство ея было печально, то и самая юность не красна. Будучи учрежденіемъ чисто мѣстнымъ, зависящимъ отъ вкусовъ и взглядовъ мѣстныхъ властей, она раздѣляла превратность и измѣнчивость судьбы всѣхъ такого рода учрежденій. Правда, просвѣтительное движеніе временъ Екатерины II прошло далеко не безслѣдно и для духовнаго образованія, вызвавъ сильное сомнѣніе въ пользѣ традиціонной схоластики и значительно смягчивъ характеръ воспитанія. Но все это было только кое-гдѣ; это были только свѣтлыя полосы на общемъ мрачномъ фонѣ. Самое обезпеченіе семинарій штатами было далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы онѣ могли самостоятельно существовать въ матеріальномъ отношеніи, а между тѣмъ имущества архіерейскихъ домовъ были отобраны въ казну. Основанныя во вто-

рой половинѣ XVIII в. академіи не получили значенія отдѣльныхъ высшихъ школъ, а оставались съ прежними смѣшанными курсами, обнимавшими не только высшее, но среднее и низшее образованіе. Всѣ эти, сознаваемые передовыми дѣятелями, недочеты школьнаго дѣла съ самаго начала XIX вѣка поддерживали мысль о необходимости реформы духовной школы.

Въ 1801 г. Могилевскому архіепископу Анастасію Братановскому поручено было составить проектъ преобразованія духовной школы, другой проектъ былъ составленъ въ 1805 г. Петербургскимъ викаріемъ Евгеніемъ Болховитиновымъ,—послѣдній проектъ имѣлъ большое вліяніе на послѣдующее преобразованіе школъ. Въ ноябрѣ 1807 г. Высочайше учрежденъ особый Комитетъ для преобразованія духовныхъ училищъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ митрополита С.-Петербургскаго Амвросія (Подобѣдова) изъ членовъ: Калужскаго епископа Ѳеофилакта Русанова, оберъ-священника Іоанна Державина, духовника Государя протопресвитера Сергія Краснопѣвкова, оберъ-прокурора Св. Сѵнода кн. Голицына и статсъ-секретаря М. М. Сперанскаго, по опыту знавшаго всѣ нужды духовной школы, на которыя онъ же особенно и обратилъ вниманіе Государя; въ іюнѣ слѣдующаго года Комитетъ представилъ уже на Высочайшее утвержденіе особый «докладъ» и «начертаніе правилъ», объ образованіи духовныхъ училищъ и содержаніи духовенства, утвержденный особымъ указомъ Св. Сѵноду отъ 26 іюня 1808 года. «Докладъ этотъ, пишетъ проф. Знаменскій, представилъ собою такое новое и свѣжее по направленію, такое стройное, изумительное по широтѣ и единству основного взгляда и по силѣ его логическаго развитія въ частностяхъ, изложеніе предначертаній касательно постановки духовныхъ школъ, ихъ администраціи, содержанія и курсовъ, что подобная работа только и могла выйти изъ Комитета, гдѣ работалъ Сперанскій». Изложеніе доклада дѣйствительно принадлежало его перу.

Въ началѣ докладъ указываетъ тѣ недостатки, которые вызываютъ необходимость реформы.—Это во-1) то, что училища духовныя существуютъ безъ всякаго общаго надзора и единообразнаго порядка, не имѣя ни общаго систематическаго образованія, ни полнаго устава, ни точной связи ихъ управленія съ академіями, 2) что въ нихъ, за исключительнымъ преобладаніемъ латинскаго языка, ослабѣло знаніе славянской и греческой грамоты, 3) недостатокъ въ самомъ распредѣленіи училищъ и расположеніи курсовъ, 4) недостатокъ штатныхъ средствъ содержанія. Поставляя назначеніе духовныхъ училищъ въ приготовленіи юношества къ духовному служенію, сообразно съ этимъ Комитетъ и болѣе «пространства и распространенія» отводилъ тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ къ этой цѣли близкое отношеніе, а именно богословскимъ, философскимъ и историческимъ, изученію греческаго языка и лучшихъ образцовъ духовной словесности. Въ силу этого, Комитетъ полагалъ необходимымъ и устройство особаго управленія духовныхъ школъ, независимо отъ управленія гражданскихъ училищъ. Исходя изъ одного сосредоточія при Св. Синодѣ, оно чрезъ окружныя академіи должно, для соблюденія единства и связи, обнимать всѣ роды духовныхъ училищъ.

Всѣ училища раздѣлены на четыре разряда и поставлены въ отношенія взаимнаго соподчиненія — низшихъ высшимъ: 1) академіи для высшаго духовнаго образованія и управленія учебными округами, 2) семинаріи съ среднимъ курсомъ, предназначенныя для подготовки учениковъ въ академіи и къ священнослужительскимъ мѣстамъ, 3) уѣздныя училища—для низшаго образованія и подготовки учениковъ въ семинаріи, 4) приходскія училища для распространенія единообразнаго и методическаго образованія въ селахъ и деревняхъ. Всѣ епархіи раздѣлены на 4 округа, каждый подъ вѣдѣніемъ своей академіи; въ каждой епархіи положено по одной семинаріи и по нѣскольку низшихъ училищъ (уѣздныхъ до 10, приходскихъ до 30).

Составленіе уставовъ и приведеніе всѣхъ комитетскихъ предположеній въ исполненіе предоставлено особому постоянному учрежденію при Св. Сунодѣ, замѣнившему собою временный Комитетъ, подъ названіемъ «Комиссіи духовныхъ училищъ». Члены ея остались тѣ же, которые были и въ Комитетѣ. Къ началу 1809 году были составлены проекты уставовъ: академическаго, семинарскаго и училищъ—уѣздныхъ и приходскихъ. Сперанскій написалъ общее введеніе къ уставамъ всѣхъ духовныхъ училищъ, съ изложеніемъ общихъ началъ духовно-учебнаго образованія, и первую часть устава академическаго, остальныя части уставовъ составилъ преосвященный Ѳеофилактъ. Сперанскій указывалъ Комиссіи, что только одинъ «опытъ можетъ положить на уставы печать достовѣрности», и предлагалъ ввести новый уставъ пока лишь въ видѣ опыта, и затѣмъ, если достоинство его оправдается, утвердить законодательнымъ порядкомъ; такъ и было сдѣлано. Въ 1814 году по указаніямъ опыта уставы были еще разъ просмотрѣны архимандритомъ Филаретомъ, впослѣдствіи Московскимъ святителемъ, и мѣстами исправлены. Въ томъ же году послѣдовало имъ Высочайшее утвержденіе.

Комиссія духовныхъ училищъ, принявъ духовныя школы въ постоянное завѣдываніе, сдѣлалась первымъ центральнымъ учрежденіемъ и придала духовному образованію обще-церковную постановку, ярко подчеркнувъ его обще-государственное значеніе. Она издавала единообразныя обязательныя постановленія ко всѣмъ частямъ, инструкціи и программы, а также и частныя для того или другого заведенія предписанія, но сообразныя съ общимъ характеромъ духовно-учебнаго устройства. Представляя цѣлое ученое общество при Сунодѣ, состоявшее изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, оберъ-прокурора и государственнаго секретаря, Комиссія являлась такимъ образомъ какъ бы особымъ министерствомъ духовнаго просвѣщенія. Вполнѣ компетентный составъ Комиссіи и то серьезное вниманіе, которое она удѣляла дѣлу духовнаго про-

свѣщенія, обезпечивали возможно успѣшное развитіе и упорядоченіе этого дѣла. Дѣйствительно, періодъ существованія Комиссіи былъ лучшимъ временемъ въ исторіи духовной школы.

Не такъ удачно было организовано окружное и мѣстное административное управленіе. Здѣсь составителямъ устава нужно было избѣгнуть двухъ крайностей,—именно, стянуть организацію школьнаго управленія къ общему церковно-административному центру, но только съ общецерковной ея стороны, не нарушая законныхъ епископскихъ правъ; съ другой стороны, сдѣлать это и такъ, чтобы учебное управленіе не оказалось ввѣреннымъ самой же школѣ. Въ организаціи академическаго управленія Уставъ довольно удачно избѣжалъ того и другого затрудненія тѣмъ, что, съ одной стороны, призналъ за архіереями всѣ права главныхъ попечителей и поставилъ академіи подъ собственное ихъ личное вѣдомство, устранивъ въ то же время участіе въ училищныхъ дѣлахъ епархіальныхъ консисторій; съ другой, предоставилъ право окружнаго управленія не академіямъ какъ школамъ, хотя бы и высшимъ, но все-таки по своему существенному назначенію чуждымъ административной дѣятельности и не обладавшимъ для нея достаточною компетентностью, а особымъ учрежденнымъ при нихъ ученымъ обществамъ—академическимъ конференціямъ изъ ученыхъ членовъ самой академіи и изъ посторонннихъ ученыхъ особъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея. Задачей конференціи поставлено пещись о распространеніи и поощреніи учености въ духовенствѣ; въ частности, цензура духовныхъ книгъ, производство въ ученыя степени и производство экзаменовъ въ академіяхъ и окружныхъ семинаріяхъ. Одинъ изъ членовъ конференціи посылался для присутствія на экзаменахъ и для ревизіи семинарій.

Ближайшее управленіе округомъ, неудобное для конференціи, выдѣлено изъ круга ея занятій и сосредоточено во

«внѣшнемъ академическомъ правленіи», которое организовано подъ предсѣдательствомъ ректора академіи изъ двухъ членовъ отъ внутренняго академическаго правленія и двухъ членовъ отъ конференціи, назначаемыхъ Комиссіей духовныхъ училищъ. Сюда семинаріи должны были посылать свои отчеты, представлять на благоусмотрѣніе недоумѣнные случаи. Но именно постановка этихъ внѣшнихъ академическихъ правленій осталась не вполнѣ разработанной, и по отношенію, напримѣръ, къ епархіальнымъ архіереямъ ихъ полномочія превышали, повидимому, законныя границы. Кромѣ начальственнаго вліянія на всю учебную часть въ семинаріяхъ, права наблюдать за благонадежностью всѣхъ служащихъ, назначать и увольнять самихъ ректоровъ, внѣшнему правленію академіи предоставлено было нѣкоторое наблюденіе надъ самимъ епархіальнымъ управленіемъ, именно: чтобы мѣста въ каждой епархіи не иначе были раздаваемы, какъ по степенямъ, каждому разряду учениковъ присвоеннымъ. По сему предмету внѣшнее правленіе получало отъ консисторій донесенія. Такой контроль дѣйствій преосвященнаго, особенно при отсутствіи организованнаго окружнаго епархіальнаго управленія, являлся нѣкоторымъ посягательствомъ на его законную власть. Во внутренней администраціи правленіямъ академій и семинарій была дана извѣстная степень самостоятельности, право обсуждать предложенія мѣстныхъ архіереевъ и въ случаѣ своего несогласія съ ними переносить дѣла изъ академій на рѣшеніе Комиссіи Духовныхъ училищъ, а изъ семинарій на рѣшеніе внѣшняго правленія окружныхъ академій. Это новое подчиненіе архіерейской власти внѣшнему правленію опять-таки возбуждало справедливыя неудовольствія преосвященныхъ. Внутреннія правленія академій и правленія семинарій состояли изъ трехъ членовъ: ректора, инспектора и экономa.

Во внутреннемъ управленіи духовно-учебныхъ заведеній, какъ на замѣчательную по тому времени черту, нужно ука-

зать на первые опыты примѣненія выборнаго начала, введеннаго на первыхъ порахъ въ весьма умѣренномъ видѣ, съ большимъ тактомъ. Въ болѣе полной мѣрѣ оно было приложено къ избранію членовъ конференціи и преимущественно почетныхъ. Далѣе о членахъ академическаго правленія установлены такія правила: ректоръ опредѣляется и смѣняется, какъ лицо административное, самою Комиссіей, но выбирается изъ трехъ кандидатовъ: одного, представляемаго архіереемъ, и двоихъ, избранныхъ академической конференціей; инспекторъ выбирается изъ состава академическихъ профессоровъ самою конференціей и съ одобренія архіерея утверждается въ должности Комиссіей; экономъ утверждается архіереемъ по представленію ректора. Въ семинарскомъ правленіи выборнымъ оставленъ только второй членъ—инспекторъ, выбиравшійся изъ состава семинарскихъ профессоровъ; ректоръ и по опредѣленію и по увольненію поставленъ въ зависимость отъ окружнаго правленія академическаго; экономъ поставленъ въ зависимость отъ ректора, какъ и въ академіи. Въ уѣздныхъ училищахъ учреждено единоличное ректорское управленіе; по опредѣленію и увольненію ректоръ поставленъ въ зависимость не отъ семинарскаго, а отъ того же окружнаго академическаго правленія. Наконецъ, въ приходскихъ училищахъ единоличными начальниками поставлены епархіальные смотрители благочинія тѣхъ приходскихъ округовъ, гдѣ учреждены эти училища. Ректора духовно-учебныхъ заведеній должны быть доктора богословія, и только въ уѣздныхъ училищахъ магистры, и непремѣнно лица духовныя, все равно изъ бѣлаго или монашествующаго духовенства.

Къ числу недостатковъ внутренняго управленія должно отнести слишкомъ расширенныя права правленій въ отношеніи къ составу преподавателей. Назначеніе и увольненіе всѣхъ наставниковъ, не исключая и академическихъ, предоставлено было въ полную власть правленій, а въ низшихъ училищахъ даже прямо во власть ихъ

единоличныхъ начальствъ. Благодаря тому, что правленіе академій и семинарій было поставлено въ полную зависимость отъ ректоровъ (экономъ избирался ректоромъ, сторонимъ лицомъ оставался одинъ инспекторъ, который былъ всегда въ меньшинствѣ), на практикѣ и въ высшихъ школахъ правленіе часто обращалось въ чисто формальное учрежденіе, и всѣ дѣла академій и семинарій рѣшались въ кабинетѣ ректора. Эти недочеты административнаго строя весьма неблагопріятно отразились на состояніи духовной школы.

Въ организаціи учебно-воспитательной части, несмотря на поставленное во главу угла положеніе, что всѣ науки должны направляться къ главной сословной цѣли, къ приготовленію молодыхъ людей къ церковной службѣ, общему образованію было отведено надлежащее мѣсто. Составители новыхъ уставовъ стояли, очевидно, на той справедливой точкѣ зрѣнія, что одна выучка безъ общаго развитія образуетъ только ремесленника своего служенія. Пастырь, назначенный быть всѣмъ вся, болѣе чѣмъ кто-нибудь долженъ обладать широкимъ общечеловѣческимъ развитіемъ, не только знать, но и пережить всевозможныя психическія состоянія, чтобы не одною мыслью, но всей душой входить въ переживанія своихъ духовныхъ чадъ и ихъ понимать. Въ пониманіи этихъ задачъ пастырства составители устава 1814 г. стали значительно выше своихъ предшественниковъ.

Религіозное образованіе въ низшихъ школахъ поставлено въ смыслѣ общаго религіознаго развитія, которое должно быть существенною частью общаго образованія и ограничено обыкновеннымъ благочестивымъ воспитаніемъ мальчика и катихизическимъ обученіемъ, не подавляя изученія другихъ элементарныхъ наукъ. Курсъ низшихъ школъ вообще организованъ на началахъ общаго образованія и не имѣетъ ничего рѣзко сословнаго. Въ приходскихъ школахъ онъ долженъ былъ состоять въ чтеніи и чистописаніи по-русски, въ изученіи четырехъ правилъ ариѳметики, началъ русской грамматики,

катихизиса и нотнаго пѣнія. Въ уѣздныхъ училищахъ положено окончить грамматику и ариѳметику и изучить катихизисъ въ болѣе пространномъ видѣ, кромѣ того, здѣсь введено изученіе краткой исторіи и географіи, особенно священной и церковной, и начальное обученіе классическимъ языкамъ; къ спеціальнымъ предметамъ можно отнести церковный уставъ и нотное пѣніе.

Въ семинарскомъ курсѣ, который теперь былъ совершенно отдѣленъ отъ низшихъ классовъ, сдѣлана рѣшительная попытка поднять значеніе общеобразовательныхъ предметовъ и ослабить схоластически-формальное направленіе школы, которымъ характеризуется дореформенный періодъ. Въ этихъ видахъ философское образованіе было расширено введеніемъ исторіи философскихъ системъ. Науки историческія и географія, которыя преподавались раньше слабо и не вездѣ, получили болѣе широкую и устойчивую постановку. Теперь преподавались: всеобщая гражданская и церковная исторія, исторія отечественная, какъ гражданская, такъ и церковная, и географія. Почти вновь были введены математическія науки съ присоединеніемъ математической географіи, а также теоретической и опытной физики. Новые языки сдѣлались обязательными; изъ древнихъ языковъ усилено значеніе греческаго языка. Принимая во вниманіе связь нашей церкви и всего нашего просвѣщенія съ Греціей, уставъ 1814 г. призналъ неестественнымъ господство въ русскомъ образованіи латинскаго языка, чуждаго нашей православной церкви, и думалъ замѣнить его господствомъ греческаго. Отъ этого, очевидно, ждали возрожденія самостоятельности всей нашей образованности.

Семинарскій курсъ раздѣлялся на три двухгодичныхъ класса: на низшее, среднее и высшее отдѣленія или, какъ чаще они назывались, на риторику, философію и богословіе. Науки, преподававшіяся въ этихъ классахъ, распадались на двѣ группы: на основныя и второстепенныя. Второй группѣ наукъ не придавалось рѣшающаго значенія, и семинаристъ

могъ переходить изъ класса въ классъ безъ удовлетворительныхъ знаній въ этихъ наукахъ. Курсъ академическаго ученія, опредѣленный временемъ въ четыре года, поставленъ въ точное соотвѣтствіе съ семинарскимъ, для котораго онъ долженъ былъ приготовлять наставниковъ спеціалистовъ. Въ уѣздныхъ училищахъ было два двухгодичныхъ отдѣленія. Въ самомъ преподаваніи предметовъ обращалось вниманіе не столько на количество знаній, сколько на ихъ развивающее значеніе. Учителю рекомендовалось развивать собственныя силы учащихся; «лучшій наставникъ есть не тотъ, говорилось во введеніи къ уставу, кто блистательно самъ говоритъ и изъясняетъ, но тотъ, кто заставляетъ учащихся размышлять и изъяснять. Посему всѣ методы ученія должны быть основаны на собственныхъ упражненіяхъ юношества». Учитель долженъ только помогать развитію ума. Урокъ долженъ пустить корни въ умѣ слушателей. Поэтому «диктованіе уроковъ» (однообразно лекціонный способъ) воспрещалось, каждый урокъ послѣ объясненія долженъ спрашиваться, будучи раздробленъ на частные вопросы.

Въ преподаваніи отдѣльныхъ наукъ указывалось такъ построять программы, чтобы болѣе мѣста получали лишь нужнѣйшія части науки, а менѣе существенныя были проходимы лишь кратко, чтобы, какъ говорилъ уставъ, не разсѣять вниманія учащихся и не отвлечь ихъ изслѣдованіями тщетными отъ предметовъ важнѣйшихъ. Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя руководственныя замѣчанія относительно преподаванія отдѣльныхъ наукъ. Указавъ въ объясненіи началъ риторики руководиться руководствомъ Бургія, Рижскаго, Ломоносова и Лежая и присоединять къ риторикѣ и наставленіе въ правилахъ стихотворства, уставъ рекомендуетъ далѣе переходить къ высшимъ понятіямъ о изящной словесности, держась изъ древнихъ Цицерона, а изъ новѣйшихъ Роллена и Блера. Причемъ правила о чтеніи и разборѣ образцовъ Роллена особенно рекомендуются вниманію преподава-

телей. Цѣль разбора состоитъ въ томъ, чтобы дать почувствовать учащимся, какими средствами простая, первоначальная мысль постепенно получаетъ живость или возвышеніе, силу или особенную разительность. Первое мѣсто между образцами должно занимать чтеніе Священнаго Писанія, особенно пророковъ, и святыхъ отцовъ, особенно Златоуста; а также Фенелона, Боссюста, Массильона и другихъ, и лучшихъ россійскихъ проповѣдниковъ. Въ письменныхъ упражненіяхъ и во всѣхъ родахъ словесныхъ разсужденій указывается искать простоты и ясности и избѣгать «всякаго напыщенія и суетнаго велерѣчія». Всѣ сочиненія воспитанниковъ необходимо подвергать строгой критикѣ, поступать иначе—значитъ заставить ихъ сто разъ повторять одно и тоже заблужденіе и желать, чтобы оно укоренилось въ привычку. Съ исторіей указывалось соединять изученіе географіи гражданской и церковной. Въ философіи уставъ предупреждаетъ отъ ложной мысли, что одно и то же положеніе «можетъ быть справедливо въ понятіяхъ философскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ,—все, что несогласно съ истиннымъ разумомъ Писанія, есть сущая ложь и заблужденіе и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо». Лучшею методою богословскаго ученія уставъ признаетъ чтеніе Священнаго Писанія и испытаніе истиннаго смысла его, по оригинальному изложенію и лучшимъ изъясненіямъ святыхъ отцовъ. Почему послѣ догматическаго богословія первое мѣсто должна занимать герменевтика; часть апологетическую и полемическую рекомендуется ограничить только главнымъ и существеннымъ; нравственное богословіе, наоборотъ, насколько возможно усилить.

Росписаніе уроковъ въ это время было такъ же несложно, какъ и въ дореформенный періодъ. Въ высшемъ отдѣленіи, кромѣ ежедневнаго урока по богословію (съ 8—10 час.), три раза въ недѣлю (съ 10—12 ч.) преподавалась церковная исторія, три раза (тоже съ 10—12 ч.) греческій языкъ и

кромѣ того два раза въ недѣлю (съ 2—4 ч.) было назначено повтореніе по богословію и церковной исторіи. Въ среднемъ отдѣленіи—ежедневный (8—10 ч.) урокъ философіи, три раза въ недѣлю (съ 10—12 ч.) математика, три раза—греческій языкъ (тоже съ 10—12 ч.) и два раза (съ 2—4 ч.) повтореніе по философіи и математикѣ. Въ низшемъ отдѣленіи—ежедневный урокъ (съ 8—10 ч.) по словесности, три раза въ недѣлю всеобщая исторія (съ 10—12 ч.), три раза греческій языкъ (тоже съ 10—12 ч.) и два раза въ недѣлю повтореніе (съ 2—4 ч.) по словесности и исторіи. Кромѣ того, во всѣхъ трехъ классахъ съ 2 до 4 часовъ три раза въ недѣлю назначены новые языки, а въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи на это же время назначенъ и еврейскій языкъ. Въ уѣздномъ училищѣ въ низшемъ отдѣленіи три урока въ недѣлю назначено на латинскій языкъ (съ 7—9 ч.) и столько же на греческій (7—9 ч.) и по одному уроку (2—4 ч.) на переводъ съ русскаго на тотъ и другой языки; три урока на ариѳметику (9—11 ч.), одинъ на россійскую (9—11 ч.) и одинъ на славянскую (9—11 ч.) грамматику и одинъ на катихизисъ (10-й и 11 ч.). Кромѣ того, два урока на пѣніе (3 и 4 ч.) и одинъ на церковный Уставъ (3 и 4 ч.). Въ высшемъ отдѣленіи кромѣ тѣхъ же уроковъ на латинскій и греческій языки назначены четыре (вмѣсто 2-хъ) урока переводовъ съ русскаго (3 и 4 ч.), три урока географіи (10 и 11 ч.), одинъ пѣнія (3 и 4 ч.) одинъ катихизиса (10 и 11 ч.), одинъ Священной Исторіи (10 и 11 ч.) и одинъ повторенія ариѳметики (10 и 11 ч.).

По части воспитанія уставъ старался внушить тщетность однихъ словесныхъ указаній, не укрѣпляемыхъ примѣромъ наставниковъ, и обращалъ особое вниманіе на благочестивыя упражненія. Вслѣдъ за ними особенное вниманіе должно обращаться на главный принципъ училищной дисциплины—на повиновеніе начальству. Какъ и по идеалу дореформенной бурсы, уставъ 1814 года устанавливалъ строгій

надзоръ за каждымъ шагомъ воспитанниковъ. «Попечительное око надзирателей должно быть обращено на нихъ въ классахъ, слѣдовать за ними внѣ классовъ и невидимо сопровождать ихъ даже внѣ училища». Слѣдствіе и цѣль надзора—поощренія и исправленія. Поощренія требуютъ только справедливости въ ихъ распредѣленіи; но исправленія или наказанія должны быть располагаемы съ крайнею внимательностью къ возрасту, характеру, къ степени чувствительности и свойствамъ разума. Они должны быть рѣдки, вынужденны, безъ мести, безъ вспыльчивости, безъ озлобленія и особенно безъ униженія. Крупнымъ недочетомъ воспитательной инструкціи новаго устава было оставленіе традиціоннаго института старшихъ воспитанниковъ, которые должны были доносить о поступкахъ своихъ товарищей. Въ числѣ наказаній видимъ лишь голодный столъ и наказаніе карцеромъ на хлѣбѣ и водѣ, тѣлесныя наказанія рѣшено было изгнать.

Особенно блестящую часть реформы 1808 и 1814 гг. составляетъ экономическая часть. Составитель проекта (преимущественно Сперанскій) ясно сознавалъ, что для того, чтобы имѣть достойныхъ и просвѣщенныхъ пастырей, мало измѣненія однихъ школьныхъ порядковъ и усиленія образованія въ семинаріяхъ, для этого нужно обезпечить духовенству сколько-нибудь безбѣдное существованіе, освободить его отъ необходимости вести «непрерывное состязаніе съ тѣми лицами, коихъ любовь и уваженіе ему наиболѣе нужны». Съ этою цѣлью Комитетъ рѣшилъ сборъ за требы, какъ неудобный для духовенства и для прихожанъ неуравнительный, отмѣнить. Главныя требы—крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, бракъ, елеосвященіе, молитву родильницѣ, отпѣваніе усопшихъ, погребеніе и присоединеніе иновѣрныхъ къ православной нашей церкви—совершать безвозмездно; а вознагражденіе за остальныя требы, не столь необходимыя, которыя зависятъ отъ произвола прихожанъ», предоставлять

на добрую волю прихожанъ, безъ всякаго однако со стороны духовенства домогательства. Вмѣсто сего, раздѣливъ приходы на разряды (четыре) сообразно доходности, рѣшено было на каждый причтъ положить опредѣленный окладъ— отъ 300 рублей до 1000; для полученія необходимой на это суммы, а равно и для полученія суммъ, необходимыхъ на обезпеченіе духовно-учебныхъ заведеній, рѣшено было образовать особый духовно-учебный капиталъ путемъ отчисленія въ неприкосновенный фондъ $^1/_3$ наличныхъ экономическихъ суммъ вѣдомства, доходовъ съ отданнаго въ исключительную привиллегію церкви сбора отъ продажи свѣчъ, которые въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ должны были цѣликомъ поступать въ фондъ, и разныхъ остатковъ. Къ этому должно присоединиться ежегодное пособіе отъ казны на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, которое предположено было усилить до двухъ милліоновъ рублей.

Составленные Комиссіей новые штаты представляли крупный шагъ впередъ въ смыслѣ обезпеченія учащихъ и учащихся. По новымъ штатамъ на содержаніе академіи отпускалось 56.000 рублей,—семинаріи отъ 13—17000 рублей и на уѣздное и приходское училище отъ 550—1500 рублей. Теперь содержаніе преподавателя семинаріи колеблется, смотря по разряду семинаріи, между 500 и 600 рублей. На каждаго казеннаго воспитанника отпускалось около 100 р. И хотя количество штатныхъ окладовъ для учениковъ не всегда соотвѣтствовало ихъ численности и во многихъ семинаріяхъ поэтому приходилось бѣдствовать, но все же и здѣсь было достигнуто существенное улучшеніе. Содержаніе же преподавателей, къ 1830 году еще нѣсколько увеличенное, было не хуже, чѣмъ даже въ наше время. Въ 1820 году по докладу Комиссіи духовныхъ училищъ свѣтскіе преподаватели семинаріи получили право на чинопроизводство: магистръ — VIII классъ, кандидатъ—IX и студентъ X.

б) состояніе духовныхъ школъ при дѣйствіи Устава 1808 года.

Въ реформѣ духовной школы 1808—1814 г.г. нельзя не видѣть четвертой уже по счету попытки вложить въ доставшійся намъ по наслѣдству скелетъ западныхъ католическихъ коллегій душу живу, приспособить его къ національнымъ традиціямъ. По старую, заржавѣвшую машину, уже столько лѣтъ шедшую по одному плану, трудно было сразу остановить и повернуть въ другую сторону. Реформа, шедшая сверху, встрѣтила существенныя препятствія внизу, люди традиціи постарались воспользоваться каждымъ слабымъ пунктомъ, каждой оговоркой Устава, что бы то или другое оставить по старому. Такъ судя по тому значенію, которое отведено греческому языку въ системѣ семинарскаго образованія, можно было думать, что школа сдѣлаетъ быстрый поворотъ къ забытому греко-славянскому типу; что чуждое латинское образованіе отойдетъ на приличное ему второстепенное мѣсто. На дѣлѣ греческій языкъ остался почти такимъ же второстепеннымъ предметомъ, какъ и былъ; а латинскій, не смотря на ограниченное число уроковъ въ одномъ училищѣ, продолжалъ оставаться господствующимъ языкомъ и въ лекціяхъ, и въ разговорѣ. Воспользовавшись однимъ примѣчаніемъ въ «Начертаніи правилъ» о томъ, что философскія и богословскія науки собственно должны бы преподаваться на латинскомъ языкѣ, а словесныя, историческія и математическія на русскомъ,—семинарскіе преподаватели продолжали мучить семинаристовъ латынью. Русскій языкъ только мало по малу получалъ права гражданства и еще медленнѣе, уже въ концѣ періода, сталъ вытѣснять латинскій. Точно также медленно входили въ жизнь намѣченныя новыми программами измѣненія въ методахъ преподаванія—вслѣдствіе отсутствія подходящихъ учебныхъ руководствъ.

Дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные по-

дало поводъ отнестись къ вновь вводимымъ общеобразовательнымъ предметамъ, какъ къ необязательнымъ. Комиссія духовныхъ училищъ, помимо краткихъ руководственныхъ указаній въ Уставѣ, издала подробные конспекты по отдѣльнымъ предметамъ; но обязательность этихъ конспектовъ значительно ослаблялась требованіемъ, чтобы каждый учитель дополнялъ ихъ опущенными полезными свѣдѣніями настолько, чтобы «всегда держаться на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ». Это широкое и въ высшей степени симпатичное требованіе, до котораго, кстати сказать, не возвысился ни одинъ изъ послѣдующихъ уставовъ, давало широкую свободу преподавателю, не смотря на нѣкоторыя ея частичныя ограниченія. Такъ въ 1825 г. Комиссіей духовныхъ были признаны обязательными для семинарій слѣдующіе учебники: по объясненію Св. Писанія—руководство митр. Амвросія, по богословію толковательному—соч. Рамбахія; по догматическому и дѣятельному—Θеофилакта Переяславскаго; по обличительному—Иринея Фальковскаго; по философіи—книги Браумейстера и Бруккера; по словесности—риторика Бургія, съ присоединеніемъ курса всеобщей словесности Мейнерса. Но эти учебники оказывались не вполнѣ соотвѣтствующими программамъ и конспектамъ и замѣнялись записками преподавателей, иногда только дополнялись послѣдними по мѣстамъ.

Въ смыслѣ прохожденія курсовъ и метода преподаванія въ этотъ періодъ собственно только постепенно распространялось на всѣ семинаріи то, что начало прививаться въ нѣкоторыхъ въ концѣ до-реформенной эпохи. Такъ въ богословіи постепенно стали распространяться руководства, составленныя по системѣ Прокоповича; въ этотъ періодъ въ отдѣльную науку постепенно стала выдѣляться герменевтика (преподавалась по книгѣ архим. Антонія Знаменскаго); новымъ предметомъ, всюду получившимъ самостоятельное значеніе, явилась церковная археологія, въ курсъ которой вво-

дилось и объясненіе церковныхъ службъ; къ концу 30-хъ годовъ этотъ предметъ совсѣмъ былъ выдѣленъ изъ состава богословія и имѣлъ отдѣльнаго преподавателя. Какъ и прежде, богословскія науки преподавались ректоромъ; но отъ нихъ, въ виду ихъ обширности, стали постепенно выдѣляться отдѣльныя каѳедры и прежде всего церковная исторія. Библейская, общая и русская церковная исторія преподавалась въ этотъ періодъ совмѣстно.—Библейская по руководству Филарета, общая церковная по учебнику Иннокентія (Смирнова). Съ русской церковной исторіей знакомились лишь попутно при изученіи общей и уже въ концѣ 1830 г.г. было сдѣлано предписаніе выдѣлить ее въ особый курсъ. Причемъ, учебнымъ руководствомъ назначалась вновь изданная книга Муравьева «Исторія россійской церкви». Приблизительно въ то же время была совершенно выдѣлена въ самостоятельный предметъ и библейская исторія. Изъясненіе Свящ. Писанія по прежнему считалось второстепеннымъ дѣломъ, оно велось на особыхъ субботнихъ урокахъ разными преподавателями по очереди. Отдѣльный урокъ былъ введенъ съ 1819 г., но до 1839 оно г. не было самостоятельнымъ предметомъ съ особымъ преподавателемъ. Руководствомъ служила кн. митр. Амвросія «Руководство къ чтенію св. книгъ». Обыкновенно въ каждомъ отдѣленіи прочитывалась одна книга или даже нѣсколько главъ.

Философію продолжали преподавать по Баумейстеру и исторію философіи по Бруккеру; хотя въ первомъ учебникѣ дѣлались значительныя добавленія изъ Карпе, а послѣдній восполнялся изложеніемъ системъ новѣйшихъ философовъ, включая иногда Канта и Фихте. Въ составѣ конспектовъ по философіи слѣдуетъ отмѣтить значительное мѣсто, удѣляемое помимо этики наукамъ юридическимъ (politica; oeconomica; juris prudentia, jus civile publicum). Въ общемъ, принимая во вниманіе и количество удѣляемаго времени, слѣдуетъ сказать, что курсъ философскихъ наукъ былъ поставленъ значительно шире, чѣмъ въ настоящее время.

Преподаваніе риторики шло по дореформенному учебнику Бургія съ добавленіями; въ эти дополненія, которыя дѣлались къ нему преподавателями, начала все болѣе проникать живая струя. Нѣкоторые вводили обширный отдѣлъ о поэзіи, дѣля ее на лирическую, повѣствовательную, драматическую, описательную и дидактическую,— часто въ конспекты по словесности вводились предварительныя понятія изъ психологіи и логики, предварительныя понятія о средствахъ выражать внутреннія состоянія души и т. п. Среди приводимыхъ образцовъ предпочтеніе, гдѣ было возможно по роду трактуемаго предмета, оказывалось примѣрамъ изъ Св. Писанія и св. отцовъ; но и изъ свѣтскихъ писателей встрѣчаются не только латинскіе писатели, но и Фонвизинъ, Карамзинъ, Батюшковъ и Жуковскій. Дореформенная піитика, сосредоточившаяся на обученіи стихосложенію, стала уступать мѣсто эстетикѣ—наукѣ о прекрасномъ и изящномъ. Гражданская исторія преподавалась въ низшемъ отдѣленіи тѣмъ же профессоромъ, который читалъ и риторику. Учебникомъ служила гражданская исторія Шрекка; исторія дѣлилась на періоды: отъ сотворенія міра до потопа, отъ Ноя до Моисея, отъ Моисея до Ромула, отъ Ромула до Кира, отъ Кира до Александра Македонскаго, отъ Александра—до Іисуса Христа и т. д.; по русской исторіи учебникомъ служило сочин. Кайданова, позже его стало замѣнять «Начертаніе русской исторіи» Устрялова. Читавшаяся въ среднемъ отдѣленіи математика считалась предметомъ второстепеннымъ и потому изучалась не всегда основательно. Учебниками въ этотъ періодъ были: «Основанія алгебры» Себржинскаго, «Начальныя основанія геометріи» Райковскаго, «Начальныя основанія математики» Фусса; физика преподавалась по Шрадеру,— теперь она выдѣлилась изъ круга философскихъ наукъ и отнесена къ математическимъ; по пасхаліи руководились учебникомъ Тяжелова.

Кромѣ посѣщенія классовъ въ это время большое вни-

маніе обращали на писаніе сочиненій. Въ теченіе года наставниками предлагались самыя разнообразныя темы, какъ на латинскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ, всѣ ученическія работы тщательно исправлялись. При усердіи преподавателей даже посредственные ученики пріучались излагать мысли связною, періодически закругленною рѣчью. Правда, эти работы представляли разукрашенный, искусственный цвѣтокъ, который былъ лишенъ естественной простоты, но таковъ былъ общій духъ тогдашняго образованія.

Сильными вспомогательными средствами къ возбужденію интереса со стороны учениковъ къ письменнымъ работамъ служили: чтеніе лучшихъ сочиненій въ публичныхъ собраніяхъ, публичныя испытанія по письменнымъ работамъ, а равно перешедшій изъ дореформеннаго періода обычай ознаменовывать торжественные моменты семинарской науки ученолитературными празднествами, на которыхъ опять-таки читались лучшія произведенія учениковъ. Посѣщавшая публичные диспуты и экзамены городская публика мало понимала изъ того, что говорилось, и въ большинствѣ случаевъ туно смотрѣла въ предложенныя программы, повернувъ ихъ иногда вверхъ ногами. Но въ ней латинскія рѣчи и высокопарныя разсужденія вызывали благоговѣйный страхъ предъ семинарской ученостью. Заслуживаетъ вниманія практика этого періода относительно экзаменаціонныхъ испытаній, которыя производились далеко не каждый годъ по всѣмъ предметамъ и не всѣмъ ученикамъ, а чаще только лучшимъ (публичные экзамены); а также относительно малоуспѣвающихъ, которымъ дозволялось продолжать образованіе въ семинаріи приватно, до усмотрѣнія на слѣдующемъ испытаніи. Въ виду этого нѣкоторые исключенные по прошенію опять принимались въ тотъ же классъ, а иногда и въ высшій, и если оказывали успѣхи, то включались въ число дѣйствительныхъ учениковъ.

Отмѣчая значительныя улучшенія по учебной части,

нужно съ грустью признаться, что на измѣненіе моральнаго облика семинариста реформа оказала мало вліянія. Всѣ благія и гуманныя начинанія устава парализовались неудачной общей методой воспитанія и отсутствіемъ дѣйствительнаго воспитательнаго воздѣйствія. Единственнымъ средствомъ воспитанія являлась строго-организованная система надзора, который долженъ былъ уловлять буквально каждый шагъ ученика, и такой же строгій распорядокъ каждаго его движенія по многочисленнымъ дисциплинарнымъ правиламъ и предписаніямъ. Орудіемъ такого мелочного надзора служили сами же воспитанники, такъ называемые старшіе, на обязанности которыхъ лежало узнавать и доносить въ подробности начальству о ввѣренныхъ имъ ученикахъ все, что ими дѣлалось и говорилось въ семинаріи, въ гостяхъ, въ домахъ родителей. Путемъ этого сыска и думали «укрѣплять чувство истиннаго благородства въ душахъ». На дѣлѣ получилось какъ-разъ обратное, развивая въ юношествѣ дурныя свойства и наклонности: шпіонство, интриганство, сплетничество, взяточничество, лесть,—система надзора при помощи старшихъ убивала въ ученикахъ лучшія чувства. Строгость наказаній развивала далеко не лестныя качества лицемѣрнаго смиренничанья, воспитывала неключимыхъ рабовъ, а не людей чести, благородства.—Понимая все вредное вліяніе грубыхъ и унизительныхъ наказаній, уставъ имѣлъ добрую цѣль исключить ихъ изъ практики и требовалъ, чтобы наказанія были рѣдки, безъ мести, безъ вспыльчивости, безъ озлобленія и особливо униженія; но въ дѣйствительности они были часты, грубы и жестоки; составители имѣли неосторожность, перечисливъ рядъ дозволенныхъ наказаній, заключить неопредѣленною фразою, что ректору и инспектору не возбраняются и другія поощренія и наказанія «въ духѣ отеческаго попеченія». Это «отеческое попеченіе» было весьма своеобразно понято, и почти всѣ виды грубыхъ дисциплинарныхъ наказаній, начиная съ розогъ и разнаго рода кулачной расправы, кон-

чая исполненіемъ служительскихъ обязанностей и стояніемъ на колѣняхъ въ сѣняхъ семинарскаго корпуса на столько времени, пока мимо пройдутъ всѣ ученики семинаріи и училища, перешли въ этотъ періодъ. Въ широкихъ размѣрахъ практикуя карательныя мѣры, педагогія этого періода существованія духовной школы совершенно пренебрегала мѣрами предупредительнаго характера—разнаго рода облагораживающими воспитанника полезными развлеченіями. То, что было писано по этому поводу 100 лѣтъ назадъ просвѣщеннымъ авторомъ духовнаго регламента, было забыто. Всякаго рода свѣтскія развлеченія признавались неприличными для духовныхъ воспитанниковъ. Чтеніе книгъ допускалось только серьезныхъ; беллетристическія произведенія писателей и поэтовъ—Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Грибоѣдова, Пушкина и др. признавались вредными; ученической библіотеки не было вовсе. Пѣніе не возбранялось только духовное, но и для него не было дано надлежащихъ средствъ. Посѣщеніе театра тоже не позволялось, преслѣдовались танцы, а между тѣмъ такія грубыя и небезопасныя игры, какъ «кила» и «чехарда» не возбранялись. Жалкое матеріальное положеніе, странная одежда въ родѣ шлафроковъ, куртокъ и т. п., преграждали семинаристу доступъ къ порядочному обществу, гдѣ онъ могъ получить хотя кое-какія облагораживающія вліянія. Въ результатѣ всего, типъ дореформеннаго бурсака со всѣми его добродѣтелями оставался господствующимъ. Пьянство, хотя бы и такое горькое, что упившихся доставляли въ безчувственномъ состояніи, и непосѣщеніе классовъ въ это время не считались сколько нибудь выдающимися проступками: буйство въ пьяномъ видѣ, съ устройствомъ скандаловъ въ самой семинаріи, на улицахъ города, въ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, знакомства съ подозрительными лицами женскаго пола и даже заболѣванія «любострастными болѣзнями» считались весьма обыкновенными явленіями въ семинарской жизни; уходъ изъ семинаріи на ночь, съ оставле-

ніемъ на своихъ постеляхъ «обманныхъ куколъ», кража для прокоя вещей товарищей, не исключая шапокъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей костюма, были далеко не рѣдкимъ явленіемъ. Не отличались семинаристы этого времени и особою почтительностью къ начальству. Случалось, что ученикъ, явившись въ правленіе въ «самопьянѣйшемъ видѣ», «изругавши всѣхъ матерно», убѣгалъ, не захвативъ даже своего картуза и продолжалъ буйствовать, разбивая стекла и ломая парты. И проявленія даже такого грубаго дебоширства не исключали возможности ему продолжать образованіе. Болѣе серьезное вниманіе обращало начальство только на такіе поступки, какъ распутный кутежъ съ «непотребными дѣвками» въ великіе дни первой и страстной седьмицы, кража священныхъ предметовъ, ризъ, окладовъ съ образовъ, или случаи оскорбленія начальства не только словомъ, но и дѣйствіемъ. Но и во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ провинившихся не всегда немедля удаляли изъ заведенія, а если и удаляли, то потомъ принимали вновь. Послѣ всевозможныхъ отсрочекъ съ цѣлью исправленія, назиданій и наказаній изъ семинаріи изгонялись, какъ и въ дореформенное время, только дѣтины самой непобѣдимой злобы. Такая снисходительность была далеко не результатомъ гуманности, а слѣдствіемъ крайне низкаго уровня нравственности среди бурсаковъ.

На сельское духовенство реформа 1814 года оказала не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе одною своей несимпатичною чертой. Въ уставъ уѣздныхъ училищъ было включено особое постановленіе, чтобы дѣти духовенства всѣ зачислялись въ училищное вѣдомство съ 6—8 лѣтъ и съ этого времени всѣ состояли подъ надзоромъ начальства уѣздныхъ училищъ, которое слѣдило бы за ихъ домашнимъ обученіемъ. Такимъ образомъ, дѣти духовенства поставлены были въ положеніе нѣкотораго рода духовныхъ кантонистовъ, обязанныхъ духовной службой, и должны были съ дѣтства обязательно

приготовляться къ занятію духовныхъ должностей. Дальше этого прикрѣпленія людей къ сословію идти было некуда. Но обстоятельства и жизнь были сильнѣе правилъ. И въ данный періодъ, не смотря на такую сословность школы, ея питомцы шли на разныя пути государственной жизни и въ разныя учебныя заведенія то наставниками, то питомцами; молодая, еще не запасшаяся силами свѣтская школа по необходимости должна была питаться плодами старѣйшей ея сестры—школы духовной.

III. Протасовская реформа; состояніе духовныхъ школъ въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ.

Въ концѣ 1830-хъ г.г. совершилась новая реформа средней духовной школы, преимущественно въ области постановки учебной части. Оберъ-прокурорскій постъ занялъ графъ Протасовъ, гусарскій полковникъ, воспитанникъ іезуита, окружившій себя лицами склонными къ католичеству. Сообразно съ этими личными наклонностями начальника духовнаго вѣдомства и съ общимъ узко-консервативнымъ направленіемъ эпохи рѣшено было перестроить и духовную школу, которая еще въ двадцатыхъ годахъ смущала многихъ консерваторовъ того времени своею широкою постановкой общеобразовательной части; еще въ то время соблазнялись тѣмъ, что духовное воспитаніе ввѣрено людямъ, «въ Кантовыхъ началахъ воспитаннымъ». Теперь эти опасныя начала, какъ и всякій либеральный духъ, нашли благовременнымъ искоренить. Комиссія духовныхъ училищъ безсильна была оказать свое вліяніе на дѣло и не потому только, что графъ Протасовъ совершенно не стѣснялся даже съ митрополитомъ Филаретомъ, на котораго позволялъ себѣ кричать, но и потому, что престарѣлый митрополитъ Серафимъ, «полумертвая рука ко-

тораго готова была подписать какое угодно представленіе» (Филаретъ Московскій), былъ послушнымъ орудіемъ Протасова. И вотъ началась дружная работа «къ униженію и порчѣ духовныхъ училищъ».

Свой взглядъ на духовныя семинаріи и на желательныя измѣненія въ ихъ строѣ графъ Протасовъ высказалъ въ слѣдующемъ характерномъ разговорѣ съ вятскимъ ректоромъ Никодимомъ, который былъ вызванъ для работъ по реформѣ семинарій. «Ваша богословія очень выспренни. Ваши проповѣди высоки. Мы васъ не понимаемъ. У васъ нѣтъ народнаго языка; вы чуждаетесь церковности. Практическое богословіе вамъ не извѣстно. Вы считаете низкимъ для себя знать и изучить его, оттого смѣшите, вступая въ священную должность. Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Васъ руководятъ дьячки, надъ вами издѣваются начитанные мѣщане. Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными—это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей... Говорите съ нами языкомъ намъ понятнымъ, поучайте закону Божію такъ, чтобы васъ понималъ съ перваго раза послѣдній мужикъ!.. Изъ семинаріи поступаютъ священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину, даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма и фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе. И довольно! Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ».

Понявъ, что его хотятъ сдѣлать орудіемъ разстройства и униженія школы, отецъ Никодимъ горячо защищалъ прежній уставъ. «Напрасно вы отнимаете, говорилъ онъ, филосо-

фію. Она у насъ смиренна, ибо обуздывается богословіей». «Оставьте, не хочу слушать вашихъ апологій! Философію изгнать изъ семинарій! Объявляю волю Императора. Когда я упомянулъ Государю, что въ духовныхъ семинаріяхъ читаютъ философію, Государь съ гнѣвомъ и въ недоумѣніи воскликнулъ: какъ? у духовныхъ есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»

Синодъ возсталъ противъ проектовъ графа; но все-таки Комиссія духовныхъ училищъ сдѣлала значительныя уступки его стремленіямъ, и въ 1838 году появилось характерное постановленіе о преподаваніи семинарскихъ наукъ. Оно старается какъ можно строже установить сословно-профессіональный характеръ образованія. «Надобно употреблять особенное стараніе, говорилось здѣсь, чтобы не только высшее отдѣленіе, но и среднее съ низшимъ, по необходимости много занятыя свѣтскими науками, проницаемы были духомъ церковнымъ». При преподаваніи словесности должно стремиться образовать человѣка, который могъ бы правильно, свободно и убѣдительно бесѣдовать съ народомъ объ истинахъ вѣры и нравственности; отсюда, преимущественно нужно имѣть въ виду образцы словесности духовной и краснорѣчія церковнаго. Изъ латинскихъ писателей избѣгать мѣстъ, которыя проникнуты духомъ языческаго міра, или немедленно преслѣдовать ихъ замѣчаніемъ о несовершенствѣ языческихъ понятій относительно вѣры и нравственности. Стихотворство преимущественно направлять къ тому, чтобы образовать привычку оборотливѣе владѣть языкомъ. Отъ незаконныхъ порожденій поэзіи, въ которыхъ преобладаетъ страсть и чувствительность, велѣно остерегать юные умы. Пусть плѣняются словомъ Писанія и съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно напитываются его духомъ. По греческому языку языческихъ писателей позволялось брать только для ознакомленія съ разными нарѣчіями и видоизмѣненіями языка, но преимущественно переводить Отцовъ Церкви. Въ классахъ новыхъ языковъ также

было указано удерживаться отъ чтенія свѣтскихъ сочиненій, а также и отъ сочиненій, написанныхъ въ духѣ иновѣрія, читать же проповѣдниковъ и сочиненія о религіи, нравственности и по церковной исторіи—благонамѣренныя и безпристрастныя, встрѣтившуюся ложную мысль опровергать.

По гражданской исторіи указывалось избѣгать: а) усиленнаго критицизма, который думаетъ древнюю исторію начать неизвѣстностью и баснями, забывая, что достовѣрнѣйшія начала исторіи рода человѣческаго о древнихъ народахъ находятся въ Св. Писаніи, б) произвольнаго систематизма, который воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ роковой для него идеи; нужно стараться указывать въ исторіи нравственныя черты и слѣды провидѣнія Божія, в) неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ.

Въ среднемъ отдѣленіи, для привнесенія въ него богословскаго элемента была введена, выдѣленная теперь въ отдѣльный предметъ библейская исторія. Философія на этотъ разъ была оставлена въ семинаріи, но при преподаваніи ея, какъ руководительной нити указано держаться того правила, что истинной пользы философской исторіи нужно искать въ дознаніи, что усилія разума человѣческаго недостаточны къ удовлетворительному открытію истины». Кромѣ того, рекомендовалось не вдаваться въ изслѣдованія или превышающія возрастъ учащихся, или находящіяся внѣ круга, свойственнаго ихъ образованію, и въ сторонѣ отъ цѣли, для нихъ поставленной, каковы, напр., изслѣдованія, относящіяся къ праву естественному, и вопросы политическіе. Въ высшемъ отдѣленіи въ кругъ богословскихъ наукъ введено богословско-историческое ученіе о св. отцахъ.

По богословію признано нужнымъ устранить пространныя, болѣе философскія, нежели богословскія изслѣдованія о религіи вообще, не излишнія въ высшемъ образованіи, но

для семинариста и будущаго сельскаго священника болѣе обременительныя, нежели полезныя, и даже возмущающія мыслью о возможности сомнѣній, которыхъ неиспорченный умъ и не подозрѣваетъ. Кромѣ того, для соединенія всѣхъ классовъ въ одномъ духѣ, свойственномъ училищу духовному, во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ былъ введенъ курсъ чтенія Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, причемъ, предписывалось прочитывать разныя книги изъ историческихъ, учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта и изъ Новаго Завѣта и давать объясненіе краткое и простое. Въ то же время были сдѣланы уже лично гр. Протасовымъ распоряженія объ исправленіи внѣшней стороны духовно-учебныхъ заведеній,—для спальныхъ отведены особыя комнаты, въ которыя ученикамъ не позволялось входить цѣлый день; было вообще обращено вниманіе на чистоту и опрятность.

Не удовлетворяясь этимъ, графъ мечталъ о дальнѣйшемъ переустройствѣ семинарій. Предвидя для себя въ этомъ дѣлѣ большую помѣху со стороны Комиссіи и въ то же время сознавая, что пока она существуетъ, настоящихъ правъ на распоряженіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ онъ не будетъ имѣть, графъ Протасовъ постарался пріобрѣсти эти права. Онъ доложилъ Государю о томъ, что Комиссія духовныхъ училищъ, дѣйствуя независимо, не достигаетъ своей цѣли, при множествѣ обременяющихъ ее разнородныхъ дѣлъ, особенно экономическихъ, и при отвлеченіи ея членовъ другими, болѣе прямыми обязанностями ихъ званія. Въ вину Комиссіи далѣе было поставлено то, что, составляя отдѣльную отъ Синода въ вѣдомствѣ власть, она производитъ нѣкоторое раздвоеніе высшаго духовнаго правительства, что дѣлаетъ духовно-учебную и епархіальную части чуждыми другъ другу и устраняетъ духовныя училища отъ должнаго вліянія епархіальныхъ властей. 1 марта 1839 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ упраздненіи Комиссіи духовныхъ училищъ, это произошло неожиданно даже для самихъ членовъ Синода.

Дѣло это не разсматривалось ни въ Св. Сунодѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, а совершилось по именному указу Государя, вслѣдствіе представленія гр. Протасова. Высшее завѣдываніе духовно-учебною частью было признано за благо сосредоточить въ Св. Сунодѣ, а надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ существующихъ по сей части законовъ—ввѣренъ оберъ-прокурору Св. Сунода. Всѣ права Комиссіи по главнымъ предметамъ были переданы Св. Суноду, а по прочимъ дѣламъ исполнительнаго производства—Духовно-учебному и Хозяйственному управленіямъ.

Учрежденное по упраздненіи Комиссіи Духовно-учебное Управленіе и должно было производить всѣ дѣла, относящіяся къ воспитанію и обученію юношества, собирать и содержать въ порядкѣ свѣдѣнія по всѣмъ частямъ вѣдомства, наблюдать за точнымъ исполненіемъ разнаго рода распоряженій и предписаній. Оно состояло изъ общаго присутствія (директора и начальниковъ отдѣленій), куда постановлено было приглашать для совѣщаній ректоровъ С.-Петербургскихъ академіи и семинаріи, а затѣмъ изъ двухъ отдѣленій, секретарскаго стола, бухгалтеріи и казначейства. Такимъ образомъ между Сунодомъ, академіями и семинаріями явился посредникъ, въ видѣ подчиненнаго оберъ-прокурору бюрократическаго учрежденія, вносившаго въ учебную администрацію совершенно чуждый ей чиновничій элементъ; для епархіальныхъ преосвященныхъ эта реформа явилась вдвойнѣ неудобной, имъ приходилось подчиняться помимо Сунода двойному контролю учрежденій, не вполнѣ компетентныхъ въ смыслѣ достоинства власти,—академическимъ правленіямъ и Духовно-учебному Управленію, чѣмъ незаконно умалялась власть преосвященныхъ.

По упраздненіи Комиссіи, оберъ-прокуроръ почувствовалъ себя господиномъ положенія и сталъ искать подходящихъ сотрудниковъ, «лицъ съ сильною охотою сдѣлать угодное людямъ вѣка» (Филаретъ Гумилевскій). Главнымъ

проводникомъ мыслей гр. Протасова въ направленіи учебной части къ церковному преданію и практической основѣ явился преосв. Аѳанасій (Дроздовъ), сдѣланный епископомъ Винницкимъ.—Въ 1840 г. было произведено преобразованіе учебной части въ семинаріяхъ на основаніи «Высочайше одобренныхъ правилъ». Теперь духовной школѣ было поставлено двѣ цѣли—давать будущимъ пастырямъ душъ отчетливое богословское образованіе съ практическимъ примѣненіемъ къ потребностямъ паствы и, кромѣ того,—снабжать ихъ запасомъ и тѣхъ свѣдѣній, которыми они могутъ улучшить свой домашній бытъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, добрыми хозяйственными и врачебными совѣтами усиливать свое нравственное вліяніе на сельскихъ прихожанъ. Послѣднимъ нововведеніемъ имѣлось въ виду помочь чрезъ священниковъ вновь учрежденному Министерству Государственныхъ Имуществъ, встрѣчавшему сильное препятствіе къ осуществленію своихъ цѣлей улучшенія сельскаго хозяйства въ невѣжествѣ народа. Съ послѣднею цѣлью въ семинарскій курсъ были введены новые предметы, «особенно полезные въ общежитіи и житейскомъ быту священника»—естественныя науки, медицина, сельское хозяйство.

Съ тою цѣлью, чтобы окончившимъ курсъ дать возможность ближе ознакомиться съ обязанностями приходскаго священника, рѣшено было учредить въ семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства. Впрочемъ это предположеніе, о которомъ оберъ-прокуроръ намѣревался сдѣлать особое распоряженіе, осталось неосуществленнымъ. Всему вообще курсу семинаріи былъ приданъ характеръ по преимуществу практическій и утилитарный. Богословское образованіе значительно расширено чрезъ усиленіе богословскаго элемента въ среднемъ и низшемъ отдѣленіяхъ, («Катихизическое ученіе», «О богослужебныхъ книгахъ», «Патристика») и введеніе новыхъ богословскихъ каѳедръ—богословія пастырскаго, литургики, каноники, ученія о вѣроисповѣданіяхъ.

Преподаваніе всѣхъ предметовъ указано было вести на русскомъ языкѣ. Объ общемъ составѣ курса даетъ понятіе нижеслѣдующее росписаніе предметовъ съ измѣненіями, послѣдовавшими въ ближайшіе къ реформѣ годы.

Низшее отдѣленіе:

1-й годъ.	уроки:	2 годъ.	урок.
Катихизическое ученіе	2	Св. Писаніе (истор. кн.)	1
Риторика	5	О богослужебныхъ книгахъ	1
Всеобщ. исторія древн.	2	Риторика и поэзія	5
Алгебра и геометрія	2	Всеобщая исторія.	3
Греческій языкъ	2	Геометрія и пасхалія	2
Латинск. языкъ	3	Греческій языкъ.	2
		Латинскій языкъ	2

Среднее отдѣленіе:

1 годъ.	урок.	2 годъ.	урок.
Св. Писаніе (учит. кн.).	1	Свящ. Писаніе (прор. кн.). Герменевтика	3
Библейская исторія.	2	Библейская исторія.	2
Логика и психологія	4	Естеств. ист. и сельк. хоз.	3
Русская гражданская ист.	2	Патристика	4
Физика и естеств. ист..	3	Греческій языкъ..	2
Чтеніе греческ. писателей	2	Латинскій языкъ..	2
Чтеніе латинск. писат.	2		

Высшее отдѣленіе:

1 годъ.	урок.	2 годъ.	урок.
Новый Завѣтъ..	2	Свящ. Писаніе	2
Догматика. Ученіе о вѣроисповѣдан. Гомилетика	6	Богословіе нравственное. О должност. пресвит. Гомилетика	6
Церковная исторія	2	Основ. церковн. законовѣд.	
Церковн. древн. и обряды	2	и канон. права.	2
Чтеніе отцев. греч. и лат.	2	Истор. россійск. Церк.	2
Медицина.	1	Чтеніе св. отц. греческихъ	2
Сельское хозяйство..	1	Медицина.	2

Продолжительность каждаго урока была назначена два часа, поэтому, въ общемъ на классныя занятія тратилось въ недѣлю не менѣе 32 часовъ. Ученіе, какъ и прежде, происходило по записямъ наставниковъ и по методѣ приближалось къ лекціонной; обыкновенно нѣкоторое время, иногда мѣсяцъ и болѣе, преподаватели только читали, а потомъ устраивали репетиціи.

Обращаясь къ преподаванію отдѣльныхъ предметовъ, нужно отмѣтить значительныя измѣненія въ постановкѣ, особенно богословскаго курса. Введеніе въ курсъ преподаванія Священнаго Писанія, конечно, можетъ быть только привѣтствуемо, но къ сожалѣнію, нужно сказать, что ни по количеству отводимаго времени, ни по постановкѣ преподаваніе этого предмета, далеко не соотвѣтствовало его серьезному значенію, среди другихъ богословскихъ наукъ. Въ это время, когда усиленно выдвигали на первый планъ церковное преданіе, каноны и правила, и обрядность, совершенно заслоняя ими Библію, когда самое обращеніе къ еврейскому тексту и вопросъ о переводѣ Библіи на русскій языкъ считали религіознымъ преступленіемъ, не было никакой возможности сообщить сколько-нибудь научную постановку этому предмету, преподаваніе котораго было приспособлено къ одному славянскому тексту. Очень много времени удѣлялось исагогическимъ свѣдѣніямъ о книгахъ; вмѣсто краткаго и яснаго объясненія текста, обращали главное вниманіе на правоучительные выводы. Всѣ вопросы по исторіи текста и о важности еврейскаго текста старательно обходились. Объяснялись какъ и прежде только нѣкоторыя мѣста на выдержку, преимущественно главныя догматическія или мессіанскія мѣста. Изъ книгъ новозавѣтныхъ изучались Евангелія, книга Дѣяній и посланіе къ Римлянамъ, потомъ сюда присоединились соборныя посланія, и изъ посланій апостола Павла—къ Коринфянамъ, Галатамъ и Ефесеямъ. Еврейскій языкъ въ большинствѣ семинарій совсѣмъ былъ исключенъ изъ учебнаго курса.

Съ конца 1850-хъ г.г., послѣ смерти Протасова, программа уроковъ по Священному Писанію расширяется, преподаватели начинаютъ вводить въ курсъ вопросы объ образованіи ветхозавѣтнаго канона, о языкѣ и подлинности книгъ: свободно пользуются иностранными пособіями, болѣе берутъ мѣстъ для объясненія. Катихизическое ученіе» проходилось въ низшемъ отдѣленіи по руководству Петра Могилы «Православное исповѣданіе», при прохожденіи этого предмета предписано пользоваться посланіемъ восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ. Введеніе «Православнаго исповѣданія» въ семинарскій курсъ современники приписывали католическому направленію сотрудниковъ Протасова. Благодаря этимъ стремленіямъ не получилъ надлежащаго распространенія и пространный катихизисъ Филарета. Руководство къ познанію и употребленію церковно-богослужебныхъ книгъ во времена Протасова представляло курсъ чисто-теоретическаго ознакомленія съ богослужебными книгами. Главнымъ пособіемъ было сначала «руководство», приписываемое Иннокентію (Борисову), а потомъ «Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ» Никольскаго. Но въ концѣ 1850-хъ г.г. ученіе о богослужебныхъ книгахъ было соединено съ уставомъ и стало вводиться практическое ознакомленіе воспитанниковъ съ книгами. Библейская герменевтика въ протасовскія времена руководилась католическими идеями о священномъ преданіи и канонахъ, какъ исключительномъ руководительномъ началѣ въ толкованіи Священнаго Писанія. Библейская герменевтика Савваитова, сдѣлавшаяся послѣ смерти Протасова общеобязательнымъ учебникомъ въ семинаріяхъ, трижды передѣлывалась подъ вліяніемъ то католичествующей партіи, то составлявшаго ей нѣкоторый противовѣсъ митрополита Филарета. Библейская исторія преподавалась по извѣстному руководству митрополита Филарета, а съ 1860-хъ г.г. по Богословскому. Патристика, читавшаяся въ первые годы по реформѣ въ высшемъ, а въ 1845 году перенесенная въ среднее отдѣленіе,

представляла довольно пространное обозрѣніе твореній святыхъ Отцовъ, начиная съ мужей апостольскихъ: но за отсутствіемъ сколько-нибудь приспособленнаго учебнаго руководства эта наука была поставлена плохо, ограничиваясь біографическими свѣдѣніями и общимъ перечнемъ сочиненій. Въ 1859 году, когда вышла въ свѣтъ книга Филарета: «Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви», дѣло преподавателей значительно облегчилось.

Введеніе перечисленныхъ богословскихъ наукъ въ общеобразовательную часть семинарскаго курса значительно измѣнило общій распорядокъ семинарскихъ наукъ. Предполагалось, что введеніе богословскаго элемента во всѣ классы дастъ возможность ученикамъ исподволь и болѣе основательно ознакомиться съ богословскими предметами и впитать въ себя духъ церковности, объ усиленіи котораго такъ много хлопотали во времена Протасова. Это стремленіе было направлено къ тому, чтобы исправить одинъ изъ существенныхъ недостатковъ курса нашей духовной школы, полученный ею по далекому наслѣдству съ запада—механичность въ распредѣленіи курса отдѣльныхъ наукъ и совершенное оставленіе безъ религіознаго образованія учениковъ низшаго и средняго отдѣленія семинаріи. Но къ сожалѣнію, попытка исправленія была произведена крайне неудачно; въ среднее и низшее отдѣленія были переведены предметы, имѣвшіе менѣе всего общаго съ общеобразовательнымъ курсомъ и представлявшіе, кромѣ того, или не особенно пространное повтореніе уже извѣстнаго съ училища (катихизисъ, библейская исторія), или предметы узко-прикладного значенія (литургика), или наконецъ, предметы по своему существу сухосхематическаго характера, каковымъ по необходимости являлась патристика въ семинаріяхъ и отчасти Священное Писаніе, особенно въ протасовское время. Въ результатѣ эти предметы являлись мало интересными для учащихся, какимъ то балластомъ, мѣшавшимъ успѣшному ходу учебныхъ за-

нятій; на примѣрѣ, ихъ изученія ученики не только не располагались къ изученію богословія, а наоборотъ, выносили противъ него предубѣжденіе. Гораздо лучше были поставлены главные богословскіе предметы, сосредоточенные въ высшемъ отдѣленіи.

Графъ Протасовъ съ своей партіей имѣли самое твердое намѣреніе перестроить преподаваніе догматическаго богословія такъ, чтобы идея о церкви-учительницѣ, объ особенной важности преданій и символовъ, стояла на первомъ планѣ. Въ такомъ духѣ и были составлены конспекты; въ нихъ, между прочимъ, проводилось мнѣніе объ «излишествѣ ученія о Богѣ по началамъ разума и сомнительной нуждѣ ветхозавѣтнаго откровенія при доказательствѣ божественнаго происхожденія христіанской вѣры». Прежніе учебники Прокоповича, Фальковскаго, Карпинскаго, Ѳеофилакта Горскаго, митрополита Платона, какъ зараженные духомъ протестантизма подверглись осужденію. Но горячая защита митрополитомъ Филаретомъ, подвергшихся несправедливому нападенію книгъ, пріостановила составленіе общеобязательныхъ новыхъ богословскихъ конспектовъ; впрочемъ, въ 1840 году стали появляться приспособленныя къ этимъ предположеннымъ еще конспектамъ руководства. Такъ, повидимому, по иниціативѣ ректора академіи Аѳанасія, подъ руководствомъ тогдашняго бакалавра догматики Макарія (Булгакова), составлены записки по Догматическому Богословію. Сообразно съ излюбленной идеей Аѳанасія, ученіе о церкви изложено на первомъ мѣстѣ и преданіе выставлено на первый планъ. То же мѣсто занимаетъ ученіе о Церкви и во «Введеніи въ православное богословіе преосв. Макарія, что опять не могъ одобрить митрополитъ Филаретъ. Но распространенія записки Макарія въ то время не имѣли. Достичь цѣли гр. Протасову и здѣсь не удалось.

Съ конца 1848 года по опредѣленію Святѣйшаго Синода введено въ классическое употребленіе въ семинаріяхъ Догматическое богословіе Антонія (Амфитеатрова), одобрен-

ное конференціями с.-петербургской и кіевской академій. Книга являлась во всякомъ случаѣ болѣе удовлетворительной, чѣмъ нынѣшній учебникъ Макарія. Замѣтныхъ перемѣнъ въ преподаваніи нравственнаго богословія не произошло. Существенное содержаніе всѣхъ конспектовъ по пастырскому богословію—это указаніе обязанностей священника, какъ учителя, священнослужителя и пастыря душъ, въ нѣкоторыхъ конспектахъ говорится о происхожденіи священства и излагаются желательныя личныя качества священника какъ гражданина и подчиненнаго. Богословіе собесѣдовательное съ выходомъ книги Амфитеатрова приняло такой видъ, въ которомъ оно предлагается воспитанникамъ семинаріи и доселѣ. Преимущественное вниманіе при преподаваніи гомилетики обращалось на составленіе проповѣди. Церковныя древности и обряды—наука, соотвѣтствующая нынѣшней литургикѣ, состояла изъ слѣдующихъ отдѣловъ. О церкви или храмѣ христіанскомъ, со всѣми его принадлежностями; о богослуженіи, о таинствахъ и требахъ. Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, иначе называемое богословіемъ сравнительнымъ, первоначально было шире своего названія. Ибо на урокахъ этого предмета разсматривались не только христіанскія исповѣданія, но давалась критика язычества, магометанства, іудейства. Сюда же присоединялось изученіе раскола, состоявшее въ разсмотрѣніи отдѣльныхъ пунктовъ старообрядческихъ и сектантскихъ ученій.

Въ 1853 году послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Сунода объ открытіи миссіонерскихъ отдѣленій, съ цѣлью особаго приготовленія нѣкоторыхъ воспитанниковъ при академіяхъ и семинаріяхъ «въ дѣло съ раскольниками». Въ отдѣленіи преподавались: 1) исторія русскаго раскола; 2) современная статистика раскола во всѣхъ его видахъ; 3) обозрѣніе сочиненій раскольническихъ и противураскольническихъ; 4) положительное опроверженіе раскола; 5) практическія наставленія миссіонерамъ. Причемъ, предписывалось принимать на

миссіонерское отдѣленіе въ особенности отличающихся доброй нравственностью, освобождая ихъ отъ изученія одного или двухъ древнихъ языковъ. Каноническое богословіе съ самаго введенія его приняло тотъ же видъ, въ какомъ преподавалось въ послѣднее время; учебными руководствами служили «Опытъ церковнаго законовѣдѣнія» архимандрита Іоанна (Соколова); въ 1848 году вышли въ свѣтъ «Записки по церковному законовѣдѣнію» Скворцова, книжка котораго и сдѣлалась учебнымъ руководствомъ. Церковная исторія, въ виду выдѣленія изъ нея сродныхъ наукъ (патристики, каноники, литургики) ограничена двумя уроками. Самый характеръ учебной реформы 1840-хъ г.г. съ ея обрядово-церковно-практическимъ направленіемъ исключалъ возможность основательной постановки этого предмета. Къ тому же по общей исторіи до самаго конца этого періода не было удовлетворительнаго и цѣльнаго руководства. Въ качествѣ руководства по русской церковной исторіи пользовались извлеченіями изъ «Исторіи русской церкви» Филарета Гумилевскаго. Въ видахъ разработки мѣстной церковной исторіи въ 1850 г. опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода предписано составить епархіальные историко-статистическіе комитеты.

Но если богословскія науки за этотъ періодъ дифференцировались и приняли болѣе стройный видъ, то философскимъ былъ нанесенъ такой рѣшительный ударъ, отъ котораго онѣ не поправились и до сихъ поръ. Не только юридическія и общественныя науки, которыя входили раньше въ составъ философскаго курса, но и исторія философіи, метафизика и этика были изгнаны изъ семинарій, въ курсѣ оставлены только психологія и логика; сначала онѣ преподавались два года, но въ 1845 г. одинъ годъ съ 4 уроками. Въ 1854 г. въ семинаріи были высланы для отзыва программы логики и психологіи. Программы своею обширностью имѣли въ виду какъ бы вознаградить семинаріи за изгнаніе изъ нихъ философіи въ прежнемъ объемѣ; логика въ этихъ программахъ

соединяется съ метафизикой и вообще философіей. Но до конца періода эти программы не оказали замѣтнаго вліянія на характеръ преподаванія въ семинаріяхъ. Въ преподаваніи словесности и исторіи произошло мало перемѣнъ, по исторіи къ концу періода вмѣсто Шрекка утвердился учебникъ Смарагдова, а въ качествѣ руководства по русской исторіи Устряловъ. Теорія словесности все болѣе уклонялась отъ устарѣлыхъ правилъ Бургіевой риторики. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ на ряду съ теоріей словесности преподавалась и краткая исторія литературы, при чемъ разбирались и писатели современные Грибоѣдовъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, Пушкинъ, Полевой, Михаилъ Данилевскій; въ нѣкоторыхъ конспектахъ разбирались классики иностранной литературы Шекспиръ, Шиллеръ, давались обстоятельные очерки по исторіи искусства, воспитанники знакомились съ Гердеромъ, Гизо, Нибуромъ. Новые языки и еврейскій преподавались въ этотъ періодъ для желающихъ въ послѣобѣденное время. Необязательность, неурочное время и отсутствіе надлежащихъ преподавателей—все это вмѣстѣ взятое не могли не содѣйствовать замѣтному пониженію знаній по этимъ предметамъ. Мысль предыдущаго устава о такой постановкѣ греческаго языка, чтобы онъ замѣнилъ собою господство латыни, забылась,—латинскій языкъ, въ виду предписанія вести преподаваніе на русскомъ языкѣ, сталъ постепенно терять свое значеніе.

Особенно широкую постановку реформа 1840-хъ г.г. пыталась дать физико-математическимъ предметамъ, послѣ реформы въ семинаріи неоднократно присылались запросы о положеніи этихъ наукъ; ни объ одномъ изъ богословскихъ предметовъ не было проявлено въ этотъ періодъ столько заботливости, сколько о математическихъ и естественныхъ наукахъ. И не смотря на всѣ эти старанія результатъ получился самый ничтожный. Предметы эти все же оставались второстепенными и изучались плохо. Причиною этого была многопред-

местность курса. Протасовская реформа хотѣла дать воспитаннику приличное общее образованіе, подготовить его къ священству и кромѣ того, сдѣлать изъ него агронома, врача и чуть ли не архитектора. И все это предполагалось совершить въ какой-нибудь шестилѣтній курсъ. Естественно, что въ погонѣ за многимъ, что-нибудь непремѣнно должно было стать второстепеннымъ. Непосредственная задача пастырскаго служенія, запросы и требованія общеобразовательные, всегда составлявшіе основаніе семинарскаго курса, не могли снизойти до второстепенной роли, а съ другой стороны математическія, естественныя науки, сельское хозяйство и медицина, для основательнаго ознакомленія съ ними, требовали несравненно большей затраты времени и силъ, чѣмъ тѣ, которыя могли удѣлить семинаристы при множествѣ другихъ предметовъ богословско-общеобразовательнаго свойства. Отсюда разладъ между распоряженіями высшей власти, требовавшей особой внимательности къ этимъ предметамъ, и осуществленіемъ этихъ распоряженій на практикѣ. Преподаванію геометріи въ этотъ періодъ старались придать по преимуществу практическій характеръ; ученикамъ предлагалось заниматься практическими измѣреніями, съемками мѣстности на планы и исчисленіями ея поверхности. Каждый ученикъ при окончательныхъ испытаніяхъ долженъ былъ представить и свои планы: для практическихъ занятій были высланы въ семинарію необходимые геодезическіе инструменты: мѣрныя цѣпи, астролябіи и мензулы съ принадлежностями, а также готовальни. Практическая геометрія и геодезія просуществовали только до смерти Протасова (1856 г.), потомъ преподаваніе было отмѣнено, а оказавшіеся ненужными инструменты пришлось продавать съ публичныхъ торговъ.

Физика преподавалась въ это время по учебнику Ленца, до 1849 г. безъ всякихъ приборовъ; съ 1849 года въ семинаріи стали разсылаться приборы и понемногу организовались физическіе кабинеты. Курсъ физики въ то время

былъ значительно шире по объему, чѣмъ въ послѣднее время: тогда въ составъ его входили: физическая механика, статика, динамика, гидростатика и гидродинамика, аэростатика и аэродинамика, акустика. Естественная исторія и сельское хозяйство преподавались въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ совмѣстно. По естественной исторіи давалось краткое понятіе о землѣ, описаніе нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ и ихъ неорганическихъ составовъ, органическихъ соединеній. Далѣе слѣдовали минералогія, ботаника и зоологія. Въ курсѣ сельскаго хозяйства сосредоточивались на общихъ сужденіяхъ о климатѣ, почвахъ; изъ отдѣльныхъ промысловъ останавливались на земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ и садоводствѣ. Въ 1858 г. Высочайшимъ указомъ было указано ограничиться при преподаваніи естественныхъ наукъ только общими свѣдѣніями. По медицинѣ, кромѣ общаго ознакомленія съ физіологіей, воспитанниковъ учили средствамъ лѣченія отдѣльныхъ болѣзней, болѣе другихъ встрѣчающихся въ простомъ народѣ: 1) горячки разныхъ видовъ, 2) воспаленія внутреннихъ органовъ, 3) наружныхъ сыпей, а также оспы, скарлатины и кори, 4) нервныхъ болѣзней, 5) наружныхъ опухолей, 6) кровотеченій разнаго рода, 7) худосочія и венерическихъ болѣзней. Кромѣ того, сообщались свѣдѣнія о предосторожностяхъ при повальныхъ болѣзняхъ, объ уходѣ за беременными женщинами и за новорожденнымъ ребенкомъ. Въ разное время съ большею или меньшею обстоятельностью сообщались свѣдѣнія по оспопрививанію. Послѣ смерти Протасова изученіе медицины стало падать, хотя слѣдуетъ замѣтить, что этотъ предметъ воспитанники слушали съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ сельское хозяйство и естественныя науки.

Къ концу этого періода, передъ самой реформой, въ семинаріяхъ былъ открытъ классъ педагогики и воскресныя школы для ознакомленія воспитанниковъ съ педагогическими пріемами. Для преподаванія педагогики приказано было избрать надежныхъ лицъ изъ наличныхъ наставниковъ, но

не возлагать на нихъ преподаванія другихъ предметовъ, дабы дать возможность вникнуть и изучить свой главный предметъ. Преподаваніе педагогики должно было начинаться со второго года въ среднемъ отдѣленіи и продолжаться въ высшемъ. Сохранившіеся конспекты преподаванія свидѣтельствуютъ о томъ, что эта наука была поставлена значительно шире и основательнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Руководствами служили кн. Шафранова и Шварца. Изъ другихъ предметовъ, въ качествѣ необязательнаго предмета, во многихъ семинаріяхъ стало появляться иконописаніе. На письменныя упражненія въ семинаріяхъ по прежнему обращалось самое серьезное вниманіе; въ этотъ періодъ ихъ образовательное значеніе замѣтно усилилось благодаря тому, что большая часть работъ стала писаться на русскомъ языкѣ.

Вообще, не смотря на многія нежелательныя крайности, реформа Протасова имѣла и хорошія стороны, замѣтно ослабивъ сухую теоретичность и оторванность отъ жизни школы. Этому, впрочемъ, способствовало и наступившее оживленіе литературной и общественной жизни. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ (Владимірской) корпораціи брали на себя трудъ, раздѣливъ между собою всѣ духовныя и свѣтскія періодическія изданія, слѣдить за каждой выдающейся или просто оригинальной статьей. Стараясь сами стоять на уровнѣ современности, преподаватели чувствовали необходимость приблизить къ этому и воспитанниковъ. Въ началѣ 1860 гг. въ семинаріяхъ начинаютъ появляться отдѣльныя ученическія библіотеки, составлявшіяся на деньги, пожертвованныя бывшими воспитанниками. Главнымъ общимъ недостаткомъ въ постановкѣ учебной части и въ этотъ періодъ, какъ и въ предыдущій, слѣдуетъ признать отсутствіе нормальныхъ программъ по предметамъ, что ставило преподаваніе въ зависимость отъ усмотрѣнія наставника и его случайнаго личнаго взгляда, а также и недостатокъ учебныхъ руководствъ. Ученикамъ приходилось пользоваться записками, безплодно тратить время

на ихъ списываніе, и испытывались всѣ неудобства приготовленія уроковъ по тетрадкѣ, написанной часто неразборчивымъ почеркомъ съ значительными описками и неправильностями. Въ назначеніи и перемѣщеніи преподавателей царилъ прежній безпорядокъ, — назначали наставника на тотъ или иной предметъ, не спрашиваясь съ его желаніемъ и любовью къ данному предмету. При этомъ, нерѣдко одинъ и тотъ же наставникъ перемѣщался съ одной каѳедры на другую, не имѣвшую ничего общаго съ первой и одновременно преподавалъ нѣсколько предметовъ; соединеніе предметовъ въ каѳедры было въ это время самое необычайное (напримѣръ: физика, латинскій языкъ и свѣдѣнія о богослужебныхъ книгахъ; логика съ психологіей, патристика и латинскій языкъ и т. п.). Назначая преподавателю тотъ или другой предметъ, имѣли въ виду главнымъ образомъ уравненіе числа уроковъ и уравненіе это производилось иногда совершенно механически.

Въ административной части духовныхъ семинарій въ это время особенно ярко сказался уже отмѣченный выше недостатокъ устава 1808 г., оставшійся неисправленнымъ и въ протасовскую эпоху,—это слишкомъ широкія права правленія при его полной зависимости отъ ректора. Засѣданія правленія теперь окончательно превратились въ формальность и даже совсѣмъ прекратились, и всѣ дѣла стали рѣшаться собственной волей ректора. Такой порядокъ особенно усилился съ 1840 г., когда съ упраздненіемъ Коммиссіи духовныхъ училищъ вліяніе бюрократическаго духа стало сильнѣе чувствоваться сверху учебно-административной лѣстницы. Деспотическая постановка ректорской власти, весьма тяжелая для подчиненныхъ, нанесла новый ударъ монашеству. Уставъ 1808 г. весьма дальновидно и тактично далъ одинаковый доступъ къ ректорскимъ должностямъ лицамъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. Но вслѣдствіе господствовавшей прежде монополіи монашества на всѣ административныя должности, это требованіе не было осуще-

ствлено; отъ кандидата на ректорскую должность требовали не столько учености и педагогической опытности, сколько монашеской рясы, черный клобукъ и монашеская ряса ошибочно считались сами по себѣ уже способными возбудить нужное уваженіе къ начальству и поддержать повиновеніе и порядокъ. Какъ это часто бываетъ при монополіи извѣстнаго класса людей на деспотически-организованную власть, всѣ грѣхи этой власти приписываются не характеру ея организаціи, а именно классу, владѣвшему самой монополіей; раздраженіе, бывшее результатомъ этого, надало совсѣмъ не на то, на что слѣдовало. Благодаря этому, казалось бы, не такъ значительному обстоятельству, воспитался цѣлый рядъ поколѣній съ рѣшительною враждою къ ученому монашеству, которая отнюдь не ослабѣла и до настоящаго времени. Вслѣдствіе этого отчасти и создалось весьма своеобразное, далеко не желательное отношеніе скрытой, но упорной оппозиціи бѣлаго духовенства къ іерархіи, которое составляетъ печальную особенность жизни современной русской церкви. Правда, въ протасовскія времена, въ виду ли крайняго недостатка монашествующихъ или вліянія оберъ-прокурора этотъ принципъ монашеской монополіи сталъ иногда нарушаться.

Не смотря на благопріятно вліявшее на воспитанниковъ уменьшеніе значенія института старшихъ, на стремленіе начальства отъ грубыхъ мѣръ воздѣйствія переходить къ нравственному вліянію, поведеніе воспитанниковъ измѣнилось лишь немногимъ къ лучшему. Это зависѣло въ значительной части отъ потери начальствомъ авторитета и замѣчаемой и чувствуемой и самими воспитанниками оппозиціи къ порядкамъ, заводимымъ монашествующими педагогами. Сильно раздражало воспитанниковъ старательное удаленіе ихъ отъ непосредственнаго прикосновенія къ обществу и отъ всякихъ удовольствій. Въ 1855 г. для усиленія въ воспитанникахъ духа церковности было опредѣлено, чтобы всѣ воспитанники въ тѣ недѣли Великаго поста, когда остаются въ заведеніяхъ,

неопустительно посѣщали преждеосвященныя литургіи каждую среду и пятницу. Двумя годами позже было предписано не переводить въ богословскій классъ воспитанниковъ, замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ. Но ни та, ни другая мѣра не оказали желательныхъ результатовъ; въ шестидесятыхъ годахъ состояніе дисциплины и поведеніе учениковъ стало даже ухудшаться. Не принесла ощутительной пользы и послѣдовавшая въ началѣ 50 г.г. нормировка числа воспитанниковъ въ семинаріяхъ, сильно раздражившая духовенство тѣмъ, что среднія по способностямъ дѣти лишались ею возможности продолжать свое образованіе далѣе низшихъ классовъ училища.

Въ то же время сказался и другой недостатокъ устава 1808 г., также неисправленный новыми надстройками—это случайность и недостаточность непосредственнаго высшаго надзора за семинаріями — неправильная постановка ревизій членами академическихъ конференцій.

«Къ числу самыхъ важныхъ недостатковъ академическихъ ревизій нужно отнести, пишетъ проф. Знаменскій въ своей извѣстной исторіи Казанской Академіи, что онѣ слишкомъ были связаны временемъ. Академическій ревизоръ ѣздилъ на свою ревизію обыкновенно подъ конецъ учебнаго года, потому что въ учебное время, какъ профессоръ онъ былъ нуженъ для самой академіи; онъ имѣлъ поэтому очень мало времени для того, что бы обстоятельно вникнуть во всѣ подробности жизни ревизуемаго заведенія, особенно, когда долженъ былъ обревизовать не одну, а двѣ семинаріи съ училищами. Проэкзаменовавъ учениковъ, пройдясь по зданіямъ, просмотрѣвъ главные документы по правленію, инспекціи, экономіи, побесѣдовавъ немного съ начальствующими и учащими, онъ потомъ дѣлалъ кое-какія зависящія отъ него распоряженія объ устраненіи недостатковъ, наскоро имъ замѣченныхъ и спѣшилъ выѣхать или въ слѣдующую семинарію, или обратно въ академію: многаго, даже очень важнаго въ заведеніи

онъ не могъ и видѣть, напр., всего хода преподаванія, о достоинствахъ котораго только и могъ судить по экзаменамъ». При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для производства ревизіи ревизору нужно было имѣть очень много дѣловой опытности и проницательности для того, что бы составить хоть сколько нибудь удовлетворительный отчетъ о ревизуемомъ имъ заведеніи, не внося въ него опрометчивыхъ субъективныхъ взглядовъ.

Большая часть отчетовъ писалась кратко и сухо; едвали не главное свое вниманіе ревизоры обращали въ нихъ на то, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ служащихъ при заведеніи, особенно начальствующихъ лицъ, представленіями къ наградамъ. Такому характеру отчетовъ вполнѣ соотвѣтствовало и отношеніе къ нимъ академическаго начальства. «Любопытно, продолжаетъ профессоръ Знаменскій, что ректоры, привыкшіе практиковать свою власть во всѣхъ сферахъ академической жизни, переправляли иногда отчеты властною рукою по своему вкусу. Такъ въ 1852 г. ректоръ Парѳеній обраковалъ отчетъ по Вятской семинаріи инспектора Макарія, впрочемъ дѣйствительно мало даровитый. Въ 1856 г. ректоръ Агаѳангелъ заставилъ инспектора Ѳедора передѣлать отчетъ по ревизіи Симбирской семинаріи, въ которомъ благочестивый богословъ постарался провести свои основныя богословскія идеи и, напр., характеризуя учебную часть записалъ, что она вся была организована по Христу и что преподаваніе даже свѣтскихъ наукъ—производилось въ духѣ домостроительства заволеннаго отъ созданія міра Агнца Божія. Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ исчеркалъ отчетъ инспектора Филарета по ревизіи Пензенской семинаріи; по полямъ отчета имъ наставлены были разныя замѣчанія то противъ излишней строгости ревизорскихъ требованій, то противъ лишнихъ похвалъ нѣкоторымъ преподавателямъ. Отчетъ впрочемъ, добавляетъ авторитетный историкъ, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ дѣловой. Ревизоръ сдѣлалъ его орудіемъ для выраженія своихъ горя-

чихъ, то идеалистическихъ и утопическихъ, то обличительныхъ и отрицательныхъ взглядовъ на тогдашнее духовное образованіе. Въ 1856 г. встрѣчаемъ примѣръ рѣзкой критики ревизорскаго отчета и даже протеста противъ него со стороны самаго обревизованнаго заведенія: это объяснительное донесеніе Уфимской духовной семинаріи противъ отчета ревизовавшаго семинарію въ 1856 г. архимандрита Веніамина. (Знаменскій Исторія Казанской Духов. Академіи, г. Казань 1896 г. вып. I стр. 340—341).

Въ 1851 году состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Синода о преобразованіи духовныхъ училищъ. Училища приходскія и уѣздныя были соединены подъ названіемъ уѣздныхъ и по примѣру семинарій раздѣлены на три отдѣленія низшее, среднее и высшее, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Въ составъ курса введенъ новый предметъ русская исторія; переводъ въ семинаріи былъ ограниченъ «нормальнымъ» числомъ учениковъ. Для неуспѣвающихъ проектированъ причетническій классъ. Въ курсъ этого класса входили: пространный катихизисъ и священная исторія, церковный уставъ и краткое ученіе о богослужебныхъ принадлежностяхъ, обрядахъ и праздникахъ, церковное пѣніе, русскій и славянскій языки, чистописаніе и письмоводство, краткая русская исторія и географія, ариѳметика и оспопрививаніе.

IV. Работы Комитета 1859 г. и ихъ судьба.

Недовольство реформой гр. Протасова еще въ 1850 г.г. возбудило мысль о коренномъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Жаловались главнымъ образомъ на многосторонность и разнообразіе предметовъ, утомлявшихъ учениковъ. Состоявшееся въ 1858 г. Высочайшее повелѣніе объ исключеніи изъ семинарскаго курса геодезіи и ограниченіи естествен-

ныхъ наукъ, конечно только отчасти сократило, а не устранило вредную многопредметность. Сказывались также недостатки нравственнаго воспитанія и особенно экономическая забропленность духовно-учебныхъ заведеній при все возроставшей дороговизнѣ жизни. Но и сѣмена протасовской реформы, стремившейся приблизить наши духовно-учебныя заведенія къ чисто клерикальному типу католическому, все же легли на воспріимчивую почву. Митр. Григорій, написавшій особую записку о преобразованіи духовной школы, пошелъ въ своихъ проектахъ дальше Протасова; узко-профессіональный типъ школы онъ хотѣлъ довести до того, что бы ученики высшихъ классовъ ходили въ полурясахъ и камилавкахъ. Высказывались въ то же время предположенія и о томъ, чтобы допускать въ семинарію только давшихъ обязательство остаться въ духовномъ санѣ. Противъ такого наклона горячо протестовалъ Высокопреосвященный Филаретъ Московскій. «И къ чему это порабощеніе свободныхъ нынѣ, писалъ онъ, когда и несвободнымъ даютъ свободу? Ограничивъ себя людьми, вы стѣсняете для себя свободу выбора лучшихъ... И кто поручится, что иной объявится къ духовному званію но не окажется негоднымъ? *Невольникъ не богомольникъ.* Мнѣ кажется, говорилъ святитель, недостатокъ не столько въ уставѣ, сколько въ исполнителяхъ. Ректоры слабо смотрятъ за ученіемъ и поведеніемъ и архіереи недовольно ревностны. Нужнѣе поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы». Тѣмъ не менѣе преобразованіе митр. Филаретъ считалъ необходимымъ и въ возможно скорѣйшемъ времени. Для соображеній при пересмотрѣ уставовъ сочли нужнымъ имѣть свѣдѣнія о состояніи духовныхъ школъ во Франціи и на православномъ востокѣ.

Съ цѣлью предварительнаго выясненія основаній реформы были приглашены къ сообщенію своихъ мнѣній ректоры академій и семинарій. Въ 1859 г. изъ нихъ былъ сдѣланъ общій сводъ, для разсмотрѣнія котораго и выработ-

ки плана реформы и учрежденъ былъ особый Комитетъ. Комитету предоставлено было приглашать къ совѣщанію какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, и даже вызывать для сего кого нужно будетъ изъ епархій. Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ архіеп. Херсонскаго Димитрія (Муретова), изъ членовъ — ректор. Спб. академіи еп. Нектарія, Іоанникія (Руднева), прот.: Дебольскаго, Крупскаго, Полисадова и Богословскаго (послѣдній по особому Высочайшему повелѣнію) и свѣтскихъ членовъ Гаевскаго и Т. Филиппова, на послѣдняго было возложено дѣлопроизводство. Въ 1862 г. этимъ Комитетомъ былъ представленъ подробный журналъ и проектъ Устава; документы эти, почти полностію напечатанные и разосланные для обсужденія по епархіямъ, представляютъ любопытный историческій памятникъ, заключающій весьма много поучительнаго и для нашего времени.

По нравственной части согласно съ отзывами ректоровъ, препровожденными въ Комитетъ при особыхъ заключеніяхъ мѣстныхъ преосвященныхъ, было обращено вниманіе на крайнее пренебреженіе, въ которомъ находится воспитаніе въ духовной школѣ. Не видя добраго примѣра въ домахъ своихъ родителей, особенно загрубѣвшихъ подъ гнетомъ нищеты причетниковъ, ученики училища приносятъ съ собою зло и въ школу. Худшіе ученики, составляя дружныя шайки, пріобрѣтаютъ своею бойкостью и дерзостью преобладающее вліяніе на болѣе кроткихъ товарищей. Между тѣмъ, существующія средства нравственнаго надзора въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ до того недостаточны, что ими едва поддерживается одно внѣшнее благоприличіе въ поведеніи воспитанниковъ, а для вліянія на ихъ внутреннюю жизнь и сообщенія ей истинно нравственнаго направленія онѣ оказываются совершенно безсильными. Что бы положить начало новому порядку въ нравственной жизни духовно-учебныхъ заведеній, Комитетъ, подавъ мысль о необходимости улучшенія быта духовенства и открытія епархіальныхъ училищъ

для дѣвицъ духовнаго званія, постановилъ устраивать для воспитанниковъ общежитія, дозволяя жить на квартирахъ только родителей и родственниковъ. Стараясь ослабить то возраженіе противъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, что они отучаютъ отъ жизни, предсѣдатель Комитета указывалъ, что священнику дѣйствительно нужно знаніе свѣта и людей не изъ книгъ, а изъ жизни, не воображаемыхъ, а живыхъ; но пріобрѣтеніе такого знанія требуетъ разсудка достаточно развитаго, нравственнаго характера достаточно утвердившагося въ добрыхъ навыкахъ, способности не соблазняться при видѣ пороковъ и слабостей людскихъ. И было бы рискованно неопытнаго мальчика подвергать всѣмъ искушеніямъ и соблазнамъ вольной жизни. Учениковъ ненадежныхъ къ исправленію рѣшено было немедленно исключать. Въ цѣляхъ лучшаго воспитательнаго воздѣйствія предполагалось ввести институтъ комнатныхъ надзирателей» изъ младшихъ наставниковъ семинаріи, окончившихъ курсъ въ академіи, а для низшихъ классовъ и изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ семинаріи. Свѣтлый истинно-православный образъ мыслей, горящее искреннимъ благочестіемъ и любовью сердце, твердая въ добрыхъ навыкахъ воля, нѣжный и снисходительный, скромный и кроткій, но вмѣстѣ твердый и строгій (первѣе къ самому себѣ), истинно-молитвенное настроеніе» — вотъ какой долженъ быть характеръ комнатнаго надзирателя. Цѣль его служенія воспитать ввѣренныхъ каждому 25—30 воспитанниковъ въ духѣ строгаго благочестія. Помогая имъ въ приготовленіи уроковъ, руководя чтеніемъ, неотступно наблюдая за поведеніемъ, комнатный надзиратель долженъ, по словамъ инструкціи, пріучать ихъ «на все взирать окомъ вѣры, все обсуживать по правиламъ вѣры, о всемъ любомудрствовать по мѣрѣ вѣры». Комнатный надзиратель долженъ изучить наклонности и расположеніе каждаго своего воспитанника, а для этого нужно добиться полнаго довѣрія ласковымъ, откровеннымъ и дружелюбнымъ обращеніемъ. Посему

рѣшительно воспрещалось ему употреблять какія бы то ни было наказанія, дѣлать выговоры бранными словами со вспыльчивостью или язвительными насмѣшками, вообще обращаться грубо, высокомѣрно, насмѣшливо и «уничижительно». Исправлять нужно стараться одними кроткими отеческими и дружескими убѣжденіями. Въ случаѣ же ихъ тщетности донести инспектору. Надзиратель обязанъ возбуждать желаніе служить въ духовномъ санѣ, но при этомъ инструкція отмѣчала, что естественныя способности и склонности не должны быть насильно направляемы къ тому, къ чему онѣ негодны, а напротивъ, по возможности свободно развиваемы въ ихъ естественномъ направленіи. За этотъ тяжелый, отвѣтственный трудъ безотлучнаго пребыванія при воспитанникахъ вознагражденія надзирателямъ было положено всего 100 руб. въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ.

Далѣе, въ цѣляхъ религіознаго воспитанія Комитетъ полагалъ при каждой семинаріи устроить церковь съ ежедневнымъ богослуженіемъ, которое ученики послѣдняго класса посѣщаютъ ежедневно, а остальные кромѣ праздниковъ въ среду и пятницу; говѣть предполагалось обязать воспитанниковъ четыре раза въ годъ, для постояннаго пастырско-отеческаго наблюденія за развитіемъ учащихся, «наученія ихъ духовному бодрствованію надъ собою и мысленной брани и умной молитвы», рѣшено было учредить должность духовника, а въ большихъ семинаріяхъ—двухъ. Для той же цѣли было указано весь распорядокъ жизни семинаристовъ устроить такъ, что бы ихъ занятія не только начинались и кончались, но и перемежались благочестивыми упражненіями. Комнатный надзиратель долженъ былъ прочитывать имъ ежедневно дневное евангеліе и апостолъ съ объясненіями. Произнесеніе семинаристами проповѣдей въ своей церкви признано необходимымъ отмѣнить, ибо оно для слушающихъ учениковъ составляетъ предметъ не назиданія, а любопытства и въ говорящемъ можетъ возбудить неумѣстное самолюбіе, въ томъ и

другомъ случаѣ уничижается церковная каѳедра, къ которой учащіеся должны приготовляться съ благоговѣніемъ. Лучшія проповѣди учениковъ можно позволять произносить въ церквахъ на раннихъ литургіяхъ. Вмѣсто воспитанниковъ за каждой литургіей произносить слово одинъ изъ начальствующихъ.

Нѣкоторыми ректорами по части нравственнаго воспитанія указывалось на вредъ публичныхъ одобреній и похвалъ, развивающихъ лицемѣріе и внутреннюю гордость, и на желательность упраздненія разрядныхъ списковъ, какъ служащихъ предметомъ зависти и недоброжелательности между учениками. Ни та, ни другая мѣра Комитетомъ приняты не были. Обращалось вниманіе Комитета также на холодное и часто грубое отношеніе начальствующихъ и учащихъ къ ученикамъ, что вызываетъ въ послѣднихъ скрытность, лицемѣріе и унизительное раболѣпство, на недостатокъ образованія, вкуса и благоприличія и необходимость поучать учениковъ благоприличію въ поступкахъ, словахъ, движеніяхъ и всей внѣшности и не препятствовать имъ знакомиться съ людьми хорошаго общества, входить въ благородные дома, отвыкая тамъ отъ дикости и застѣнчивости. Недостатокъ приличныхъ развлеченій въ свободное отъ занятій время, по мнѣнію ректоровъ семинарій, можно было бы восполнить разрѣшеніемъ прогулокъ, гимнастическихъ упражненій, занятій музыкою, даже сценическихъ упражненій; говорилось о желательности возстановленія рекреацій. По всѣмъ этимъ послѣднимъ пунктамъ Комитетъ, сдѣлавъ общія указанія о желательности указанныхъ мѣропріятій, предоставилъ остальное попеченію и руководству мѣстныхъ начальствъ, только относительно сценическихъ представленій было замѣчено, что въ настоящее время драматическія произведенія чужды того духа, который долженъ господствовать въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и потому возобновленіе ихъ признано излишнимъ; возможно установить разъ или два въ мѣсяцъ литературныя чтенія. Наконецъ, указывая на недостатокъ однообразія въ

одеждѣ учениковъ, нѣкоторые архіереи желали одѣть ихъ въ полуряски. Послѣднее Комитетъ не нашелъ полезнымъ, но скорѣе вреднымъ, какъ поводъ къ новому ослушанію, къ пересудамъ, даже глумленію и кощунству со стороны общества.

По учебной части. Изъ 12-ти лѣтняго курса уѣздныхъ училищъ и семинарій первыя 8 лѣтъ Комитетъ предположилъ назначить на преподаваніе предметовъ общихъ приблизительно въ размѣрѣ гимназическаго курса, но съ нѣкоторыми отличіями; остальные четыре года посвятить богословскимъ предметамъ. Училище было предположено соединить въ одно заведеніе съ семинаріей, раздѣливъ 12 классовъ на три отдѣленія; низшее (для первоначальнаго приготовительнаго образованія), среднее (для образованія общаго) и высшее (для богословскаго), но окончаніи 8 классовъ ученики получаютъ аттестатъ и права окончившихъ гимназическій курсъ и свободный выходъ изъ заведенія. Въ высшее отдѣленіе переходятъ, такимъ образомъ только по призванію, «необходимому для честнаго прохожденія великаго служенія священства», а не по принужденію житейскихъ обстоятельствъ. Въ отношеніи круга преподаваемыхъ наукъ ректорами семинарій и преосвященными были высказаны пожеланія объ отмѣнѣ преподаванія естественныхъ наукъ, сельскаго хозяйства и медицины; впрочемъ въ пользу послѣдней было нѣсколько мнѣній. Изъ естественныхъ наукъ предположено было оставить физіологію, какъ основу естествовѣдѣнія и стоящую въ тѣсной связи съ психологіей. Значительныя сокращенія предполагалось сдѣлать въ группѣ математическихъ наукъ; расширивъ нѣсколько физику и физическую географію, изъ остальныхъ наукъ обязательною предположено сдѣлать только ариѳметику, а алгебру и геометрію, принадлежащія болѣе къ спеціальному образованію, предоставить желающимъ. Относительно богословскихъ наукъ многими ректорами было выражено мнѣніе, что нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣющія самостоятельнаго содержанія, должны быть соединены съ тѣми, отъ ко-

торыхъ заимствуютъ свое содержаніе. При такомъ соединеніи однородныхъ наукъ, пріобрѣтаемыя познанія получили-бы болѣе порядка и связи и само собою устранилось бы повтореніе однихъ и тѣхъ же свѣдѣній въ разныхъ наукахъ. Такъ содержаніе патрологіи совершенно естественно раздѣлится между церковной исторіей и догматикой, гомилетика соединилась бы съ словесностью; такими же не самостоятельными доктринами являются литургика, каноническое право, пастырское богословіе. Преподаваніе православнаго исповѣданія отмѣнить, какъ повторяющее катихизисъ. Комитетъ изъявилъ согласіе только на отмѣну «православнаго исповѣданія», въ остальномъ согласился не съ большинствомъ, а лишь съ нѣкоторыми отдѣльными отзывами и оставилъ прежнюю раздробленность наукъ; хотя три члена Т. И. Филипповъ, прот. Дебольскій и Богословскій высказались за соединеніе гомилетики съ словесностью. Для церковнаго краснорѣчія, полагали они, полезнѣе сближаться съ другими родами словесности и заимствовать отъ нихъ привличныя красоты, нежели уединяться отъ естественнаго сродства.

Много цѣнныхъ и оригинальныхъ положеній выражено относительно преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Ни одинъ предметъ не преподается въ семинаріи такъ неудовлетворительно, какъ Св. Писаніе; на изученіе его опредѣляется несоразмѣрно малое количество времени, а потому самое чтеніе состоитъ въ отрывочномъ толкованіи произвольно-избранныхъ мѣстъ, такъ что о изученіи какой либо части Ветхаго или Новаго Завѣта въ непрерывной связи въ семинаріи не имѣютъ понятія. Надлежало бы требовать, что бы наставники прочитывали все Писаніе, хотя съ краткимъ объясненіемъ, но по совершенной невозможности исполнить это Комитетъ ограничился требованіемъ сообщенія свѣдѣній о каждой книгѣ и чтеніемъ лишь важнѣйшихъ книгъ, а въ остальныхъ важнѣйшихъ мѣстъ. Какъ на вспомогательное средство для изученія Св. Писанія, Комитетъ указывалъ на на-

стоятельную потребность въ изданіи толковой Библіи, которая была бы полезна для всего православнаго народа. Точно также, говоря о каноническомъ правѣ, Комитетъ видѣлъ необходимость въ выдачѣ каждому священнику «Книги Правилъ», напечатавъ ее въ болѣе удобномъ и для справочнаго употребленія приспособленномъ видѣ, а также Устава Духов. Консисторій и инструкціи благочинныхъ. Обличительное богословіе, вопреки мнѣнію многихъ, указывавшихъ на желательность соединенія его съ догматикой, оставлено особымъ предметомъ и ограничено опроверженіемъ папизма и лютеранства.

Библейская исторія въ теченіе курса проходится трижды (начатки христіанскаго ученія, священная исторія—въ училищѣ и библейская въ семинаріи). Это тройное изученіе одного предмета, какъ показываетъ опытъ не приноситъ пользы, такъ какъ во всѣхъ трехъ видахъ она проходится очень поспѣшно. По мнѣнію Комитета совершенно достаточно преподать ее однажды, въ низшихъ классахъ. Изъ философскихъ наукъ кромѣ логики и психологіи рѣшено преподавать метафизику и критическій обзоръ главныхъ философскихъ системъ; эти предметы способствуютъ развитію мыслительной способности и болѣе основательному обсужденію вопросовъ и даютъ устойчивость противъ могущихъ встрѣтиться своевольныхъ теорій и идей. Словесность признавалась важной не какъ наука (?), а какъ средство научить гибкому изложенію мыслей. Всеобщая исторія должна искать въ исторіи слѣдовъ провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ. Латинскій и греческій языки рѣшено было не только удержать въ программѣ, но и усилить, согласно съ мнѣніемъ лучшихъ педагоговъ Европы. Впрочемъ количество уроковъ было отведено скромное—преподаваніе каждаго было ограничено 13 недѣльными уроками, считая училище и семинарію вмѣстѣ; еврейскій языкъ удержанъ въ программѣ, одинъ изъ новыхъ языковъ сдѣланъ обязательнымъ, начинать же изу-

ченіе того и другого признано болѣе цѣлесообразнымъ съ младшихъ классовъ (училища).

Говоря о методахъ преподаванія, Комитетъ осуждалъ чтеніе академическихъ лекцій, которыя не по силамъ ученикамъ, и механическое заучиваніе уроковъ, препятствующее развитію умственныхъ способностей; сверхъ того и память недолго удерживаетъ то, что она воспринимаетъ безъ помощи разсудка. За домашнимъ чтеніемъ учениковъ преподаватели не слѣдятъ, степень пониманія прочитаннаго не провѣряютъ; наконецъ самыя сочиненія оставляютъ часто безъ надлежащаго исправленія и критическаго разбора. темы даются отвлеченныя, мало доступныя. На всѣ эти недочеты Комитетъ обратилъ вниманіе преподавателей. Въ виду крайняго недостатка подходящихъ учебныхъ руководствъ, рѣшено было приступить къ составленію учебниковъ и подробныхъ программъ, а такъ какъ одно дѣло нельзя дѣлать 4 академическимъ конференціямъ, то образовать для сего особый ученый Комитетъ, который и пригласитъ къ составленію учебниковъ наставниковъ академій и семинарій. Въ тѣхъ же цѣляхъ облегченія преподавателей признано необходимымъ снабдить библіотеки большимъ количествомъ пособій и составить каталогъ избранныхъ сочиненій по всѣмъ предметамъ. Признавая недостаточность надзора за ходомъ преподаванія одного ректора, указанія котораго при многосложности его занятій, по необходимости отрывочны, а иногда не соотвѣтствуютъ опытнымъ и справедливымъ указаніямъ наставниковъ; а также имѣя въ виду, что взаимный обмѣнъ мыслей и опытныхъ наблюденій между наставниками и «единодумныя» соглашенія въ способѣ педагогическаго дѣйствованія на учениковъ есть необходимое условіе истиннаго успѣха, Комитетъ предположилъ учредить особые педагогическіе совѣты подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора и старшихъ наставниковъ и 3—4 лицъ изъ почетныхъ членовъ духовенства, съ тою же приблизительно компетенціей, какою обладаютъ

нынѣшнія педагогическія собранія. Мнѣніе о безполезности двухкратныхъ въ теченіе года испытаній, высказанное нѣкоторыми архіереями, Комитетомъ принято не было; причемъ установлена 10-бальная система отмѣтокъ.

Обращено вниманіе на непормальность распредѣленія учителей не по роду предметовъ, а по отдѣленіямъ. Наставники, занятые множествомъ предметовъ, не успѣваютъ ни въ одномъ изъ нихъ достаточно усовершенствоваться, обыкновенно отдаютъ предпочтеніе одному, двумъ предметамъ, а чрезъ это нарушается равновѣсіе преподаванія. Каждому преподавателю долженъ быть порученъ одинъ предметъ или два сродныхъ во всѣхъ классахъ, гдѣ они положены по росписанію. Признано было также неудобство слишкомъ утомительныхъ для учениковъ двухъ-часовыхъ уроковъ, неудобство и даже вредъ для здоровья особенно для квартирныхъ воспитанниковъ ходить на послѣобѣденные часы. Было замѣчено и то, что умственныя занятія послѣ обѣда вообще запрещаются гигіеной. Поэтому продолжительность урока для 8 классовъ была установлена въ $1^1/_4$, а для послѣднихъ 4 въ $1^1/_2$ часа, въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнился и весь порядокъ учебнаго дня. Было признано также неудобство и двухлѣтняго курса. Накопляется къ переходному экзамену слишкомъ много предметовъ; для неуспѣвающихъ, которымъ приходится оставаться еще на два года, срокъ исправленія слишкомъ дологъ, они обычно теряютъ бодрость и бросаютъ занятія. Поэтому, Комитетъ рѣшилъ вмѣсто отдѣленій раздѣлить семинарію на классы и обученіе въ каждомъ классѣ производить по одному году. Для успѣшнаго преподаванія необходимо какъ можно ближе познакомиться съ способностями, а равно и знаніями каждаго изъ нихъ, но этого нельзя достигнуть не только при 100, но и при 70 ученикахъ въ классѣ. Но Комитетъ, устрашившись большого числа новыхъ преподавателей, рѣшилъ допустить въ классъ всеже 80 человѣкъ, а по предметамъ, по которымъ пишутся сочиненія, 60.

Обращая вниманіе на положеніе училищъ, Комитетъ отмѣтилъ несостоятельность попытки сдѣлать изъ нихъ самостоятельныя заведенія. Совмѣщеніе двухъ цѣлей—(и приготовленія къ семинаріи и окончательнаго въ нѣкоторой степени образованія) произвело то, что въ нихъ преподаются многіе предметы, совершенно ненужные для той или другой цѣли. Напримѣръ, для образованія причетниковъ нѣтъ никакой надобности заставлять учиться греческому или латинскому языку, на что въ училищѣ употребляется половина всего времени. Для приготовленія къ слушанію семинарскаго курса не нужно и безполезно изучать въ краткомъ видѣ тѣ науки, которыя онъ будетъ изучать въ семинаріи въ полномъ объемѣ. При отдѣльности училищъ отъ семинаріи воспитанникъ изучаетъ въ продолженіи всего курса нѣкоторыя науки не только два, но и три раза, напр. священную исторію.

По административной части. Вниманіе Комитета было обращено на недостаточную подготовку академіями преподавателей; при опредѣленіи на должности не обращается при томъ вниманія на личныя свойства и расположеніе; ректоры назначаются по вниманію къ однимъ только ученымъ преимуществамъ, а не административнымъ способностямъ, а инспектора семинарій и смотрители училищъ часто прямо съ ученической скамьи. Не мало невыгодъ заключается и въ назначеніи на административныя мѣста свѣтскихъ лицъ. Для устраненія перваго недостатка Комитетъ постановилъ: раздѣлить академическій курсъ на группы сродныхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы каждый студентъ спеціализировался въ опредѣленныхъ предметахъ и по окончаніи курса держалъ кромѣ общаго, особый наставническій экзаменъ, и ввести въ курсъ академіи педагогику, какъ науку необходимую для предназначающихся въ преподаватели. По остальнымъ пунктамъ сдѣланы общія указанія: ректоровъ назначать не по однимъ только ученымъ достоинствамъ, на должность смотрителей и

инспекторовъ отнюдь не назначать людей молодыхъ, и назначать по преимуществу людей духовнаго сана. Мѣстныя епархіальныя начальства указывали на неудобства, происходящія отъ частыхъ перемѣщеній начальствующихъ лицъ и отъ того, что семинаріи остаются безъ ректоровъ во время вызова послѣднихъ въ С.-Петербургъ на чреду служенія. Частые переводы служатъ къ тому, что начальствующія лица обыкновенно считаютъ свою училищную службу отнюдь не главною цѣлью своего призванія, а только средствомъ къ достиженію высшихъ званій. По данному пункту Комитетъ ограничился только общими пожеланіями и предоставленіемъ мѣстнымъ преосвященнымъ права рекомендовать своихъ кандидатовъ на административные посты, а равно ежегодно представлять въ Сунодъ объ имѣющихся въ епархіи лицахъ по своимъ качествамъ и способностямъ способныхъ занять административныя должности. Вызываемыхъ на чреду служенія рѣшено считать увольняемыми отъ ректорскихъ должностей. Было указано Комитету и на неудобства, связанныя съ замѣщеніемъ начальниками и наставниками семинарій посторонними должностей, такъ ректоръ часто бываетъ въ то же время и наставникомъ семинаріи, и членомъ консисторіи, и настоятелемъ монастыря, и иногда еще благочиннымъ монастырей. Комитетомъ были сдѣланы замѣчанія только относительно нежелательности совмѣстительства преподавателями должности приходскихъ священниковъ, совмѣстительство же ректоромъ всѣхъ указанныхъ должностей Комитетъ путемъ длиннаго ряда афоризмовъ старался показать полезнымъ.

Болѣе внимательно отнесся Комитетъ къ вопросу о напрасномъ увеличеніи канцелярской переписки и отмѣтилъ цѣлый рядъ ненужныхъ донесеній, вѣдомостей. Въ связи съ этимъ вопросомъ Комитетъ, поднялъ общій вопросъ о желательномъ характерѣ организаціи высшаго управленія духовно-учебными заведеніями. Умноженіе переписки, разсуждалъ Комитетъ, зависитъ отъ сложности управленія. Нынѣ епар-

хіальныя духовно-учебныя заведенія состоятъ подъ управленіемъ пяти властей: Епархіальныхъ архіереевъ, окружныхъ академическихъ правленій, Духовно-Учебнаго Управленія, г. Оберъ-прокурора и самого Св. Сунода. Отъ многоначалія происходитъ медленность и запутанность. Всякое представленіе должно пройти нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ въ каждой, по обыкновенному обряду канцелярскому, должно пробыть по нѣскольку не дней, а недѣль. Епархіальные архіереи устранены отъ семинарій дѣйствіями другихъ властей, а между тѣмъ отъ благоустройства семинаріи зависитъ рѣшительнымъ образомъ умственное и нравственное состояніе духовенства епархіи. Власть академическихъ правленій по первоначальному уставу была обширна, но теченіемъ времени, вслѣдствіе необходимости единства и однообразія въ управленіи всѣми семинаріями, стѣснялась. Въ настоящее время академическія правленія, не разрѣшая ничего своею властью, сдѣлались передаточной инстанціей между семинарскими правленіями и высшимъ начальствомъ; дѣятельность болѣе чѣмъ безполезная. Осталось правда одно дѣло, — производство ревизій, но по способу производства оно не приноситъ пользы, какой надлежало бы ожидать: ревизіи эти рѣдки, производятся въ короткіе сроки; на ревизію каждой семинаріи удѣляется отнюдь не болѣе недѣли. Въ эту недѣлю ревизоръ долженъ проэкзаменовать 500 или больше учениковъ, по всѣмъ многочисленнымъ предметамъ, прочитать столько же задачъ, чтобы составить потомъ разрядные списки, назначить къ выпуску, къ переводу, къ исключенію. Сверхъ этого труда ревизоръ долженъ еще обозрѣть ходъ управленія семинаріи за нѣсколько лѣтъ по дѣламъ правленія; осмотрѣть экономію, обсудить дѣятельность начальствующихъ и наставниковъ. При такихъ условіяхъ, можетъ ли ревизія не быть поверхностной при всемъ усердіи ревизора. Дѣятельность Духовно-Учебнаго Управленія состоитъ преимущественно въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и въ дѣлахъ о перемѣнахъ лицъ,

служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно ничего не рѣшаетъ само, а представляетъ Св. Суноду или Оберъ-прокурору и исполняетъ ихъ рѣшенія; а главная и самая тяжелая работа по руководству духовно-учебной частью—обсужденіе программъ, оцѣнка руководствъ, разсмотрѣніе книгъ—лежитъ на Св. Сунодѣ; но Св. Сунодъ по многосложности своихъ дѣлъ и по обремененности его членовъ дѣлами епархіальными, не имѣетъ никакой возможности заниматься симъ дѣломъ съ тѣмъ вниманіемъ, постоянствомъ и безостановочнымъ стремленіемъ къ усовершенствованію, какихъ требуетъ нужда. Если хозяйственная часть перейдетъ въ вѣдѣніе Хозяйственнаго Управленія, то на долю Духовно-Учебнаго Управленія останутся только дѣла по перемѣнамъ по службѣ; но въ этомъ случаѣ лишняя инстанція не помощь, а помѣха дѣлу. Теперь по каждому предмету ведется два дѣла—одно въ Духовно-Учебномъ Управленіи, другое въ Канцеляріи Св. Сунода, а во многихъ случаяхъ и третье—въ Канцеляріи г. Оберъ-прокурора. Кругъ дѣлъ по духовно-учебной части, предоставляемыхъ г. оберъ-прокурору, такъ невеликъ, что изъ-за него не стоитъ учреждать особую инстанцію. Вообще должность г. Оберъ-прокурора имѣетъ свое особое значеніе по всѣмъ частямъ синодальнаго управленія, и нѣтъ никакой надобности вмѣшивать ее какимъ-либо образомъ преимущественно въ одну какую-нибудь часть, въ такомъ случаѣ она всегда будетъ болѣе помѣхой, нежели пособіемъ дѣлу.

Въ виду вышеизложеннаго Комитетъ предполагалъ, для ревизіи духовно-учебныхъ заведеній учредить инспекторовъ духовно-учебныхъ округовъ, которые могли бы производить ревизіи въ продолженіи всего года неторопливо, и упростить весь ходъ управленія учебнымъ дѣломъ. Инспекторъ округа избирается академической конференціей изъ лучшихъ ректоровъ и состоитъ членомъ академической конференціи. За каждое полугодіе онъ представляетъ подробный отчетъ. Въ теченіе года онъ долженъ осмотрѣть всѣ семинаріи округа, изъятіе

можетъ быть допущено только для инспекторовъ Кіевскаго и Казанскаго округовъ, первому въ отношеніи Кавказа, второму— Сибири. Духовно-учебныя заведенія должны быть подчинены непосредственному надзору и власти епархіальнаго архіерея, Окружныя академическія правленія упразднить, Духовно-Учебное Управленіе, по освобожденіи его отъ хозяйственныхъ распоряженій преобразовать въ Учебный Комитетъ при Св. Сунодѣ, который составится изъ лицъ, извѣстныхъ по своей учености, примѣрно изъ 6 духовныхъ и 4 свѣтскихъ персонъ; предметомъ его занятій будетъ вообще наблюденіе за ходомъ умственнаго и нравственнаго образованія духовнаго юношества, поощреніе и распространеніе духовнаго просвѣщенія—разсматриваніе программъ, учебныхъ руководствъ, Комитетъ цензуруетъ духовныя изданія, диссертаціи на ученыя степени, опредѣляетъ наставниковъ и слѣдитъ за ихъ дѣятельностью, имѣетъ бдительный надзоръ за успѣхами и поведеніемъ учениковъ, посылаетъ для обозрѣнія какого-либо заведенія своихъ членовъ, поощряетъ распространеніе просвѣщенія въ духовенствѣ, издавая полезныя для сего изданія, собираетъ свѣдѣнія о составленіи назидательныхъ книгъ для народа. Для соблюденія единства въ дѣйствіяхъ и направленіяхъ къ единодушію согласно видамъ Св. Сунода необходимо, что бы Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Св. Сунода. Такой предсѣдатель служилъ бы живой связью Учебнаго Комитета съ Св. Сунодомъ и могъ бы при слушаніи дѣлъ, касающихся духовно-учебной части, представлять словесно нужныя поясненія.

По хозяйственной части. Улучшеніе содержанія наставниковъ и учащихся Комитетъ призналъ вопросомъ первой важности, безъ него нельзя и думать объ усовершенствованіи ни учебной, ни нравственной части въ семинаріяхъ. Скудость средствъ заставляетъ терпѣть плохихъ учителей и смотрѣть на преподавательскія мѣста, какъ переходныя; въ ученикахъ она вызываетъ недовольство и пренебреженіе къ своему зва-

нію и обязанностямъ его, она побуждаетъ мальчика смотрѣть на начальника, какъ на недоброжелателя, который заставляетъ его терпѣть холодъ и голодъ. И здѣсь то корень того глухого недовольства и сильнаго ропота на свое начальство, который слышится въ духовномъ сословіи. Согласно съ общимъ голосомъ преосвященныхъ и ректоровъ, Комитетъ постановилъ: оклады семинарскихъ наставниковъ возвысить сообразно съ штатами Министерства Народнаго Просвѣщенія, причемъ раздѣлить наставниковъ на старшихъ, выслужившихъ не менѣе 6 лѣтъ и избранныхъ педагогическимъ совѣтомъ, и младшихъ, и постепенно прибавлять жалованье: послѣ 10 лѣтъ службы—$^1/_4$ оклада, послѣ 15 лѣтъ—$^1/_2$, послѣ послѣ 20—$^3/_4$ оклада, послѣ 25 лѣтъ, если наставникъ будетъ признанъ полезнымъ, выдавать двойной окладъ. Далѣе было обращено вниманіе на недостаточность суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе учениковъ, на тѣсноту помѣщеній, на неудовлетворительное состояніе семинарскихъ больницъ. Не видя средствъ для восполненія всѣхъ этихъ недочетовъ и не ожидая существеннаго пособія отъ Государственнаго Казначейства, Комитетъ рѣшилъ: предоставить самимъ епархіямъ содержать необходимыя для нихъ духовно-учебныя заведенія. Къ такому рѣшенію Комитетъ побудилъ твердо установленный на основаніи статистическихъ соображеній и выкладокъ фактъ утайки многими епархіями части свѣчныхъ доходовъ и неисправнаго ихъ собиранія,—Комитетъ справедливо полагалъ, что видя нужду въ воспитаніи дѣтей и сознавая, что средства для этого зависятъ отъ собственнаго усердія, духовенство изыщетъ мѣры къ увеличенію свѣчного дохода. За собою Сунодъ оставлялъ только надзоръ и контроль за содержаніемъ духовно-учебныхъ заведеній при посредствѣ смѣтъ и годовыхъ бюджетовъ, отчетовъ и ревизій на мѣстѣ. Законъ о предоставленіи въ исключительную собственность церкви продажи церковныхъ свѣчъ, съ Высочайшаго соизволенія, долженъ быть возстановленъ во

всей силѣ. Проценты же съ духовно-учебныхъ капиталовъ должны идти на пособія недостаточнымъ епархіямъ, на экстраординарные расходы и на содержаніе центральныхъ учрежденій вѣдомства.

Въ дополненіе къ изложеннымъ соображеніямъ объ усовершеніи духовныхъ школъ, Комитетъ представилъ подробный докладъ о необходимости назначенія окончившихъ курсъ семинаріи, въ цѣляхъ подготовленія къ священству, на мѣста псаломщиковъ. «Обычай прямо производить по окончаніи курса во священники породилъ не мало зла—продолжительное праздношатательство окончившихъ въ ожиданіи священническихъ мѣстъ. Гдѣ они живутъ, что дѣлаютъ,—начальству вовсе неизвѣстно». Другое зло отъ такого порядка въ томъ, что окончившіе курсъ, считая священство своимъ неотъемлемымъ правомъ, съ презрѣніемъ смотрятъ на служеніе причетническое, стыдятся даже стать на клиросъ. На служеніи причетническомъ и діаконскомъ окончившіе курсъ пріобрѣтали бы и необходимую опытность, которой не можетъ сообщить имъ школа; для священника такіе причетники были бы добрыми помощниками въ проповѣданіи слова Божія и въ обученіи дѣтей въ школѣ. Нельзя умолчать и о томъ, что самое исправленіе причетнической должности, по составу нашего богослуженія, требуетъ человѣка смышленаго и образованнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ представляется необходимость нѣсколько возвысить и самое правовое положеніе псаломщиковъ.

Въ приложенныхъ къ журналу проектахъ устава есть нѣкоторые новые оттѣнки, развивающіе основныя положенія. Такъ, здѣсь преподавателю предписывается даже всѣ свѣтскія науки освѣщать свѣтомъ вѣры и отнюдь не сообщать теорій, несогласныхъ съ истиною слова Божія. По административной части право обжалованія архіерейскихъ резолюцій отнято у правленій. Грубое отношеніе и всѣ вообще наказанія, кромѣ словесныхъ выговоровъ, преподавате-

лямъ воспрещаются. Духовно-нравственное воспитаніе, которое въ теченіе всего курса ведется въ строго-монастырскомъ направленіи, совѣтуется по окончаніи курса завершать въ общежительныхъ монастыряхъ, подъ руководствомъ духовныхъ старцевъ. Желающіе обучаться въ семинаріи принимаются во всѣ классы до 8 включительно, безъ различія сословія, но не иначе, какъ по экзамену. Но для тѣхъ, кто въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ не изучалъ древнихъ языковъ, во вниманіе къ ихъ религіозно-нравственному настроенію, предположено было сдѣлать снисхожденіе съ тѣмъ, чтобы, продолжая обученіе въ семинаріи, они постарались изучить хотя одинъ греческій языкъ. Распредѣленіе уроковъ по классамъ было сдѣлано слѣдующее:

Классы I—IV.

	I.	II.	III.	IV.
Священная исторія.	3	2	1	1
Катихизисъ.	1	1	3	3
Церковный уставъ	2	1	1	1
Пѣніе.	2	2	1	1
Русскій и славянскій языки . .	3	2	3	3
Ариѳметика	2	2	2	2
Географія	2	2	2	2
Всеобщая исторія	—	2	2	2
Чистописаніе и черченіе . . .	3	1	1	1
Греческій языкъ.	2	2	2	2
Латинскій языкъ	2	2	2	2
Новый языкъ по выбору . . .	—	2	2	2
Итого. . .	22	21	22	22

Классы V—VIII.

	V.	VI.	VII.	VIII.
Священное Писаніе	2	2	2	3
Церковная исторія	2	2	2	3
Словесность	3	3	2	2

Всеобщая и русская исторія . .	2	2	2	2
Физика и физич. географія . .	2	3	2	1
Логика	2	1	2	—
Метафизика	—	—	—	2
Психологія и физіологія . . .	—	3	3	3
Греческій языкъ.	2	1	1	1
Латинскій языкъ	2	1	1	1
Новый языкъ.	2	2	2	1
Еврейскій языкъ и библ. древн.	2	2	2	2
Итого . . .	21	22	21	21

Классы IX—XII.

	IX.	X.	XI.	XII.
Священное Писаніе.	2	2	—	—
Церковная исторія	2	1	—	—
Метафизика и обз. филос. системъ .	3	—	—	—
Основное богословіе.	2	—	—	—
Догматическое богословіе . . .	2	2	1	—
Гомилетика и патристика . . .	4	3	3	2
Нравственное богословіе . . .	—	3	2	—
Литургика.	—	2	2	—
Каноническое право.	—	2	2	1
Пастырское богословіе	—	—	2	2
Обличительное богословіе . . .	—	—	2	1
Ученіе о раск. въ русск. Церк.	—	—	2	2
Еврейскій языкъ.	1	1	—	—
Пасхалія	—	—	—	1
Педагогика	—	—	—	3
Итого . . .	16	16	16	12

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого въ высшей степени оригинальнаго проекта, слѣдуетъ различать въ немъ двѣ стороны,— одну—вопросы администраціи и общаго руководства по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ. Въ этой части

проектъ даетъ серьезныя, глубоко продуманныя мысли, остроумную и мѣткую критику statu quo. Другая сторона проекта это вопросы ближайшаго приложенія намѣченныхъ принциповъ къ дѣйствительности—здѣсь въ большинствѣ случаевъ или скучное резонерство (имъ переполненъ весь проектъ Устава и отчасти объяснит. записки къ программамъ) или мѣры неудачныя, не цѣлесообразныя. Порою не предусмотрѣны самыя простыя истины, хотя бы напримѣръ то, что выдавать аттестатъ зрѣлости послѣ 8 класса, оставляя впереди цѣлыхъ четыре года спеціальныхъ (тотъ же университетскій курсъ) и въ перспективѣ должность причетника, которою семинаристъ привыкъ брезгать,—это значитъ осудить спеціальные классы на пустоту. Мы согласны, что и та и другая мѣры полезны, необходимы (первая особенно), но проводить ихъ заразъ въ такой комбинаціи по меньшей мѣрѣ не тактично. Распредѣленіе уроковъ по классамъ положительно представляетъ образецъ того, какъ не слѣдуетъ этого дѣлать. Курсы отдѣльныхъ предметовъ какъ бы нарочно для того, чтобы ихъ легче забыть, искусственно растягиваются на большее количество классовъ. На русскій со славянскимъ языкомъ, (причемъ еще на изученіе послѣдняго обращено особенное вниманіе) назначено всего 11 ур., на древніе языки по 13, и тоже количество на новый несравненно болѣе простой по структурѣ; на Священ. Писаніе Вет. и Новаго Завѣта всего положено 13 уроковъ (!), а между тѣмъ на одну логику—5 урок., на психологію (причемъ преподаваніе ея начато со 2 класса семинаріи) и физіологію—9; спеціальнобогословскіе классы оставлены совсѣмъ безъ церковнаго пѣнія, на основное богословіе положено всего два урока (не надо забывать, что реформа совпадала съ господствомъ матеріализма и безбожія), на ученіе о расколѣ и сектахъ—4, а на гомилетику и патристику — 12 ур. Богословскій курсъ даже при томъ несоразмѣрно большомъ количествѣ уроковъ, которое намѣчено на нѣкоторые богословскіе предметы въ

проектѣ, растянутъ на четыре года безъ всякой необходимости.

По самую слабую сторону проекта составляла постановка нравственно-религіознаго воспитанія; совсѣмъ не считаясь ни съ тѣмъ, что первые классы представляютъ собственно общеобразовательное заведеніе съ открытымъ выходомъ, ни вообще съ жаждою до жизни натурою юности, здѣсь былъ введенъ по примѣру халкинской школы и малой Парижской семинаріи, объ устройствѣ которыхъ только и были доставлены свѣдѣнія, строго монастырскій режимъ. Эта сторона проекта вызвала всеобщія нареканія. Указывали на то, что сами члены Комитета не согласны съ проектомъ,—что онъ дѣло предсѣдателя и ректора СПБ-й академіи. Дѣйствительно, член. Комитета Гаевскимъ и особенно Т. Филипповымъ были представлены серьезныя возраженія на проектъ. Гаевскій слабую сторону проекта видѣлъ въ двойственной цѣли семинаріи; выходъ изъ 8 класса будетъ поощрять отливъ въ свѣтское званіе тѣмъ болѣе, что послѣ четырехлѣтняго богословскаго курса семинаристу предстоитъ незавидная доля. Если передать содержаніе семинарій епархіямъ — то въ однѣхъ—богатыхъ епархіяхъ штаты будутъ увеличены въ сравненіи съ настоящими, въ другихъ—уменьшены.

Т. П. Филипповъ въ своемъ особомъ мнѣніи подробно разбираетъ проектъ. Онъ прежде всего указываетъ на невозможность найти 2000 высоко нравственныхъ и горящихъ духомъ комнатныхъ надзирателей (да еще при условіи добавимъ безотлучнаго пребыванія при ученикахъ за 100 руб. годового вознагражденія). Особыя средства къ развитію благочестія въ воспитанникахъ, предложенные Комитетомъ, Т. П. Филипповъ находитъ неудобными и излишними — особенно вмѣшательство епархіальной власти въ дѣло воспитанія дѣтей родителями и предписаніе освѣщать свѣтомъ вѣры православной всѣ семинарскія науки. Относительно послѣдняго требованія, заимствованнаго изъ уставовъ іезуитовъ, Т. П.

Филиппов замѣчаетъ, что оно во многихъ случаяхъ неисполнимо. Не только математика не можетъ быть поставлена въ подчиненіе богословскимъ истинамъ, но и исторіи придать такой характеръ совершенно невозможно, не исказивъ прямого смысла событій и не наполнивъ учебника скучнымъ пустословіемъ, вреднымъ для науки и даже для самой религіозной истины, которая имѣетъ за себя множество самыхъ прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ и не можетъ нуждаться въ пособіи какихъ нибудь ученыхъ натяжекъ. Такая услуга истинѣ вѣры, какъ всякая pia fraus, вовсе не нужна и ея недостойна; нельзя умолчать и о томъ уваженіи къ свободѣ науки, которую нарушать честный преподаватель не долженъ ни для какой цѣли... Вообще же въ дѣлѣ развитія благочестиваго расположенія въ воспитанникахъ нужно наблюдать большую осмотрительность, чтобы благоразумно сообразоваться въ воспитательныхъ пріемахъ со степенью собственнаго свободнаго расположенія воспитанника и не напрягать излишне молодой души. Обыкновеннымъ послѣдствіемъ такихъ неумѣренныхъ напряженій бываетъ общее разслабленіе души, отвращеніе отъ самыхъ легкихъ упражненій благочестія и мрачное уныніе. Лучше ограничиться прочнымъ и вѣрнымъ развитіемъ въ воспитанникахъ обыкновенныхъ честныхъ свойствъ, отвращенія отъ лжи, состраданія къ чужой бѣдѣ, искренности въ отношеніи къ товарищамъ.

Отъ назначенія духовника и его вліянія Т. И. Филиппов также не ждалъ большой пользы, наоборотъ, предвидѣлъ возможность того, что будучи мало знакомъ съ обыкновенными педагогическими требованіями и примѣнивъ къ учебному заведенію порядокъ воспитанія монастырскаго, онъ нарушитъ правильность и постепенность въ развитіи нравственной жизни воспитанниковъ. Въ принимавшихся мѣрахъ возстановленія внѣшняго благочестія Т. И. видѣлъ опасность развитія среди учениковъ лицемѣрнаго благочестія, а между тѣмъ недостатокъ «проницательнаго разсмотрѣнія дѣйствительныхъ

побужденій, коими воспитанники руководствуются въ своемъ усердіи, и неразсудительное поощреніе подъ наружнымъ видомъ благочестія скрывающейся своекорыстной лжи разрушительно дѣйствуетъ на общее настроеніе духовныхъ заведеній; презрѣніе къ цѣли лицемѣровъ невольно распространяется и на тѣ дѣйствія ихъ, которыя сами по себѣ достойны уваженія». По учебной части Т. И. Филипповъ указываетъ, что устранивъ отчасти пестроту и разнородность предметовъ, Комитетъ не устраняетъ другого недостатка—ихъ многочисленности и предлагаетъ нѣкоторые предметы соединить, другіе устранить (психологію, физіологію, еврейскій яз.). Алгебру и геометрію, изгнанныя Комитетомъ изъ числа обязательныхъ предметовъ, Т. И. Филипповъ защищаетъ какъ необходимыя для общаго развитія. По административной части авторъ особаго мнѣнія замѣчаетъ, что «существующее узаконеніе о назначеніи ректоровъ семинаріи изъ архимандритовъ или протоіереевъ возобладавшимъ обычаемъ измѣнено въ пользу архимандритовъ и въ ущербъ протоіереевъ и, должно прибавить,—самаго дѣла». Для правленій семинарій и педагогическихъ совѣтовъ авторъ желаетъ извѣстной доли независимости отъ епархіальной власти, такъ что разсужденіе несогласій между этими учрежденіями и мѣстнымъ архіереемъ слѣдуетъ предоставлять Духовно-Учебному Управленію въ его новомъ составѣ (Учебному Комитету). Т. И. Филиппова удивляетъ то, что причина мертвенности и бездѣйствія въ жизни духовно-учебныхъ заведеній приписывались стѣсненію архіерейскихъ полномочій надъ ними. «Семинарія управляется правленіемъ подъ главнымъ вѣдомствомъ епархіальнаго архіерея. Чего же болѣе желать? Развѣ трудно архіерею достигнуть удаленія изъ подвѣдомой ему семинаріи не только какого-нибудь наставника, но даже самого ректора? Въ настоящее время для достиженія этой цѣли нужно представить достаточныя основанія. Но неужели это дурной порядокъ, что самовластію полагаются нѣкоторые предѣлы. Если и дѣйстви-

тельно власть архіерея терпитъ вредное для дѣла стѣсненіе, то и въ такомъ случаѣ личное, нравственное недолжностное вліяніе архіерея могло бы принести заведенію гораздо большую пользу, чѣмъ та, которой онъ можетъ достигнуть самыми полномочными должностными распоряженіями. Въ томъ случаѣ, когда бы, не имѣя полновластія, преосвященные по чистому усердію къ успѣхамъ духовнаго просвѣщенія прилагали всѣ возможныя старанія о преуспѣяніяхъ училищъ, было бы больше основанія желать расширить ихъ власть и надѣяться, что это обратится къ общей пользѣ. Теперь же, когда архіереи, по признанію Комитета, устраняются отъ участія въ дѣлахъ духовно-учебныхъ заведеній потому только, что власть ихъ ограничена,—съ какою надеждою, по какимъ успокоительнымъ указаніямъ предшествующаго опыта, или соображеніямъ ума можно заботиться объ увеличеніи ихъ власти».

Уже изъ послѣдней тирады видно, что недовольство въ самомъ Комитетѣ проектомъ выливалось въ довольно энергичныхъ формахъ, и атмосфера была далеко не дружелюбная. Недовольство противъ религіознаго лицемѣрія, которое будто бы поощряетъ проектъ, высказывалъ и прот. Бажановъ. Въ 1862 г. проектъ Комитета со всѣми работами былъ разосланъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ предписаніемъ по разсмотрѣніи его чрезъ лицъ извѣстныхъ своею педагогическою опытностью представить заключеніе въ Сунодъ.

Отзывы въ своемъ большинствѣ были не благопріятны новому проекту; академическія конференціи высказывались противъ него, епархіальныя коммиссіи такъ же.—Петербургская коммиссія, между прочимъ, писала: «Частное дѣло благочестія вмѣнять законодательнымъ путемъ, значитъ пролагать дорогу лицемѣрію. Слишкомъ частое присутствіе при богослуженіи излишне, ибо можетъ только ослабить и притупить чувство религіознаго благоговѣнія къ священнодѣйствіямъ и обрядамъ церкви. Частыя и продолжительныя такъ назы-

ваемыя благочестивыя упражненія могутъ служить лишь обремененіемъ для неокрѣпшаго еще религіознаго чувства, обратятся въ одну внѣшность, а въ иныхъ возбудятъ даже прямое нерасположеніе къ нимъ».—Въ 1865 г. были сдѣланы нѣкоторыя частичныя измѣненія въ строѣ духовныхъ семинарій, относительно которыхъ не возбуждалось споровъ. По представленію еп. Смоленскаго Антонія въ видѣ частной мѣры изъ семинарской программы исключены: медицина, естественная исторія, сельское хозяйство, катихизисъ Петра Могилы, ученіе о богослужебныхъ книгахъ и патрологія; изученіе классическихъ языковъ и философскихъ наукъ усилено; введена педагогика, наставники раздѣлены на младшихъ и старшихъ (съ добавочнымъ окладомъ); составъ правленія увеличенъ старшими наставниками и тремя болѣе просвѣщенными лицами изъ духовенства, надъ остальными же предположеніями Комитета былъ, повидимому, поставленъ крестъ, а работы его въ качествѣ матеріала переданы Высочайше утвержденному новому Комитету.

V. Реформа 1867 года.

а) Комитетъ 1866 года, выработка новаго устава и его характеръ.

14 марта 1866 г. новому оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому удалось добиться Высочайшаго соизволенія на ассигнованіе изъ казны $1^1/_2$ мил. рублей ежегоднаго пособія духовно-учебнымъ заведеніямъ. Высочайшая милость давала возможность вывести эти заведенія изъ нищеты и подумать объ усовершенствованіяхъ учебной и воспитательной части, и 19 марта того же года съ Высочайшаго соизволенія учрежденъ былъ новый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ митрополита

Кіевскаго Арсенія, съ назначеніемъ въ помощь ему епископа Нектарія Нижегородскаго. Комитетъ состоялъ изъ архимандритовъ: Филарета, ректора Кіевской академіи, и Михаила, инспектора Московской академіи, протоіереевъ: Богословскаго и П. Лебедева, и четырехъ свѣтскихъ лицъ: Ржевскаго, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, А. Воскресенскаго—ректора С.-Петербургскаго университета, А. Тихомандрицкаго, состоявшаго при министрѣ Народнаго Просвѣщенія, и Сергіевскаго, директора канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора. Но работа и новаго Комитета, тщательно пересмотрѣвшаго всѣ переданные ему матеріалы, не привела къ единогласному рѣшенію. Уже при представленіи на усмотрѣніе Сѵнода предварительныхъ началъ, которыя должны быть положены въ основу реформы, какъ самъ предсѣдатель, такъ и нѣкоторые другіе члены представили свои особыя мнѣнія. Сѵнодъ утвердилъ мнѣніе большинства, сводившееся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Въ каждой епархіи должна быть семинарія съ опредѣленнымъ числомъ воспитанниковъ. 2) Въ семинарію принимаются дѣти всѣхъ сословій. 3) Первые два года воспитанники состоятъ на содержаніи своемъ, послѣдніе 4 на казенномъ, подъ условіемъ обѣщанія поступить въ духовное званіе или уплаты денегъ, употребленныхъ на ихъ содержаніе. 4) Всѣ существующія нынѣ духовныя училища поступаютъ въ ближайшее завѣдываніе мѣстнаго духовенства съ тѣмъ, что бы оно содержало ихъ по уставамъ и штатамъ, которые будутъ даны въ руководство. 5) Предоставляется духовенству на средства, изыскиваемыя имъ самимъ, открывать и новыя училища и съ большимъ числомъ классовъ. 6) Въ училище также принимаются дѣти всѣхъ сословій съ платою или безъ платы за ученіе, по усмотрѣнію духовенства. 7) Въ семинаріяхъ и училищахъ назначаются курсы одногодичные.

Ректоръ Кіевской академіи архимандритъ Филаретъ возражалъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи противъ точнаго опредѣленія числа воспитанниковъ въ каждомъ классѣ, что можетъ

семинарское начальство поставить въ необходимость или вмѣстѣ съ хорошими учениками переводить и слабыхъ, иначе штатъ будетъ не полный, или отказывать въ переводѣ достойнымъ и способнымъ и, кромѣ того противъ передачи духовныхъ училищъ въ завѣдываніе духовенства. При условіи приведенія въ исполненіе послѣдней мѣры трудно надѣяться, чтобы между семинаріей и училищемъ сохранилась тѣсная связь въ учебномъ отношеніи и строгое единство, а между тѣмъ это необходимо, ибо училище готовитъ ученика въ семинарію. Въ концѣ отзыва архимандритъ Филаретъ вновь напоминаетъ, что устанавливая штаты учениковъ, проектъ поднимаетъ руку на единственную поддержку обездоленнаго духовенства—на возможность для него дарового обученія дѣтей. Лишать его этой милости значило бы подвергнуть крайней нищетѣ.

Архимандритъ Михаилъ въ своемъ мнѣніи также указывалъ на то, что благодаря проектируемымъ штатамъ, трети или даже половинѣ дѣтей духовенства будетъ прегражденъ путь къ полученію семинарскаго образованія. Штаты излишни — избытокъ кандидатовъ въ однѣхъ семинаріяхъ будетъ пополнять недостатокъ въ другихъ. Установленіе штата отразится паденіемъ умственнаго и нравственнаго образованія особенно въ высшихъ классахъ; состоя въ штатѣ, ученикъ будетъ чувствовать себя обезпеченнымъ въ будущемъ, и только конкурсъ и возможность для начальства выбора лучшихъ заставитъ учениковъ заниматься. Вмѣстѣ съ архимандритомъ Филаретомъ и по тѣмъ же мотивамъ архимандритъ Михаилъ былъ противъ и передачи духовныхъ училищъ въ вѣдѣніе духовенства. Въ концѣ 1866 г. были, наконецъ, представлены и составленные Комитетомъ проекты уставовъ— семинарскаго и училищнаго и послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, внесенныхъ митрополитами Кіевскимъ и Московскимъ, представлены въ Сунодъ. Обстоятельная объяснительная записка, представленная Комитетомъ, можетъ служить прекраснымъ путеводителемъ въ оцѣнкѣ устава 1867 г., о возвратѣ къ которому

даже въ настоящее время мечтаютъ многіе. Говорятъ,—пишутъ составители записки,—что семинаріи могли бы быть только спеціально-богословскими училищами съ тѣмъ, что бы общее образованіе получалось въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ. Но общее образованіе только тогда составляетъ нѣкоторую подмогу спеціальному, когда поставлено въ должное отношеніе къ послѣднему, свѣтскія же учебныя заведенія едва ли могутъ подготовить умственно и нравственно къ званію священнослужителя. Такой задачи не въ силахъ будутъ выполнить даже особыя общеобразовательныя школы духовнаго вѣдомства, которыя незамѣтно для себя приблизятся по характеру къ свѣтскимъ, а потому при отдѣльномъ существованіи богословскихъ классовъ число поступающихъ въ нихъ воспитанниковъ будетъ крайне незначительно. Взамѣнъ этого уставъ рѣшилъ только отнести спеціально-богословскіе предметы въ конецъ курса (5 и 6 кл.), отдѣливъ ихъ такимъ образомъ отъ общаго образованія. Желая усилить общее образованіе, уставъ обратилъ вниманіе на надлежащую постановку классическихъ языковъ, математическихъ наукъ (число уроковъ значительно увеличено противу прежняго) и упраздненной гр. Протасовымъ философіи.

Стараясь о надлежащей постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и понимая, что это не есть дѣло механическое и формальное, Комитетъ воздержался отъ подробной регламентаціи, указавъ лишь на необходимость для воспитателей сообразоваться съ возрастомъ, мѣрою умственнаго развитія, нравственнымъ состояніемъ и настроеніемъ воспитываемыхъ лицъ, а также съ внѣшними, часто совершенно случайными обстоятельствами. Цѣль воспитанія—развивать въ учащихся искреннюю и сознательную любовь и уваженіе къ церкви православной, ея уставамъ, священнодѣйствіямъ и обрядамъ, утверждать ихъ въ добрыхъ христіанскихъ навыкахъ и приводить къ живому сознанію важности священства. Какъ на одно изъ средствъ надлежащаго воспитанія, Комитетъ обра-

тилъ вниманіе на необходимость устройства общежитій, не дѣлая духовно-учебныхъ заведеній закрытыми въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. При подготовленіи просвѣщенныхъ и благочестивыхъ пастырей и учителей православной церкви, не требованія жизни должны стоять на первомъ планѣ, а евангельское ученіе, которому воспитанники должны покорять всякія требованія, несогласныя съ требованіями жизни, воплощенной Спасителемъ и освященной святѣйшею жизнью Богочеловѣка.—Мы намѣренно подчеркиваемъ эту благую мысль устава, ибо вся послѣдующая исторія школы (за исключеніемъ развѣ перваго десятилѣтія существованія устава 1867 г.) была неуклоннымъ, послѣдовательнымъ отступленіемъ отъ этого идеала.

Въ семинаріи открытъ доступъ дѣтямъ всѣхъ вообще сословій; въ видахъ бо́льшаго расширенія возможности имѣть людей искренно расположенныхъ къ священству, Комитетъ разрѣшилъ принимать въ спеціальные классы семинаріи молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи не моложе 18 лѣтъ, а также людей зрѣлаго возраста, не моложе 28 лѣтъ, имѣющихъ значительную церковную начитанность. Предпочтеніе въ школѣ однихъ другимъ должно основываться на правѣ превосходства, а не на привиллегіи происхожденія. Въ избѣжаніе переполненія воспитанниками классовъ, было опредѣлено, сообразно съ потребностями епархіи въ священнослужителяхъ, нормальное число учениковъ для каждаго класса. Но указанныя въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ неблагопріятныя стороны этой мѣры были значительно смягчены открытіемъ возможности принимать воспитанниковъ и свыше нормы, соблюдая правило, чтобы въ классѣ не было свыше 55 чел., и открывать на мѣстныя средства параллельныя отдѣленія. Окладъ казеннокоштнаго воспитанника былъ назначенъ въ 90 руб., этотъ окладъ долженъ былъ выдаваться достойнымъ и нуждающимся воспитанникамъ безъ различія ихъ происхожденія, но за то

тѣ, которые впослѣдствіе пожелаютъ уклониться отъ служенія въ духовномъ званіи, должны возвратить израсходованныя на нихъ средства.

Подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Сунода семинаріи находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, который входитъ во всѣ подробности управленія.

Въ видахъ бо́льшаго сближенія семинаріи съ епархіей въ составъ правленія введены члены отъ епархіальнаго духовенства, избираемые духовенствомъ на опредѣленный срокъ. Упраздняя окружныя академическія управленія съ подчиненіемъ семинаріи ближайшему вѣдѣнію мѣстнаго архіерея и тѣмъ значительно усиливая его власть, уставъ находилъ существенно необходимымъ, чтобы семинарія въ то же время имѣла сама достаточную самостоятельность для свободнаго и энергичнаго проявленія своихъ учебно-воспитательныхъ силъ. Многолѣтній опытъ нашихъ семинарій, писалъ Комитетъ въ объяснительной къ уставу запискѣ, съ очевидностью показалъ, что при системѣ назначенія должностныхъ лицъ въ семинаріи высшими инстанціями не всегда поступали въ семинарскую службу вполнѣ способныя лица, хотя и всегда существовали требованія закона назначать однихъ только способныхъ. Высшей инстанціи не могутъ быть достаточно извѣстны ни способности, ни характеръ тѣхъ, кого она опредѣляетъ. Поэтому Комитетъ нашелъ нужнымъ ослабить систему централизаціи въ назначеніи должностныхъ лицъ и ввести систему избранія на самомъ мѣстѣ служенія. Кандидаты на должность ректора и инспектора избираются общимъ собраніемъ преподавателей, остальныя должностныя лица правленіемъ семинаріи въ томъ составѣ, въ какомъ оно занимается всѣми дѣлами по учебно-воспитательной части. Только избраніе кандидатовъ на должности помощника инспектора предоставляется ректору и инспектору. Причемъ, какъ средство испытанія преподавателей было назначено три пробныхъ

лекціи. Ректоръ и инспекторъ утверждаются Сѵнодомъ, остальныя должностныя лица мѣстнымъ преосвященнымъ.

Вниманіе ректора должно быть преимущественно обращено на учебную часть, инспектора на воспитательную, на врача возложено наблюденіе за гигіеническими условіями помѣщенія и образа жизни воспитанниковъ. Для обсужденія всѣхъ дѣлъ по учебной, нравственно-воспитательной и хозяйственной частямъ въ каждой семинаріи учреждается правленіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора, семи преподавателей [1]) и трехъ членовъ изъ епархіальнаго духовенства. Впрочемъ, при обсужденіи болѣе важныхъ вопросовъ положено приглашать въ засѣданіе всѣхъ наставниковъ, причемъ имъ предоставлено право требовать внесенія въ журналъ особаго мнѣнія, если оно будетъ заявлено. Для веденія хозяйственныхъ дѣлъ правленіе функціонируетъ въ уменьшенномъ числѣ членовъ (ректоръ, инспекторъ, одинъ преподаватель и два члена отъ духовныхъ). По важнѣйшимъ дѣламъ (введеніе новаго предмета, открытіе параллельнаго отдѣленія, годовая смѣта, награды, утвержденія ректора и инспектора) преосвященный представляетъ рѣшенія правленія въ Сѵнодъ, въ остальныхъ случаяхъ утверждаетъ самъ. Если преосвященный не согласенъ съ постановленіемъ правленія, то дѣло подвергается новому обсужденію, если и по новомъ разсмотрѣніи не послѣдуетъ согласіе архіерея, то дѣло представляется на усмотрѣніе Святѣйшаго Сѵнода.

По учебной части, кромѣ отмѣченнаго выше расширенія общеобразовательныхъ предметовъ, уставъ обратилъ вниманіе на два существенныхъ недостатка дореформенной семинаріи— многопредметность особенно въ предѣлахъ богословскаго курса

---

[1]) Въ первоначальномъ проектѣ Комитетомъ были допущены въ составъ правленія всѣ преподаватели, но противъ этого протестовалъ митр. Филаретъ.

и отсутствіе программъ. Въ первомъ случаѣ прежде всего были исключены тѣ предметы, которые введены при Протасовѣ въ качествѣ повторенія задовъ: «Православное исповѣданіе», Библейская Исторія (соединена съ Священнымъ Писаніемъ), «Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ» (соединено съ Литургикой); кромѣ того упразднены, какъ отдѣльные предметы: «Священная Герменевтика или Толковательное Богословіе», такъ какъ пріемы толкованія лучше всего могутъ быть усвоены при изученіи Священнаго Писанія, «Патристика» какъ наука, которая съ истиннымъ научнымъ содержаніемъ можетъ быть преподаваема только въ высшемъ учебномъ заведеніи; по тѣмъ же мотивамъ «Обличительное Богословіе» присоединено къ догматикѣ, ознакомленіе же съ исторіею сектъ отнесено къ церковной исторіи; при этомъ въ различныхъ семинаріяхъ должно обращать вниманіе, смотря по мѣстнымъ условіямъ, на разныя лжеученія. Пастырское богословіе и Каноническое Право соединены вмѣстѣ подъ общимъ наименованіемъ «Практическое руководство для пастырей». Въ первой части этого предмета должны излагаться нравственныя достоинства и обязанности, соединенныя съ званіемъ священнослужителя, а во второмъ—церковно-юридическія обязанности этого званія. Кромѣ того, былъ сдѣланъ обязательнымъ одинъ изъ новыхъ языковъ. Еврейскій языкъ былъ сдѣланъ необязательнымъ. Въ каждомъ классѣ 22 урока въ недѣлю, продолжительность урока $1^1/_4$.

Къ уставу было приложено слѣдующее росписаніе уроковъ:

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Изъясн. Св. Писанія. . .	2	2	3	3	3	3
Русск. словес. съ истор. лит.	3	3	—	—	—	—
Греческій языкъ.	5	5	5	5	2[1])	2[1])
Латинскій языкъ. . . .	4	3	4	4	—	—

[1]) Чтеніе отцовъ церкви по-гречески.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Франц. и нѣмец. по выбору	2	2	2	—	—	—
Математика	3	4	4	—	—	—
Физика.	—	—	—	4	—	—
Истор. всеобщ. и русск. .	3	3	2	—	—	—
Логика	—	—	2	—	—	—
Психологія.	—	—	—	2	—	—
Обзоръ философ. ученій .	—	—	—	4	—	—
Цер. истор. и истор. рус. цер.	—	—	—	—	6	2
Литургика.	—	—	—	—	3	—
Гомилетика	—	—	—	—	4	2
Основное богословіе . . .	—	—	—	—	3	—
Догматич. богословіе . .	—	—	—	—	—	6
Нравствен. богословіе . .	—	—	—	—	—	2
Практ. руков. для пастырей	—	—	—	—	—	4
Педагогика и дидактика .	—	—	—	—	1	1

Духовныя училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи ввѣрены попеченію мѣстнаго духовенства и подчинены семинаріямъ. Духовенство епархіи дѣлится на округа по числу училищъ и каждый округъ устраиваетъ періодически собранія своихъ представителей, на которыхъ обсуждаетъ мѣры къ улучшенію содержанія, разсматриваетъ состояніе училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи, закрытой баллотировкой избираетъ кандидата на должность смотрителя. Помощникъ смотрителя избирается правленіемъ училища. Прочія должностныя лица назначаются по представленію правленія училища или семинаріи. Въ четырехъ классахъ училища преподавались слѣдующіе предметы:

	I.	II.	III.	IV.
Свящ. истор. Ветх. Зав. . . .	3	—	—	—
Свящ. Ист. Нов. Зав.	—	3	—	—
Катихизисъ	—	—	3	—
Оконч. кат. и изъясн. богослуж.	—	—	—	3
Русскій языкъ съ церк.-слав. .	4	3	3	1

	I.	II.	III.	IV.
Греческій языкъ	—	4	5	9
Латинскій языкъ	8	5	5	4
Ариѳметика	3	3	3	2
Географія	—	—	3	3
Чистописаніе	2	2	—	—
Пѣніе	2	2	—	—
Итого . . .	22	22	22	22

Каждый предметъ преподается по утвержденной Святѣйшимъ Сунодомъ программѣ; но чтобы не вносить застоя и неподвижности, которыя неизбѣжно происходятъ, когда преподаватели ставятся въ положеніе безгласныхъ исполнителей, имъ предоставляется въ случаѣ сознанной необходимости ходатайствовать о тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ. Значительно увеличены суммы, отпускаемыя на библіотеку, узаконены кромѣ фундаментальныхъ ученическія библіотеки. Новый уставъ обращаетъ нѣкоторое вниманіе и на эстетическое образованіе,—занятія музыкой, живописью и другія подобныя упражненія, развивающія эстетическій вкусъ и отвлекающія отъ праздности, грубыхъ удовольствій, должны быть не только дозволены, но даже поощряемы съ тѣмъ, чтобы они всегда были строго нравственны. Крупныя преобразованія были совершены особенно по хозяйственной части, гдѣ ассигнованіе почти по всѣмъ статьямъ было увеличено болѣе чѣмъ вдвое. Штатъ, составленный тогда, существуетъ почти въ томъ же видѣ до сихъ поръ.

Предлагая въ общемъ ту же внутреннюю организацію школы, два члена Комитета, архимандриты Филаретъ и Михаилъ выступили съ отдѣльнымъ проектомъ, въ которомъ предполагали семинаріи и училища организовать какъ два не связанныхъ другъ съ другомъ заведенія. Училище, преобразованное въ семиклассную гимназію духовнаго вѣдомства, должно давать общее образованіе дѣтямъ духовенства и пра-

во выхода въ свѣтскія высшія заведенія тѣмъ, которые не пожелаютъ продолжать образованія въ спеціальныхъ богословскихъ классахъ. Спеціально богословскія училища-семинаріи, существуя отдѣльно, будутъ наполняться не только окончившими духовныя гимназіи, гдѣ образованіе и воспитаніе должно носить религіозно-нравственный характеръ, но и питомцами другихъ средне-учебныхъ заведеній, которые почувствуютъ наклонность и влеченіе къ священнослуженію. Существенныя особенности проекта меньшинства во внутренней организаціи школы заключаются въ нѣкоторомъ ограниченіи выборнаго начала и удержаніи большей зависимости отъ академическаго правленія, которое выбираетъ кандидата въ ректоры семинаріи, опредѣляетъ «профессоровъ» семинаріи и слѣдитъ за выполненіемъ программы. Гимназическій курсъ кромѣ предметовъ, положенныхъ по программѣ въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, включаетъ церковную исторію, логику и психологію, но исключаетъ обзоръ философскихъ ученій.

Богословскіе курсы поставлены значительно полнѣе, чѣмъ по проекту большинства. Такъ, на основное и нравственное богословіе отведено 7 уроковъ, на литургику 6, на гомилетику—6, пастырское богословіе и обличительное поставлены какъ отдѣльные предметы. Какъ на характерную и симпатичную черту мнѣнія меньшинства, слѣдуетъ указать на подчеркнутое требованіе уст. 1814 г., чтобы назначаемые для руководства учебники и программы всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами каждой науки. Общее распредѣленіе предметовъ въ проектѣ меньшинства было слѣдующее:

Семинарія:	I.	II.	III.	Итого.
Основное богословіе.	4	—	—	4
Священное Писаніе	6	2	—	8
Церковная Исторія.	6	—	—	6
Ист. русск. Церкви и раскола .	—	3	4	7
Догматическое и обличит. богосл.	—	6	2	8
Нравственное	—	3	—	3

	I.	II.	III.	Итого.
Литургика	—	2	4	6
Церковное право	—	—	2	2
Пастырское богословіе	—	—	2	2
Гомилетика	2	2	2	6
Педагогика	—	—	2	2
Еврейскій языкъ	—	—	2	2

Духовное училище.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Итого.
Законъ Божій	2	2	2	3	3	3	3	18
Русск. и церк.-слав. и словесн.	4	4	4	4	4	2	2	30
Психол. и логика . . .	—	—	—	—	—	3	3	
Латинскій языкъ . . .	4	4	4	3	3	3	3	24
Греческій языкъ . . .	4	4	4	3	3	3	3	24
Французск. или нѣм. . .	—	—	—	3	3	3	3	12
Географія и ест. ист. .	3	4	5	—	—	—	—	12
Исторія гражд.	—	—	—	3	3	3	3	12
Матем., физик. и косм. .	3	3	2	4	4	3	3	22
Церковное пѣніе. . . .	2	2	2	—	—	—	—	6

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ общемъ, несмотря на нѣкоторые крупные промахи,—выключеніе изъ программы философіи, назначеніе незначительнаго числа уроковъ на Св. Писаніе (8 урок. на Ветхій и Новый Завѣтъ!), на математическія науки (22 съ уроками по ариѳметикѣ), на излишнюю растянутость практическихъ предметовъ богословскаго курса (назначеніе безъ нужды 14 уроковъ на гомилетику и литургику), учебный планъ въ проектѣ меньшинства имѣетъ свои преимущества предъ учебнымъ планомъ устава 1867 года, здѣсь несравненно болѣе обстоятельно поставлено преподаваніе географіи и естествовѣдѣнія, гражданской исторіи, основного, обличительнаго богословія, каноническаго права, исторіи и обличенія раскола, и нѣтъ того необычайнаго, ненужнаго обилія уроковъ классическихъ языковъ (42 греческаго и 37

латинск.), которыми загромождень учебный планъ устава 1867 г. Слабую сторону учебнаго плана устава 1867 г. составляло, кромѣ того, незначительное число времени, отведеннаго на исторію церковную общую и русскую, съ включеніемъ и исторіи сектантства (всего 8 уроковъ), отсутствіе въ семинарскомъ курсѣ церковнаго пѣнія, незначительное количество уроковъ, отведенныхъ на русскій языкъ (11), географію (6), словесность и исторію литературы (6), гражданскую исторію (8) и нравственное богословіе (2).

Мотивируя свой проектъ, архимандриты Филаретъ и Михаилъ основывались главнымъ образомъ на необходимости дать выходъ изъ семинаріи до окончанія ея полнаго курса тѣмъ элементамъ, которые не воспитали въ себѣ расположенія къ духовному сану. Повидимому, авторы особаго мнѣнія не видѣли возможности свободнаго выхода изъ четвертаго класса семинаріи, а равно и свободнаго прилива свѣжихъ силъ въ V классъ, не отдѣляя богословскаго курса отъ общеобразовательнаго. Поэтому, свое особое мнѣніе они основываютъ почти исключительно на этой необходимости выхода недовольнымъ и необходимости пополненія состава богословскихъ классовъ свѣжими силами изъ питомцевъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, съ внесеніемъ въ новый уставъ параграфа 182, который указывалъ на возможность выхода воспитанниковъ изъ духовнаго вѣдомства и до окончанія курса и въ виду § 86 Университетскаго Устава 1863 года, которымъ въ университетъ допускались воспитанники среднеучебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, окончившіе *общій курсъ ученія въ нихъ*, и циркулярныхъ разъясненій С.-Петербургскаго округа (17 августа 1868 г. № 6661), гдѣ *общій курсъ* въ отношеніи семинаріи толковался, какъ курсъ четырехъ общеобразовательныхъ классовъ,—для воспитанниковъ семинаріи открылась возможность, выходя безъ особыхъ затрудненій изъ четвертаго класса, поступать въ университетъ. Съ другой стороны, согласно ясными указа-

ніямъ новаго устава духовныхъ семинарій, въ пятый классъ духовной семинаріи также безъ особыхъ затрудненій могли приниматься окончившіе курсъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній и даже начетчики. Въ виду всѣхъ этихъ не предусмотрѣнныхъ авторами особаго мнѣнія условій, въ ихъ мнѣніи представилась совсѣмъ необоснованною необходимость вмѣсто одной школы создать двѣ раздѣльныхъ. Указаній на какое бы то ни было существенное неудобство единой школы въ ихъ мотивировкѣ не находилось. Это, повидимому, подало поводъ Высокопреосвященному Филарету, митрополиту Московскому, отнестись къ этому мнѣнію съ оттѣнкомъ нескрываемой иронін. «Потребность своего проекта составители хотятъ доказать тѣмъ,—писалъ между прочимъ Московскій святитель,—что пятнадцатилѣтній отрокъ (поступающій въ нынѣшнюю семинарію) неспособенъ благонадежно избрать себѣ званіе. Но уставъ 1814 г. и не требуетъ сего. А какъ составители проекта сами полагаютъ, чтобы семнадцатилѣтній, вступая въ ихъ трехгодовую семинарію рѣшительно обязывался вступить въ духовное званіе, соотвѣтственно ихъ уставу: то это избраніе много ли надежнѣе будетъ въ сравненіи съ подобнымъ дѣйствіемъ пятнадцатилѣтняго? Такимъ образомъ въ ихъ возраженіи противъ прежняго устава заключается возраженіе противъ собственнаго ихъ проекта. Главный планъ проекта двухъ составителей состоитъ въ томъ, чтобы отъ нынѣшней семинаріи отсѣчь верхнюю половину... Семинарія нынѣшняя и предполагаемая по уставу большинства членовъ нынѣшняго Комитета представляетъ организмъ, въ которомъ одна жизнь развивается и возвышается, и надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ. Семинарія двухъ членовъ представляетъ два организма, которые не имѣютъ и не обѣщаютъ единства духа и направленія. Лучше ли это?»

«Два члена пишутъ: семилѣтнее пребываніе среди дѣтей свѣтскаго общества можетъ болѣе или менѣе значительно

ослабить наслѣдственное расположеніе въ дѣтяхъ духовенства къ сему званію. Не того же ли надобно опасаться, когда дѣти духовенства будутъ въ свѣтской подъ духовнымъ начальствомъ гимназіи, гдѣ будутъ бояться, чтобъ не усилилась церковная стихія и не измѣнила характера общеобразовательности, гдѣ между учениками будетъ господствовать мысль, что они готовятся не къ духовному званію премущественно, а къ чему хотятъ, или сами не знаютъ къ чему. Наслѣдственная наклонность къ духовному званію потеряетъ силу, бродящая мысль ученика при видѣ скудной жизни и тяжелой службы духовенства будетъ перебѣгать въ широкую свѣтскую область, гдѣ встрѣтитъ прельщающія мечты о выгодахъ и почестяхъ, и это легко поведетъ къ тому, что болѣе способные ученики устремятся въ свѣтское званіе, и богословской семинаріи и церковной службѣ достанутся только дрожди общеобразовательнаго училища. Составители проекта (въ защиту отдѣльнаго и болѣе обстоятельнаго прохожденія богословія) говорятъ, что науки богословскія, сравнительно съ науками общими, мало разработаны у насъ? Чѣмъ докажутъ сіе? И какого разработыванія требуютъ? Не новыхъ ли догматовъ, какъ въ Западной Церкви?».

Кромѣ мнѣнія двухъ архимандритовъ, нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ проекту, заслуживающія вниманія, но не получившія осуществленія, были сдѣланы митрополитомъ Филаретомъ,—какъ, напр., о желательности возложенія должности помощниковъ инспектора на преподавателей, а затѣтъ — высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, митрополитомъ Кіевскимъ о необходимости при составленіи штатовъ имѣть въ виду не одно количество уроковъ по каѳедрѣ, механически расцѣнивъ трудъ, но и относительное значеніе каѳедръ. Нельзя одинаково расцѣнивать не требующій подготовки урокъ латинскаго языка и уроки по догматическому или нравственному богословію, или философіи. Заслуживаетъ вниманія мнѣніе того же преосвященнаго о необходимости открыть

при семинаріи практическіе классы, которые служили бы переходомъ отъ школы къ жизни, и его указаніе на невозможность никакихъ вычисленій штатовъ воспитанниковъ при свободномъ выходѣ въ свѣтское вѣдомство, ибо количество уходящихъ высчитать заранѣе нельзя. Важное значеніе имѣетъ предостереженіе преосв. Арсенія и на тотъ счетъ, что неотступное слѣдованіе инспектора за учениками можетъ вызвать ненависть со стороны учениковъ. Въ отношеніи устава духовныхъ училищъ не лишено значенія указаніе на желательность введенія въ курсъ новыхъ языковъ и свободнаго перехода безъ затрудненій изъ училища въ свѣтскія учебныя заведенія.

14-го мая 1867 года проектъ большинства, одобренный Св. Сѵнодомъ, удостоился Высочайшаго утвержденія и сталъ проводиться въ жизнь. Въ виду того, что для полнаго преобразованія требовались новыя ассигнованія изъ Государственнаго Казначейства, которыя отпускались лишь постепенно, также постепенно шло и полное преобразованіе семинарій, и лишь тѣ требованія устава, которыя не были связаны съ новыми ассигнованіями, были проведены въ жизнь духовно-учебныхъ заведеній немедленно. Непосредственнымъ продолженіемъ работы надъ уставомъ 1867 г. и его дополненіемъ явились воспитательные журналы 1871 и 1874 г.г. Въ 1871 г. былъ изданъ Учебнымъ Комитетомъ воспитательный журналъ съ соображеніями по вопросамъ, касающимся устройства воспитательной части въ духовныхъ семинаріяхъ; въ 1874 г. былъ изданъ такой же журналъ и для духовныхъ училищъ. Каждый изъ нихъ представляетъ объемистый томикъ, заключающій сначала систематическій сводъ свѣдѣній о воспитательной части, доставленныхъ начальствами духовно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ заключеніе Учебнаго Комитета, въ которомъ указываются ограниченія или положительныя запрещенія въ пользованіи тѣмъ или другимъ правиломъ воспитательной практики той или другой

семинаріи. Изданный въ такомъ видѣ журналъ весьма неудобенъ для пользованія; пользующемуся имъ всегда приходится свѣряться въ двухъ мѣстахъ, сначала изучить практику по данному вопросу семинарій или училищъ, а затѣмъ слѣдить въ заключеніи, что изъ этой практики ограничено и что допущено. Воспитательные журналы по своему духу и содержанію заслуживаютъ особеннаго вниманія тою тщательностью, съ которою они изгоняютъ изъ дѣла воспитанія всякій излишній формализмъ и стараются вывести изъ употребленія обычаи прежней бурсы.

На первомъ мѣстѣ воспитательный журналъ ставитъ религіозно-нравственное воспитаніе. Отмѣчая первостепенное значеніе религіознаго вліянія и религіозныхъ упражненій, журналъ предостерегаетъ педагогическій персоналъ отъ излишняго педантизма и формализма въ этомъ дѣлѣ. Одобряя обычай объясненія предъ литургіей или всенощной дневного Евангелія и общее пѣніе всѣми воспитанниками нѣкоторыхъ пѣснопѣній въ церкви, журналы предостерегаютъ отъ побужденій учениковъ къ домашнему чтенію Библіи въ видѣ особаго подвига, отъ обязательныхъ поклоновъ въ церкви, отъ побужденія воспитанниковъ, кромѣ праздничнаго, посѣщать будничное богослуженіе, высказываются противъ обычая чтенія во время обѣда Четьи-Миней. Вообще, журналъ справедливо обращаетъ вниманіе воспитателей на то, чтобы подчиненіе воспитанниковъ извѣстному религіозному режиму было сознательное и не вынужденное. Религіозныя упражненія или религіозно-нравственное чтеніе можетъ имѣть приложеніе въ томъ только случаѣ, если соединяется съ кроткими, растворенными любовью убѣжденіями воспитателей, а отнюдь не носитъ на себѣ характера наказанія, въ каковомъ случаѣ можетъ еще больше охладить или даже ожесточить наказуемаго воспитанника. Точно также особенно необходима мудрая осмотрительность воспитателей при назначеніи такъ называемыхъ физическихъ взысканій за проступки или взыска-

ній по отношенію къ общественной и частной молитвѣ, такъ какъ подобнаго рода взысканія за названные проступки, гдѣ преимущественно имѣетъ мѣсто нравственное вліяніе, могутъ породить въ воспитанникахъ лицемѣріе или чисто механическое исполненіе религіозныхъ обязанностей. Къ сожалѣнію этотъ вполнѣ здравый педагогическій принципъ съ 1880 г.г. путемъ циркуляровъ былъ ослабленъ и замѣненъ противоположнымъ. Но въ той же области религіознаго воспитанія журналъ дѣлаетъ и крупный промахъ, рѣшительно осуждая добрую практику нѣкоторыхъ семинарій и училищъ привлекать воспитанниковъ въ цѣляхъ практическаго ознакомленія съ богослуженіемъ и развитія любви къ церковности къ дѣятельному участію въ богослуженіи и не только въ семинарскомъ, но и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ. Практическое изученіе богослуженія, полагаетъ журналъ, можетъ быть достигаемо надлежащимъ преподаваніемъ церковнаго устава въ училищахъ (?) и литургики въ семинаріяхъ (?).

Обращаясь къ нравственному воспитанію, журналъ принимаетъ ту мысль, что инспекторъ замѣняетъ воспитанникамъ родителей и сообразно съ этимъ долженъ обращаться съ ними кротко и ласково. Но того же слѣдуетъ требовать и отъ воспитанниковъ;—не должно допускать грубыхъ насмѣшекъ ихъ надъ товарищами, особенно надъ тѣлесными недостатками; обращеніе со служителями должно быть кроткое и вѣжливое. Въ своемъ внѣшнемъ поведеніи ученики должны быть опрятны и приличны, не должны засматривать въ окна, въ лица встрѣчаемыхъ женщинъ и т. п.; воспитанникамъ рекомендуется входить въ хорошіе дома и учиться пріемамъ образованной живой рѣчи, присматриваться къ свѣту и мало по-малу изучать людей и жизнь. Переходя къ порядкамъ внутренней жизни, журналъ отмѣчаетъ важное значеніе бдительнаго надзора, но предостерегаетъ отъ излишней надоѣдливости и навязчивости этого надзора. Въ противномъ случаѣ

вмѣсто ожидаемыхъ добрыхъ результатовъ могутъ произойти результаты совершенно противоположные. «Привязчивость и истязательность въ надзорѣ» могутъ вывести изъ терпѣнія и хорошаго ученика. Изъ средствъ надзора безусловно исключается пользованіе ученическими доносами; жалоба воспитанника на товарища не должна быть тайной, иначе это будетъ шпіонство; окончательно осуждается и надзоръ при помощи института старшихъ. Излишняя мелочность и формализмъ въ правилахъ благоприличія не должны имѣть мѣста,— вопросъ о помадѣ и стрижкѣ волосъ, требованіе, чтобы ученики называли другъ друга полнымъ именемъ и отечествомъ, во время сна держали голову и руки открытыми и т. п. предписанія, какъ мелочныя и неудобныя не должны имѣть мѣста.

Всѣ наказанія и взысканія не должны носить характера мести и вообще стремленія карать, а единственною цѣлью должны имѣть исправленіе. Тѣлесное наказаніе всѣхъ видовъ: сѣченіе розгами, удары рукой или линейкой, драніе за волоса, за уши и т. п. отмѣняется безусловно. Изъ такъ называемыхъ училищными начальствами смѣшанныхъ исправительныхъ мѣръ должны быть отмѣнены слѣдующія: а) продолжительное стояніе въ классѣ на ногахъ и тѣмъ болѣе на колѣнахъ, особенно же стояніе посреди класса, въ углу, у печки, у порога, предъ учительскимъ столомъ, предъ иконою съ совершеніемъ при этомъ земныхъ поклоновъ и т. п.; б) стояніе на колѣнахъ во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ, во время обѣда или ужина, во время перемѣны въ училищномъ корридорѣ; стояніе воспитанниковъ высшихъ классовъ въ классахъ низшихъ и наоборотъ; в) задерживаніе учениковъ въ классахъ по окончаніи уроковъ или задерживаніе за домашними вечерними занятіями болѣе, чѣмъ на два часа, равнымъ образомъ назначеніе ученикамъ на это время какихъ-либо умственныхъ занятій, вовсе не относящихся или мало относящихся къ предметамъ училищнаго курса, тѣмъ

болѣе же назначеніе работъ физическихъ, въ родѣ чищенія дорожекъ, полотья грядъ, и т. п. Одинѣ изъ сихъ мѣръ унизительны, другія могутъ вредно дѣйствовать на здоровье, иныя же не цѣлесообразны, какъ напр. земные молитвенные поклоны, совершаемые безъ молитвеннаго настроенія. Такой же отмѣнѣ подлежитъ и лишеніе въ качествѣ наказанія права воспитанниковъ пользоваться каникулярнымъ временемъ для отпуска въ дома родителей.

Внушенія и выговоры ученикамъ за проступки противъ чести и приличія, производимые въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ, могутъ быть допускаемы лишь съ крайнею осторожностью. Но все же въ числѣ исправительныхъ мѣръ были оставлены голодный столъ и карцеръ. Наказаніе голоднымъ столомъ, т. е. ограниченіе пищи провинившагося ученика хлѣбомъ и водою ни въ какомъ случаѣ не должно простираться нѣсколько дней къ ряду, совершенное же лишеніе пищи, хотя бы на одинъ только день, не должно быть допускаемо. Наказаніе карцеромъ, въ благоразумномъ и цѣлесообразномъ своемъ примѣненіи, отнюдь не составляетъ наказанія ни унизительнаго и грубаго, ни слишкомъ тягостнаго.

Терпимость къ дурнымъ ученикамъ не должна простираться до вредной и непзвинительной слабости, ведущей къ нравственному разстройству цѣлаго учебнаго заведенія.— Далѣе идетъ перечисленіе тѣхъ проступковъ, за которые слѣдуетъ немедленное исключеніе. Это—неисправимая лѣность, склонность къ неуживчивости и дерзкому обращенію съ товарищами, доходящія до нанесенія симъ послѣднимъ побоевъ, вредящихъ здоровью (поведеніе исключительно должно быть отмѣчено—1—неодобрительнымъ); воровство (поведеніе тоже 1); нетрезвость (поведеніе—1); сознательная и упорная дерзость предъ начальствомъ и наставниками, противодѣйствіе распоряженіямъ начальства, возбужденіе къ неповиновенію, составленіе стачекъ, писаніе пасквилей,—поведеніе отмѣчается также неодобрительнымъ; обдуманное и злонамѣренное вы-

раженіе мыслей и дѣйствій противныхъ общественному порядку и государственному благоустройству, противо-нравственное и противо-религіозное направленіе,—поведеніе и въ этихъ случаяхъ выставляется неодобрительное. Во всѣхъ случаяхъ, когда воспитанникъ по обвиненію въ какомъ-либо преступномъ дѣйствіи будетъ подвергнутъ уголовному суду,—онъ считается уволеннымъ изъ заведенія.

Въ оцѣнкѣ поведенія инспекторъ долженъ обращать вниманіе на степень умственнаго и нравственнаго развитія ученика. Баллъ 5 долженъ быть поставленъ всякому, кто исправно слѣдуетъ указаннымъ правиламъ поведенія. При этомъ не требуется, чтобы воспитанникъ выдавался изъ уровня прочихъ какими либо особыми нравственными совершенствами или подвигами благочестія. Баллъ 4, какъ выражающій собою очень хорошее поведеніе, должно ставить также исправнымъ, въ общемъ смыслѣ, воспитанникамъ, по допускавшимъ нѣкоторые неважные проступки. Мелочные и случайные проступки противъ школьной дисциплины не лишаютъ и балла 5,—повторившись уже нѣсколько разъ и такимъ образомъ свидѣтельствуя о невнимательности и разсѣянности ученика, они влекутъ пониженіе балла по поведенію до 4. Баллъ 3 выражаетъ собою хорошее поведеніе и потому долженъ быть присуждаемъ ученикамъ, коихъ поведеніе вообще удовлетворительно, но которые, тѣмъ не менѣе, многократно допускали разные проступки противъ школьной дисциплины или замѣчены въ отдѣльныхъ довольно важныхъ уклоненіяхъ. Хотя въ оцѣнкѣ этимъ балломъ справедливо видѣть выраженіе нѣкоторой нетвердости нравственныхъ началъ въ воспитанникѣ, тѣмъ не менѣе на рекомендуемыхъ этимъ балломъ не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ строго. Баллъ 2, выражающій собою неудовлетворительное поведеніе, можетъ быть назначаемъ ученикамъ, замѣченнымъ въ наиболѣе крупныхъ проступкахъ противъ правилъ поведенія и подвергшимся за то высшимъ степенямъ употребляемыхъ въ се-

минаріяхъ взысканій. Баллъ этотъ можетъ быть терпимъ въ теченіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Баллъ 1, выражающій низшую степень поведенія ученика, можетъ быть поставленъ только тѣмъ воспитанникамъ, кои немедленно подвергаются исключенію изъ семинаріи за нравственные недостатки съ отмѣткою «неодобрительнаго поведенія». Интересно, что эта расцѣнка поведенія баллами поведенія воспитанниковъ не привилась къ жизни, или по крайней мѣрѣ быстро смѣнилась другой; единица была изгнана и низшей степенью оцѣнки сталъ баллъ—2. Исключеннымъ за неблагоповеденіе не только не ставили 1, а даже и 2, но или оставляли безъ балла или ставили 3, а нерѣдко 4 и даже 5. Баллъ четыре сталъ считаться оцѣнкой не очень хорошаго, а плохого, хотя терпимаго поведенія.

Слабую сторону предписаній журнала по нравственной части составляетъ то, что въ немъ обращено слишкомъ мало вниманія на развлеченія и занятія, могущія предупредить дурные поступки, о мѣрахъ предупредительныхъ говорится только вскользь.

Въ опредѣленіи положенія отдѣльныхъ должностей слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторое освобожденіе инспектора отъ разныхъ мелочныхъ, но докучливыхъ обязанностей надзора по хозяйственной части (составленіе росписанія стола, провѣрка вещей учениковъ и т. п.), которыя были возложены на него во многихъ семинаріяхъ. Слабую сторону журнала слѣдуетъ отмѣтить въ неясномъ распредѣленіи обязанностей и правъ смотрителя училища и его помощника.—Помощникъ смотрителя поступаетъ во всѣхъ случаяхъ училищной своей дѣятельности по указаніямъ смотрителя и отдаетъ послѣднему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, равнымъ образомъ и во всѣхъ личныхъ своихъ соображеніяхъ и мѣропріятіяхъ... Слабое мѣсто устава осталось не выясненнымъ и журналомъ, и роль помощника смотрителя свелась къ механическому исполненію воли смотрителя безъ всякой свободы и иниціативы.

Изданный за все время существованія духовной школы въ первый разъ подробный журналъ по воспитательной части несомнѣнно имѣлъ крупное значеніе въ дѣлѣ переустройства и упорядоченія воспитательнаго дѣла, которое новый уставъ засталъ въ значительно разстроенномъ видѣ.

Введеніе новаго устава повлекло за собою измѣненіе системы центральнаго управленія. Вслѣдствіе усиленія власти епархіальнаго преосвященнаго по управленію училищами и семинаріями, учрежденія при тѣхъ и другихъ правленій съ обширнымъ кругомъ дѣятельности, а также въ виду предоставленія духовныхъ училищъ ближайшему попеченію мѣстнаго духовенства, и съ передачею въ Хозяйственное Управленіе весьма обширной части завѣдыванія капиталами, въ Духовно-учебномъ Управленіи осталось такое количество дѣлъ, которое не требовало особаго учрежденія. Что же касается важнѣйшихъ учебныхъ вопросовъ, то для разрѣшенія ихъ при Сѵнодѣ ощущалась нужда не въ исполнительномъ учрежденіи, а такомъ, которое само бы могло обсуждать учебные вопросы и могло бы при посредствѣ своихъ членовъ производить ревизіи. Въ виду этого Духовно-учебное Управленіе было упразднено, для обсужденія же важнѣйшихъ учебно-педагогическихъ дѣлъ учрежденъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Учебный Комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя и семи членовъ, въ томъ числѣ трехъ ревизоровъ. Но компетенція Комитета значительно все же съужена въ сравненіи съ предположеніемъ комитета 1859 г. Въ положеніи объ Учебномъ Комитетѣ 1867 г. ему подлежатъ: 1) вопросы по приведенію въ дѣйствіе новыхъ уставовъ; 2) предположенія къ усовершенію сихъ заведеній по учебно-педагогической части; 3) обсужденіе программъ; 4) оцѣнка учебныхъ руководствъ; 5) разныхъ книгъ и періодическихъ изданій, предполагаемыхъ къ распространенію въ этихъ заведеніяхъ; 6) обсужденіе годовыхъ отчетовъ о состояніи духовныхъ школъ; 7) отчетовъ по ревизіямъ; 8) вопросовъ и предположеній по устройству училищъ

для дѣвицъ духовнаго званія; 9) назначеніе конкурсовъ на составленіе лучшихъ учебныхъ руководствъ, присужденіе премій и вообще обсужденіе дѣлъ, касающихся духовнаго просвѣщенія, передаваемыхъ въ Комитетъ по особымъ назначеніямъ Святѣйшаго Сунода или Оберъ-Прокурора онаго. Исполнительную часть при Комитетѣ ведетъ правитель дѣлъ съ подвѣдомой ему канцеляріей.

Новый уставъ, не смотря на нѣкоторые свои недостатки, не могъ не всколыхнуть застоявшееся болото семинарской жизни двумя своими чертами. Это, во-первыхъ, новой постановкой экономической части больше, чѣмъ вдвойнѣ улучшившей положеніе и учителей, и учениковъ, и во-вторыхъ, тѣмъ толчкомъ, который былъ данъ корпораціямъ духовно-учебныхъ заведеній, особенно семинарій, привлеченіемъ ихъ къ коллективной работѣ по устройству учебной и воспитательной части заведеній, а также и къ выбору администраціи. Въ то время даже такіе важные вопросы, какъ перемѣщеніе преподавателей съ однихъ предметовъ на другіе, разсмотрѣніе предположеній объ измѣненіяхъ въ программахъ, обсужденіе методовъ преподаванія, составленіе правилъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, изысканіе и обсужденіе общихъ мѣръ къ охраненію и утвержденію доброй нравственности между учащимися разрѣшались правленіемъ съ утвержденія епархіальнаго архіерея. Такая широкая мѣстная автономія подавала поводъ къ нарушенію единообразія въ пріемахъ руководства учебно-воспитательнымъ дѣломъ и въ этомъ отношеніи могла быть не всегда полезной, но за то она объединяла корпорацію въ дѣятельную семью.

По учебной части крупный шагъ впередъ представлялъ фактъ составленія Учебнымъ Комитетомъ обстоятельныхъ, однообразныхъ для всѣхъ семинарій программъ и указаніе учебныхъ руководствъ.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ уставъ 1867 года имѣлъ одинъ крупный недостатокъ, который неблагопріятно

отразился на общемъ результатѣ обученія — это излишняя механичность въ расположеніи учебныхъ предметовъ. Отдѣленіе общеобразовательныхъ предметовъ отъ богословскихъ было произведено съ такою послѣдовательностью, что въ общеобразовательныхъ классахъ не осталось даже и тѣхъ элементовъ религіознаго обученія, которые нашли себѣ мѣсто въ среднихъ свѣтскихъ школахъ; Священное Писаніе Ветхаго Завѣта при большой раздробленности курса не могло имѣть достаточнаго вліянія на образованіе міровоззрѣнія и отраженіе многочисленныхъ сомнѣній религіозной мысли, которыя проникали въ стѣны семинаріи вмѣстѣ съ отрицательной литературой. Нужно сказать, что выборъ изученія Ветхаго Завѣта въ качествѣ единственнаго богословскаго предмета въ общеобразовательномъ курсѣ былъ сдѣланъ крайне неудачно. Въ этомъ сказался, впрочемъ, не сознательный и продуманный планъ реформаторовъ, а та упорная привязанность къ традиціонной схемѣ семинарскаго ученія, которая мѣшала произвести сколько-нибудь существенныя перестановки и при предшествовавшихъ 1867 г. попыткахъ реформы. Пострадала отъ этого, конечно, пастырская сторона образованія. Оставляемые безъ положительныхъ религіозныхъ знаній въ самые важные годы перехода отъ дѣтства къ сознательной жизни, въ годы ломки міровоззрѣнія воспитанники больше, чѣмъ нужно подчинялись вліянію свѣтской въ значительной части, по условіямъ того времени, безрелигіозной науки и литературы и порывали нравственную связь съ роднымъ и дорогимъ прежде «духовнымъ» міромъ. Это было одною изъ главныхъ причинъ отлива и часто лучшихъ силъ въ свѣтскія учебныя заведенія. Были допущены нѣкоторые нежелательные пропуски при составленіи программъ и постановкѣ учебнаго плана. Курсъ педагогики и дидактики, преподававшихся прежде 3 года, сведенъ къ двумъ урокамъ по одному въ V и VI классахъ, что далеко не соотвѣтствовало важности этого предмета. Не были введены преподававшіяся до протасовскихъ временъ

въ числѣ философскихъ наукъ этика и общественныя науки, которымъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ давалась широкая постановка. Исторія литературы обрывалась на Пушкинѣ и Гоголѣ, а между тѣмъ, раньше во многихъ семинаріяхъ знакомили съ новѣйшими писателями и даже иностранными классиками и выдающимися публицистами. Вообще по широтѣ постановки общеобразовательнаго и отчасти богословскаго курса реформа 1867 г. сдѣлала шагъ назадъ въ сравненіи съ практикой лучшихъ семинарій въ періодъ дѣйствія Устава 1814 года.

б) состояніе духовной школы въ періодѣ 1867—1880 г.г.

Уставъ 1867 г. далъ сильный толчекъ развитію и усовершенствованію всѣхъ сторонъ средней духовной школы. Для исторіи этого періода духовной школы есть прекрасный, за немногими исключеніями, серьезный и объективный матеріалъ, мы разумѣемъ отчеты (до 1877 г. печатавшіеся) первыхъ ревизоровъ Учебнаго Комитета, относившихся къ ввѣренному имъ дѣлу съ большою внимательностью. Этотъ матеріалъ особенно цѣненъ тѣмъ, что объединяетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія свѣдѣнія изъ семинарскихъ дѣлъ, особенно по вопросамъ о состояніи воспитательнаго дѣла. Особенно важно сопоставленіе между собою результатовъ ревизій однихъ и тѣхъ же заведеній, произведенныхъ въ первые годы реформы и—спустя нѣсколько лѣтъ. Ревизіи 1870—73 г.г. охватываютъ жизнь семинарій и въ предшествующіе реформѣ годы, ревизіи 1874—80 г.г. имѣютъ въ виду уже семинаріи, на которыхъ сказались результаты реформы. Ревизіи согласно отмѣчаютъ, что реформа имѣла «самое рѣшительное вліяніе на успѣхи обученія». Всѣ отчеты согласно подчеркиваютъ быстрые успѣхи преобразованныхъ семинарій и училищъ. Это явленіе и вполнѣ понятно послѣ уничтоженія дѣленія предметовъ на главные и второстепенные, позволявшее воспитанникамъ относиться къ послѣднимъ кое-какъ. Въ числѣ другихъ условій, содѣйствовавшихъ подъему общаго образо-

ванія, слѣдуетъ указать на болѣе строгое отношеніе наставниковъ къ ученическимъ сочиненіямъ и на большую требовательность при поступленіи изъ училища въ семинарію. Поднялся, не смотря на нѣкоторое сокращеніе программъ, и уровень богословскаго образованія. Преподаваніе богословскихъ наукъ, какъ отмѣчаютъ и всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора, сдѣлалось болѣе оживленнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли заведеній. Преподаваніе Священнаго Писанія не ограничивалось, какъ прежде, сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній и отрывочнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а представляло систематическое чтеніе библіи. Нравственное богословіе стало освобождаться отъ схоластической сухости. Съ успѣхомъ преподавалось основное богословіе, привлекая живое вниманіе воспитанниковъ, внося въ богословіе философскую стихію и стоя въ прямомъ отношеніи къ современнымъ воззрѣніямъ. Прикладныя богословскія науки (литургика, гомилетика, практическое руководство) стали быстро освобождаться отъ своей безплодной теоретичности (Отчеты 1868 и слѣд. г.г.).

Съ устраненіемъ прежней тѣсноты въ классахъ, съ запрещеніемъ условныхъ переводовъ при неудовлетворительныхъ баллахъ и при требованіи увольненія малоспособныхъ, всѣ вообще воспитанники почувствовали необходимость внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и стали проявлять болѣе усердія къ занятіямъ. Обращаясь къ составу учащаго персонала и методамъ преподаванія, ревизорскіе отчеты съ удивительнымъ единодушіемъ отмѣчаютъ полную удовлетворительность преподаванія, особенно это нужно сказать относительно ревизій 1873—1875 г.г. Такое быстрое малопонятное улучшеніе преподавательскаго состава зависѣло отъ новыхъ благопріятныхъ условій, въ которыя ставилъ учащій персоналъ уставъ 1867 г. Важно было уже значительное улучшеніе матеріальнаго положенія, но было и другое еще болѣе важное обстоятельство. Теперь съ преподавателемъ не могло повториться обычной въ прежнее время

исторіи, чтобы въ теченіе 25 лѣтъ онъ преподавалъ 12 предметовъ, начиная съ сельскаго хозяйства, греческаго языка, переходя поочередно къ геометріи, педагогикѣ и кончая исторіей богослужебныхъ книгъ (ср. Отчетъ о ревизіи Олонецкой семинаріи 1873 г.); вмѣсто соединенія въ однѣхъ рукахъ разнородныхъ предметовъ, теперь каждому отводилась узкая область сродныхъ другъ съ другомъ доктринъ, на которой онъ и спеціализировался, обстоятельныя программы съ объяснительными записками и указаніемъ источниковъ и пособій значительно облегчали самый трудъ преподаванія. Правда, въ первые годы послѣ реформы по многимъ предметамъ оказывался недостатокъ въ учебникахъ, приходилось или довольствоваться старыми учебниками, или дополнять ихъ записками, отнимавшими у семинаристовъ слишкомъ много времени на переписку; но къ концу 1870 гг. стали одно за другимъ появляться руководства, приноровленныя къ новымъ программамъ. Такъ первое время весьма затруднительно было преподаваніе Св. Писанія. Учебникъ Смарагдова «Пособіе къ доброму чтенію и слушанію Слова Божія», употреблявшійся на первыхъ порахъ, далеко не удовлетворялъ требованіямъ программы. Въ большинствѣ семинарій онъ дополнялся записками, пока появились руководства Орды, Аоанасьева, Хераскова, Иванова и Боголѣпова. Благодаря недостатку руководствъ первое время этотъ предметъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ замѣтно хромалъ, изучали больше предварительныя свѣдѣнія, чѣмъ самое содержаніе священныхъ книгъ. За неимѣніемъ подходящаго руководства читалась по запискамъ и доставляла значительныя затрудненія и учащимъ и учащимся и общая церковная исторія. Но съ 1873 г. стали пользоваться учебникомъ Е. Смирнова. По русской церковной исторіи учебникъ Филарета былъ замѣненъ съ 1877 г. во многихъ семинаріяхъ руководствомъ Знаменскаго. Много затрудненій представляло затѣмъ преподаваніе «Обзора философскихъ ученій»—науки совершенно новой по плану и

распорядку матеріала. Она преподавалась сначала по запискамъ преподавателей, но во второй половинѣ 1870 гг. стали входить въ употребленіе руководства Остроумова и Маркова. Педагогика также читалась по запискамъ, а мѣстами проходилась по учебнику Шафранова, а затѣмъ «Малышевскаго, Зайцева и Екземплярскаго». По психологіи было указано руководство Чистовича. Изъ остальныхъ наукъ основное богословіе преподавалось по Августину, учебникъ котораго появился около половины 1870 гг., догматическое—по Макарію и Антонію съ добавленіями изъ записокъ преподавателей, нравственное богословіе—по Соллярскому также съ добавленіями, литургика—по Смалодовичу, Рудакову и Лебедеву, гомилетика—по Ѳаворову и практическое руководство—по Скворцову, Парвову и «Опыту» Розанова. По логикѣ введенъ учебникъ Свѣтилина и Карпова, по гражданской исторіи—Иловайскаго, по словесности и исторіи литературы—Петрова; по физикѣ—Краевича, алгебрѣ—Сомова, по геометріи Буссе, тригонометріи—Дмитріева и космографіи—Воленса.

Въ постановкѣ словесности и классическихъ языковъ нельзя не отмѣтить излишней и безусловно вредной для дѣла теоретичности... Въ первомъ случаѣ главное вниманіе сосредоточивалось на разныхъ дѣленіяхъ поэзіи и прозы, а исторія литературы проходилась бѣгло. О ней какъ-то мало даже упоминаній въ ревизорскихъ отчетахъ, а между тѣмъ въ руководствѣ учениковъ въ этомъ отношеніи ощущалась настоятельная необходимость. Въ ученическую библіотеку, какъ ни старались ее беречь отъ «вредныхъ» книгъ, проникали писатели народники, изъ публицистовъ кое-гдѣ былъ узаконенъ даже Бѣлинскій. Наиболѣе обстоятельные ревизорскіе отчеты неизмѣнно отмѣчаютъ обостренный интересъ къ отрицательной литературѣ, проникавшей контрабандным путемъ. Значительнымъ противодѣйствіемъ этимъ вліяніямъ могъ бы быть серьезный и основательный разборъ современныхъ литератур-

ныхъ произведеній. Но къ сожалѣнію этого мы не видимъ. По классическимъ языкамъ, не зная куда дѣвать время, преподаватели стали заниматься изученіемъ разныхъ грамматическихъ и синтаксическихъ тонкостей, зубрежкой исключеній, стали излагать правила метрики, скандовки, особенности діалектовъ и пр.

Уставъ 1867 г. не принесъ съ собою, не смотря на общее оживленіе умственныхъ интересовъ, замѣтнаго улучшенія письменныхъ упражненій воспитанниковъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ успѣхи даже сильно понизились; это въ 1875 г. офиціально отмѣтилъ Учебный Комитетъ. Причину этого страннаго явленія справедливо указываютъ въ неблагопріятномъ вліяніи на невыработавшуюся рѣчь учениковъ усиленныхъ занятій по классическимъ языкамъ, убивавшихъ и большую часть времени учениковъ. Правда, въ то время безусловнаго преклоненія предъ классицизмомъ на этой мысли остановиться не хотѣли. Въ своемъ обширномъ докладѣ о причинахъ упадка и мѣрахъ возвышенія письменныхъ упражненій Учебный Комитетъ въ 1875 г. готовъ былъ признать все, что угодно, придумать даже не существующіе недочеты преподаванія въ семинаріяхъ, только бы не указать на притупляющее вліяніе классицизма; но для болѣе объективныхъ наблюдателей связь между усиленіемъ классицизма съ введеніемъ устава 1867 г. и паденіемъ умѣнья владѣть русскимъ языкомъ и излагать свои мысли письменно достаточно ясна. Такъ какъ послѣднее умѣнье считается лучшимъ показателемъ общаго развитія, то этотъ фактъ говоритъ, намъ кажется, не въ пользу старинаго предразсудка о какомъ-то особенномъ развивающемъ значеніи изученія древнихъ языковъ. И такой результатъ усиленнаго изученія древнихъ языковъ тѣмъ болѣе печаленъ, что при всемъ усердіи руководителей школы, не смотря на неоднократныя наставленія Учебнаго Комитета относительно лучшаго способа ихъ преподаванія, знаніе языковъ въ семинаріяхъ стояло далеко не

на надлежащей ступени; это отмѣчаетъ и значительная часть ревизорскихъ отчетовъ, начиная съ 1871 г.

Новый уставъ, какъ показали первыя ревизіи, засталъ воспитательную часть духовно-учебныхъ заведеній далеко не въ блестящемъ состояніи. Пьянство, соединенное нерѣдко съ буйствомъ, дерзость въ отношеніи къ преподавателямъ и начальству, грубость въ товарищескихъ отношеніяхъ—вотъ какія добродѣтели украшали тогда семинариста. Особенно дурное, развращающее вліяніе оказывалъ институтъ старшихъ. Несмотря на то, что особымъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 9—25 апрѣля 1868 г. и воспитательнымъ журналомъ 1871 и 1874 г.г. этотъ институтъ былъ отмѣненъ, и за порядкомъ въ классахъ и на вечернихъ занятіяхъ указано слѣдить всѣмъ ученикамъ по очереди, а не тѣмъ или другимъ избраннымъ,—во многихъ семинаріяхъ старшіе продолжали существовать до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало особыхъ настойчивыхъ распоряженій ревизоровъ. «Реформа способствовала облагороженію семинарскихъ нравовъ,—пишетъ историкъ С.-Петербургской семинаріи,—уничтоженію прежней грубости, склонности къ обману и лицемѣрію въ отношеніи начальства, и значительному ослабленію старинныхъ пороковъ, особенно нетрезвости». Этотъ отзывъ вполнѣ подтверждается ревизорскими отчетами. Ревизоры единодушно отмѣчаютъ значительное улучшеніе воспитательной части (ср. отчет. ревизій Волынской, Вятской, Екатеринославской, Олонецкой, Литовской семинарій и многихъ другихъ). Важные недостатки постепенно перестаютъ быть общими и дѣлаются исключеніемъ. Въ отношеніяхъ къ преподавателямъ замѣтно больше вѣжливости и деликатности, въ отношеніяхъ къ товарищамъ больше дружбы. Помимо отмѣны вреднаго въ воспитательномъ отношеніи института старшихъ на поведеніи воспитанниковъ благопріятно сказалась замѣтная перемѣна съ введеніемъ новаго устава въ воспитательномъ режимѣ. «Рѣзкій тонъ начальническихъ внушеній, говоритъ ревизоръ

Орловской семинаріи въ своемъ обстоятельномъ отчетѣ (204 стр. мелкаго шрифта), и вся вообще система взысканій, слишкомъ патріархальная по своимъ пріемамъ и такъ безцеремонно относившаяся къ чувству совѣстливости и стыдливости въ юныхъ воспитанникахъ, не могла достигать цѣли, къ которой стремились воспитатели,—исправленія виновныхъ, а напротивъ скорѣе способна была произвести совершенно противоположные результаты. Въ то время, какъ она практиковалась, между воспитанниками были въ сильной степени развиты нетерпимыя въ учебномъ заведеніи качества: грубость и непочтительность». Усиливъ надзоръ за воспитанниками при помощи помощниковъ инспектора и надзирателей, назначивъ болѣе строгія взысканія за обычные проступки, воспитатели установили болѣе мягкія отношенія къ воспитанникамъ. Прямота и ласковость обращенія начальствующихъ и учащихъ къ воспитанникамъ вмѣстѣ съ настойчивостью и даже строгостью въ нужныхъ случаяхъ и произвели эту перемѣну къ лучшему, что справедливо и отмѣчаетъ отчетъ оберъ-прокурора за 1875 г. Воспитанники стали укрѣпляться въ добрыхъ навыкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ общественномъ мнѣніи стала возвышаться и ихъ репутація, на нихъ стали смотрѣть уже не какъ на бурсаковъ, а какъ на «благовоспитанныхъ учениковъ благоустроеннаго заведенія» (Ревиз. отч. по Тамб. сем. 1877 г.).

Правда въ дѣлѣ воспитанія помимо устава много значатъ и сами его исполнители; и въ ревизорскихъ отчетахъ отмѣчены отдѣльные, немногіе случаи паденія дисциплины въ преобразованныхъ уже семинаріяхъ послѣ ея значительнаго улучшенія вслѣдствіе случайнаго ослабленія административной власти или неудачнаго подбора корпораціи. Этимъ, напр., объяснялся упадокъ дисциплины въ Харьковской и Черниговской семинаріяхъ.

Нужно замѣтить, что успѣхъ воспитательнаго дѣла во многомъ зависѣлъ отъ того, что теперь надъ вопросами вос-

питанія работали уже цѣлыя коллегіи наставниковъ, составляли правила и инструкціи; считая себя заинтересованными въ ихъ исполненіи, наставники и сами ближе становились къ дѣлу воспитанія и надзора. Въ то же время и для семинаристовъ эти правила являлись уже не прихотью того или иного иногда неуважаемаго и нелюбимаго ими лица, а дѣломъ цѣлой корпораціи, авторитетъ которой въ цѣломъ всегда высоко цѣнился воспитанниками.

Но уставъ 1867 г., впрочемъ вѣрнѣе не уставъ, а время, въ которое онъ вышелъ, принесло и нѣкоторые новые недочеты въ семинарской жизни. Мы разумѣемъ проявленную въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ предъ введеніемъ устава наклонность къ стачкамъ, дѣйствію скономъ, а особенно замѣтное увлеченіе со стороны нѣкоторыхъ воспитанниковъ отрицательными, соціалистическими идеями. Въ Архангельской семинаріи въ ученическомъ либеральномъ журналѣ не только проповѣдывали равенство состояній, что въ то время представлялось верхомъ радикализма, но и освобожденіе народа отъ государства, собственности и религіи. Въ болѣе умѣренныхъ формахъ, но тѣ же увлеченія проявлялись и въ нѣкоторыхъ другихъ семинаріяхъ. Но эти увлеченія далеко не представлялись явленіемъ повсюднымъ, — въ общемъ настроеніи учениковъ можно даже указать на нѣкоторое улучшеніе. Отмѣчая быстрое возрастаніе числа поступающихъ въ духовныя академіи воспитанниковъ семинарій (при полной свободѣ выхода въ свѣтскія заведенія), всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора за 1875 г. справедливо указываетъ, что «это возрастаніе достигнуто не матеріальными, а нравственными средствами, что говоритъ въ пользу академій, а равно и въ пользу того настроенія, съ какимъ являются въ академію ихъ слушатели» (стр. 160).

По части административной отчеты ревизоровъ указываютъ на небывалое оживленіе дѣятельности корпорацій. Всеподданнѣйшій отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за

1869 г. не безъ основанія замѣчаетъ относительно этой дѣятельности, что корпораціи начинаютъ понимать необходимость дѣйствовать единодушно, вопреки прежнему односторонпему взгляду, по которому обязанности наставниковъ совершенно отдѣлялись отъ обязанностей воспитателей» (стр. 154). «Нельзя не замѣтить, обобщаетъ свои наблюденія ревизоръ Тульской семинаріи въ 1873 г., что новый уставъ создалъ небывалое, невѣдомое до сего времени въ училищахъ педагогическое пробужденіе. Тамъ, гдѣ прежде шло дѣло по старой рутинѣ, механически, теперь возникаютъ и обсуждаются различные педагогическіе вопросы и рѣшаются толково, добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла» (стр. 78). Для успѣшной работы въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ необходима большая выдержанность и умѣнье въ защитѣ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній не переходить извѣстной границы и не терять хладнокровія. Для корпорацій духовно-учебныхъ заведеній такая работа являлась на первыхъ порахъ дѣломъ новымъ, необычнымъ, что естественно вызывало нѣкоторыя шероховатости, дѣятельность корпораціи иногда тормозилась мелкими, личными счетами уязвленнаго самолюбія и раздорами. Были случаи, хотя и единичные, что эти раздоры отражались даже упадкомъ дисциплины и вообще разстройствомъ жизни въ учебномъ заведеніи. Такъ было въ Самарской семинаріи въ 1873 г., гдѣ раздоры между правленіемъ и инспекторомъ неблагопріятно отразились на состояніи заведенія и нѣсколько позже въ Томской семинаріи. Но слѣдуетъ отмѣтить, что отчеты оберъ-прокурора и ревизоровъ отмѣчаютъ такія явленія, какъ исключительныя и въ большинствѣ случаевъ вызывавшіяся не желаніемъ подчиниться новому уставу со стороны начальства заведенія.

Раздоры эти вызывались ректорами семинарій, далеко не всегда охотно мирившимися съ той самостоятельностью, которая дана уставомъ правленію, и пытавшимися вопреки уставу по прежнему самовластно распоряжаться всѣмъ.

Въ этихъ случаяхъ корпораціи приходилось отстаивать свои права на руководство дѣломъ воспитанія. Типичный примѣръ такой борьбы между ректоромъ и правленіемъ представляетъ отчетъ о ревизіи Вятской семинаріи. Но еще печальнѣе оказывались на дѣлѣ нерѣдкія распри между семинарскимъ правленіемъ и преосвященными. Преосвященнымъ приходилось иногда вмѣшиваться въ семинарскія дѣла, чтобы положить конецъ разногласіямъ, но бывали случаи, когда преосвященные выходили изъ рамокъ предоставленной имъ уставомъ власти или настаивали на такихъ требованіяхъ, которыя правленіе справедливо находило идущими въ ущербъ педагогическимъ интересамъ. Типичные примѣры представляютъ ревизорскіе отчеты по Екатеринославской и Олонецкой епархіямъ. Въ первой епархіи преосвященный дѣлалъ правленію семинаріи непосредственныя распоряженія къ исполненію по такимъ вопросамъ, которые не подвергались обсужденію правленіемъ. Ревизору пришлось писать цѣлую разъяснительную записку, чтобы доказать полное несоотвѣтствіе такой практики уставу. Въ Олонецкой епархіи преосвященный Аркадій, не долюбливавшій иностранной учености, прежде всего сталъ стѣснять преподавателей въ выпискѣ ученыхъ пособій, хотя бы и рекомендованныхъ Учебнымъ Комитетомъ, указывая вмѣсто этого пріобрѣтать второй экземпляръ духовныхъ журналовъ. Далѣе преосвященный рѣшительно запретилъ, какъ неприличную забаву, катанье на конькахъ, которое правленіе находило полезнымъ въ гигіеническомъ отношеніи. Наоборотъ, воспрещенные правленіемъ секретные доносы учащихся семинарскому начальству на своихъ товарищей преосвященный, опираясь на свою личную опытность, признавалъ необходимыми и потому вернулъ дѣло къ пересмотру. Правленіе осталось при прежнемъ мнѣніи, что «таковые доносы развращаютъ учащихся, возбуждаютъ вражду между товарищами, рождаютъ противъ шпіоновъ чувство мести и вообще

зловредно дѣйствуютъ на развитіе молодыхъ характеровъ». Сунодъ согласился съ правленіемъ семинаріи.

Но безусловно самой слабой чертою административнаго устройства духовной школы по новому уставу явился тотъ путь, которымъ дѣлался подборъ преподавателей. Забота объ этомъ лежала на правленіи, но гдѣ, спрашивается, правленіе могло подыскать кандидатовъ, когда въ предѣлахъ его горизонта — въ епархіи могло не быть ни одного даже случайнаго кандидата академіи. Правленіе обычно обращалось съ просьбами по очереди то въ одну, то въ другую академію, которыя дѣлали отъ себя предложенія свободнымъ кандидатамъ. Пока тянулась эта безконечная переписка въ поискахъ охотниковъ, пока академіи одна за другою слали увѣдомленія, что въ ихъ распоряженіи не находится подходящихъ кандидатовъ, а такія увѣдомленія получались чаще всего,—текли мѣсяцы, и свободная каѳедра пустовала. Особенно тяжелъ былъ такой порядокъ для окраинныхъ семинарій (ср. отч. ревиз. по Арханг. и Новочеркасс. дух. учеб. завед.). Такъ какъ вслѣдствіе этого многія семинаріи подолгу оставались безъ преподавателей, то центральное управленіе въ 1874 г. взяло на себя распредѣленіе по семинаріямъ оканчивающихъ курсъ семинарскихъ воспитанниковъ, списки которыхъ съ обозначеніемъ спеціальности каждаго студента, епархіи, куда бы онъ желалъ поступить, и проч. изъ академій должны были ежегодно поступать въ Учебный Комитетъ. Впрочемъ, такою мѣрою не отнималось окончательно право избранія семинарскимъ правленіемъ преподавателей, но только ставилось въ нѣкоторую зависимость отъ центральнаго управленія, къ которому правленіе обязано было входить съ представленіемъ въ случаѣ наличности желательнаго кандидата и съ ходатайствомъ о пріисканіи такового, въ случаѣ его отсутствія на мѣстѣ.

Обращаясь къ дѣятельности Учебнаго Комитета, слѣдуетъ отмѣтить болѣе строгую и внимательную систему над-

зора и контроля посредствомъ ревизій. Первыхъ ревизоровъ можно было упрекнуть можетъ быть въ излишней мелочности, придирчивости, формализмѣ, но отнюдь не въ невнимательности. Въ первые годы своего существованія Учебный Комитетъ велъ энергичную работу по уясненію и проведенію въ жизнь устава, и въ 1875 г. издалъ цѣлый томъ разъясненій и собраніе постановленій Святѣйшаго Сунода 1867—1874 гг. относительно устройства духовныхъ семинарій и училищъ согласно требованіямъ устава 1867 г.; это изданіе даетъ разъясненіе главныхъ руководящихъ началъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія и вообще въ устроеніи возможнаго благоустройства духовно-учебныхъ заведеній. Кромѣ того, Учебнымъ Комитетомъ за это время былъ разрѣшенъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ принципіальныхъ вопросовъ, изданы программы, составлена форма ежегодныхъ отчетовъ ректоровъ; изданъ отмѣченный выше журналъ по воспитательной части, наставленія относительно преподаванія классическихъ языковъ; постановленіе о мѣрахъ къ улучшенію письменныхъ упражненій, вслѣдствіе ихъ упадка. Въ 1876 г. было издано Высочайше утвержденное положеніе о правахъ и преимуществахъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, дѣйствующее и до сихъ поръ. Это положеніе уравнивало въ отношеніи правъ и преимуществъ по чинопроизводству и должности служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ лицами, занимающими соотвѣтственныя должности въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; но къ сожалѣнію казна не нашла возможнымъ принять на себя пенсіонные расходы на тружениковъ духовной школы, и Сунодъ при скудости своихъ средствъ долженъ былъ ограничиться болѣе скромными окладами пенсій. Въ 1876—1878 гг. приведены въ исполненіе весьма важныя мѣры по улучшенію учебной и воспитательной части духовныхъ училищъ привлеченіемъ сначала на должность помощника смотрителя, а затѣмъ и преподавателей лицъ съ академическимъ

образованіемъ и уравненіемъ окладовъ содержанія и класса должностей училищныхъ преподавателей съ семинарскими.

Съ 1879 г. въ жизни духовной школы начинается новый періодъ. Первые годы, пока школа жила энергіей и традиціей, накопленной за старое время, жизнь еще какъ будто продолжала развиваться, потомъ начинается періодъ упадка, приведшій наши духовно-учебныя заведенія къ тому печальному распаду, въ которомъ они находятся въ послѣднее время. Характерной чертой этого періода является наклонность къ руководству жизнью духовно-учебныхъ заведеній не на основаніи строгаго и послѣдовательнаго изученія проявленій школьной жизни, а сверху—на основаніи кабинетныхъ, теоретическихъ предположеній руководящихъ дѣятелей. Наиболѣе важныя и рѣшающія мѣропріятія совершались зачастую не по требованію опыта, а скорѣе вопреки, на перекоръ имъ. Сильная и рѣшительная воля увѣренныхъ въ себѣ людей вступила въ борьбу съ жизнью, думая побѣдить ее, передѣлать по своему, но жизнь взяла свое.

Въ 1879 г. совершился фактъ, который не измѣняя ничего въ уставѣ и распорядкѣ жизни духовной школы, тѣмъ не менѣе имѣлъ роковое вліяніе на ея судьбу, — по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, дѣйствовавшаго по предварительному соглашенію или даже ходатайству оберъ-прокурора, былъ прекращенъ воспитанникамъ семинаріи доступъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, если они не подвергнутся испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ или окончательному экзамену въ реальныхъ училищахъ. Затрудненіе это на пути къ высшему образованію было настолько серьезно, что прекратило отливъ силъ изъ духовной школы, за рѣдкими исключеніями. Черезъ годъ въ 1881 г. была произведена значительная перемѣна и въ самомъ строѣ семинаріи. Съ Высочайшаго утвержденія послѣдовало важное измѣненіе въ порядкѣ замѣщенія административныхъ лицъ и преподавателей. «Въ виду того, что

избраніе ректора и инспектора соединено со многими случайностями, а самый ходъ избирательнаго процесса неизбѣжно производитъ въ жизни учебнаго заведенія движеніе, отвлекающее вниманіе преподавателей отъ правильнаго и спокойнаго теченія учебныхъ занятій»,—постановлено назначать ректоровъ и инспекторовъ послѣ донесенія епархіальнаго архіерея Сѵноду о вакансіяхъ и тотъ же порядокъ примѣнять къ перемѣщенію изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое начальствующихъ и учащихъ лицъ. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить и третью по первому впечатлѣнію слишкомъ незначительную, но имѣвшую крупное вліяніе на дальнѣйшую постановку воспитательной части мѣру — это циркулярный указъ Сѵнода отъ 5 сентября 1881 г., которымъ предписывалось на исключеніе изъ семинаріи смотрѣть, какъ на мѣру крайнюю, примѣняемую только послѣ испытанія всѣхъ средствъ къ исправленію. Первое время по введеніи устава 1867 г. правленія за особо грубые поступки (воровство, пьянство и буйство) съ рѣшительностью удаляли воспитанниковъ изъ семинаріи, несмотря на протесты и жалобы родителей, и тѣмъ быстро подняли дисциплину въ заведеніяхъ. Съ начала 1880 гг. въ виду этого указа пришлось относиться даже къ нетерпимымъ поступкамъ съ большею снисходительностью. Всѣ три отмѣченныхъ мѣры, хотя и по разнымъ причинамъ, имѣли крайне неблагопріятное вліяніе на настроеніе и поведеніе воспитанниковъ духовной школы, въ особенности прекращеніе доступа въ высшую свѣтскую школу, которое копило недовольство и вносило въ высшую духовную школу такіе элементы, которымъ тамъ не должно быть мѣста. Но это было только начало новыхъ вѣяній. Не останавливаясь на характерѣ новаго Устава, вышедшаго въ 1884 г., о которомъ будетъ рѣчь ниже, позволимъ себѣ отмѣтить нѣкоторыя предшествующія и отчасти послѣдующія за нимъ частичныя мѣры, въ которыхъ сказались наиболѣе типичныя черты наступившаго новаго времени для духовной школы. Въ 1883 г. осо-

бымъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода было предписано обратить вниманіе на религіозное воспитаніе, причемъ предписывалось подвергать строгимъ взысканіямъ воспитанниковъ, уклоняющихся отъ богослуженія, а равно неблагоговѣйно присутствующихъ при немъ. Въ 1887 г. для тѣхъ же цѣлей усиленія религіознаго образованія указывалось на необходимость обратить особое вниманіе на пріученіе учениковъ къ церковному пѣнію и чтенію и усилить занятія по пѣнію церковно-славянскому языку. Для обезпеченія же успѣха предписывалось подвергать строгимъ взысканіямъ тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаружатъ ненадлежащее отношеніе къ этимъ предметамъ. Несомнѣнно, что горькій осадокъ этихъ строгихъ взысканій тѣсно ассоціировался съ той областью представленій и тѣми предметами, которые служили непосредственнымъ поводомъ къ ихъ наложенію. Понятно, если принимаемыя одновременно съ этимъ вполнѣ цѣлесообразныя мѣры къ усиленію духа церковности падали не только на неподготовленную, но и положительно неблагопріятную почву и, или не приносили никакого результата, или—обратный желаемому. Но со стороны воспитанниковъ были и другіе поводы къ недовольству. Опубликованное въ 1886 г. запрещеніе отлучаться изъ общежитій безъ особенно уважительныхъ причинъ даже въ свободное отъ занятій время положило конецъ семинарской свободѣ выхода изъ однообразной опостылой бурсы на свѣтъ Божій, а съ этой свободой семинаристу разстаться было не легко и это тѣмъ болѣе, что кромѣ обиднаго огульнаго недовѣрія ко всѣмъ вообще воспитанникамъ другихъ мотивовъ къ такой мѣрѣ ученики не видѣли.

Принципъ недовѣрія и строгихъ взысканій проводился теперь не въ отношеніи однихъ только воспитанниковъ, но и корпораціи. Такъ, на ректоровъ семинаріи въ 1883 году возложена обязанность неукоснительно доносить преосвященному о всякихъ неисправностяхъ преподавателей. Даже ру-

ководство преподавателями воспитанниковъ подвергалось строгому подозрительному дозору: такъ, записки преподавателей для выдачи книгъ изъ фундаментальной библіотеки, по указу 1887 г. должны были контролироваться ректоромъ. Самая дѣятельность правленій во многихъ случаяхъ фактически стѣснялась отмѣной въ 1885 г. всякихъ явныхъ и тайныхъ баллотировокъ. Всѣ эти мѣры не внесли никакого добраго вліянія. Всѣ онѣ настолько расходились съ духомъ устава (и не только 1867 г., но отчасти и 1884 г.) и системой осторожнаго, медлительнаго, но все же вдумчиваго руководства школой Учебнаго Комитета, что могутъ быть приписаны лишь вліянію случайныхъ лицъ. Объ этомъ говоритъ и полное отсутствіе въ нихъ педагогическаго такта. Не трудно видѣть изъ предыдущаго, насколько мало онѣ оправдывались и тѣмъ болѣе вынуждались и самымъ состояніемъ школы.

VI. Уставъ 1884 г. и состояніе при немъ духовной школы.

Реформа 1884 г., какъ значится въ первомъ предложеніи Оберъ-Прокурора Святѣйшему Суноду, вызвана желаніемъ привести строй семинарій въ полное соотвѣтствіе съ новымъ уставомъ духовныхъ академій. Для пересмотра устава при Святѣйшемъ Сунодѣ былъ образованъ особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Московскаго митрополита Іоанникія изъ членовъ: предсѣдателя Учебнаго Комитета прот. Парвова, ректора С.-Петербургской семинаріи прот. Розанова, управл. канцеляр. Оберъ-Прокурора—Ненарокомова, помощ. его—Керскаго, ревизоровъ: Зинченко и Миропольскаго, съ возложеніемъ на послѣдняго обязанностей дѣлопроизводства. Начавъ свои работы въ концѣ апрѣля 1884 г., Комитетъ въ концѣ мая уже представилъ проекты новыхъ уставовъ. Въ опредѣленіи Святѣйшаго Сунода, утвердившемъ эти уставы, и въ объяснительной къ уставу запискѣ указывались и мотивы реформы—это выяснив-

шіяся путемъ 17-лѣтней практики нѣкоторыя неудобства устава 1867 г. По административной части однимъ изъ главныхъ недостатковъ здѣсь признается «несовмѣстное съ положеніемъ епархіальнаго архіерея, какъ главнаго начальника семинаріи, ограниченіе его власти предоставленіемъ семинарскому правленію права не соглашаться съ распоряженіями преосвященнаго и переносить затѣмъ мнѣнія обѣихъ сторонъ на судъ высшаго церковнаго правительства, что ослабляло авторитетъ архіерея предъ семинарской корпораціей, и лишая его возможности дѣйствовать начальственно, охлаждало его участіе и заботливость о семинаріяхъ». Во внутреннемъ управленіи семинаріи «выборное начало относительно начальствующихъ и другихъ должностныхъ лицъ давно уже оказалось несостоятельнымъ; выборные начальники не имѣли должной независимости и требуемыхъ ихъ положеніемъ силы и авторитета, избиратели руководились нерѣдко соображеніями и побужденіями чуждыми интересамъ заведенія, отчего въ корпораціи возникали раздоры, раздѣленіе на партіи, борьба, отвлекавшая членовъ правленія отъ исполненія прямыхъ обязанностей и препятствовавшая правильному теченію дѣлъ» [1]), самая многочисленность членовъ правленія вела къ усложненіямъ и медленности въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ.

По учебной части, «въ явное несоотвѣтствіе цѣли семинарій—приготовлять юношество къ служенію православной церкви, преобладающее мѣсто въ составѣ учебнаго курса дано не богословскимъ предметомъ, а общеобразовательнымъ;

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что имѣвшійся въ распоряженіи творцовъ устава официальный матеріалъ отнюдь не давалъ основанія для такого широкаго обобщенія; это было справедливо только относительно четырехъ, пяти семинарій. Впрочемъ, живыя преданія, идущія отъ непосредственныхъ исполнителей воли руководящихъ дѣятелей, говорятъ, что этихъ основаній и не искали; составителю объяснительной записки просто было указано свыше, какими мотивами могли бы быть обоснованы на бумагѣ новые административные порядки,—что и было исполнено имъ безъ всякихъ справокъ съ показаніями опыта.

на первые назначено только 50 уроковъ, а на послѣдніе 80; изъ первыхъ четырехъ классовъ богословскія науки почти изъяты; церковное пѣніе, столь необходимое для подготовки будущихъ служителей церкви, поставлено внѣ учебнаго времени, безъ обозначенія числа уроковъ, какъ предметъ почти ненужный; библейская исторія, сравнительное богословіе и обличеніе русскаго раскола, имѣющія несомнѣнную практическую важность для богословскаго образованія, совершенно исключены изъ семинарскаго курса; чрезмѣрное преобладаніе классическихъ языковъ нанесло ущербъ даже русской словесности, на преподаваніе которой назначено слишкомъ мало времени. Прямымъ послѣдствіемъ такой постановки обученія было оскудѣніе въ семинаріяхъ духа церковности, охлажденіе къ духовному званію».

Въ устройствѣ воспитательной части семинарій «не было обращено надлежащее вниманіе на необходимость живого и руководящаго воздѣйствія на учащихся со стороны духовныхъ ихъ отцовъ, а со стороны лицъ начальствующихъ и учащихъ не всегда въ желаемой мѣрѣ прилагались попеченія о томъ, чтобы подавать воспитанникамъ примѣръ исполненія христіанскихъ обязанностей». Въ духовныхъ училищахъ постановка учебнаго дѣла тоже оказалась не вполнѣ удовлетворительной. Главный ихъ недостатокъ—слабое знаніе учащимися грамматики роднаго языка и особенно слабость успѣховъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, имѣющемъ важное значеніе для духовнаго образованія. Равнымъ образомъ въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ училищъ не дано церковному пѣнію подобающаго мѣста и значенія въ составѣ училищнаго курса. Что касается съѣздовъ духовенства, призванныхъ къ участію въ благоустроеніи духовныхъ семинарій и училищъ чрезъ изысканіе для нихъ вспомогательныхъ матеріальныхъ средствъ, то установленіе для нихъ ежегодныхъ опредѣленныхъ сроковъ повело къ созывамъ ихъ безъ особой нужды, къ излишнему обремененію самого духовенства,

къ ущербу требоисправленій сельскихъ приходовъ и напрасной тратѣ времени и церковныхъ средствъ.

Въ устраненіе сихъ недостатковъ намѣчены слѣдующія измѣненія въ уставѣ 1867 года: I. Расширить права епархіальныхъ архіереевъ по начальственному управленію духовными семинаріями, предоставивъ имъ по личному усмотрѣнію давать семинарскимъ правленіямъ предложенія не для обсужденія только, а и къ исполненію. II. Епархіальные и окружные съѣзды духовенства предоставлены вполнѣ усмотрѣнію и распоряженію преосвященныхъ, не стѣсняя сихъ послѣднихъ указаніями о времени созыва съѣздовъ, предметахъ совѣщанія, числѣ депутатовъ, способѣ ихъ выбора. III. Окончательно отмѣнивъ въ семинаріи выборное начало, усилить и прочно установить положеніе ближайшаго ея начальника—ректора. Въ сихъ видахъ сохранить въ силѣ и впредь состоявшіяся распоряженія относительно назначенія ректора и инспектора Святѣйшимъ Сѵнодомъ по личному его усмотрѣнію и по представленію епархіальныхъ преосвященныхъ. Внести въ новый уставъ состоявшееся уже распоряженіе, въ силу котораго назначеніе преподавателей и помощниковъ инспектора семинаріи совершается при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Сѵнодомъ по представленіямъ совѣтовъ духовныхъ академій, а въ теченіе учебнаго года г. Сѵнодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ по докладамъ Учебнаго Комитета. Опредѣленіе остальныхъ служащихъ предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ по представленіямъ семинарскихъ правленій. Выборы членовъ семинарскихъ правленій изъ среды наставниковъ замѣнить непосредственнымъ назначеніемъ ихъ епархіальнымъ преосвященнымъ; число членовъ правленія изъ преподавателей сократить до 3, а изъ духовенства—до 2.

По учебной части: въ видахъ приведенія духовныхъ семинарій въ болѣе близкое соотвѣтствіе прямой ихъ цѣли а) увеличить число уроковъ для богословскихъ предме-

товъ, особенно для Свящ. Писанія и церковной исторіи, б) пополнить богословскій курсъ введеніемъ преподаванія библейской исторіи, сравнительнаго богословія и обличенія русскаго раскола, в) церковное пѣніе сдѣлать предметомъ общеобязательнымъ, съ введеніемъ уроковъ по сему предмету въ нормальное росписаніе, г) ввести нѣкоторые богословскіе предметы въ низшіе классы семинаріи, д) число уроковъ по классическимъ языкамъ сократить, сохранивъ однако за ними первое мѣсто въ ряду общеобразовательныхъ предметовъ, и поставить ихъ преподаваніе такимъ образомъ, чтобы учащіеся, не ограничиваясь пріобрѣтеніемъ грамматическихъ знаній, входили въ духъ языка и достигали свободнаго чтенія классиковъ, е) въ цѣляхъ развитія въ ученикахъ лучшаго умѣнья писать сочиненія, увеличить число уроковъ по русской словесности, ж) для болѣе основательнаго изученія русской исторіи прибавить одинъ урокъ на преподаваніе гражданской исторіи, з) въ замѣнъ обзора философскихъ ученій, непосильнаго, какъ показалъ опытъ, для учениковъ и не достигающаго цѣли, ввести начальныя основанія и краткую исторію философіи, имѣющую служить пропедевтическимъ и вспомогательнымъ средствомъ къ основательному уразумѣнію основного богословія, и) новые языки, имѣющіе значеніе главнымъ образомъ для воспитанниковъ, поступающихъ въ академіи, отнести къ числу предметовъ необязательныхъ, преподаваемыхъ во внѣклассное время, і) отмѣнить преподаваніе педагогики, какъ недостигшей еще надлежащаго развитія, оставить въ семинарскихъ курсахъ одну дидактику, такъ какъ она, сообщая свѣдѣнія объ улучшенныхъ методахъ преподаванія, можетъ принести несомнѣнную и немалую пользу при практическихъ занятіяхъ въ образцовыхъ школахъ, к) космографію и тригонометрію исключить изъ состава семинарскаго курса.

По воспитательной части, въ видахъ содѣйствія религіозно-нравственному воспитанію а) учредить при семи-

наріи должность священника семинарской церкви, который бы состоялъ вмѣстѣ и духовникомъ воспитанниковъ, б) ввести въ самый уставъ духовныхъ семинарій, какъ и въ училищный, указаніе на необходимость, чтобы начальствующія и учащія лица подавали учащимся примѣръ точнаго и сердечнаго выполненія христіанскихъ обязанностей.

При пересмотрѣ устава духови. училищъ—1) оставивъ нынѣшній личный составъ училищнаго правленія безъ измѣненія, назначеніе члена изъ учителей предоставить епархіальному преосвященному, 2) опредѣленіе смотрителя и его помощника предоставить Святѣйшему Сѵноду по представленіямъ епархіальныхъ преосвященныхъ, 3) опредѣленіе учителей предоставить при началѣ учебнаго года Святѣйшему Сѵноду, по представленіямъ академическихъ совѣтовъ, а въ теченіе года г. Сѵнодальному Оберъ-Прокурору, по представленіямъ Учебнаго Комитета, 4) для усиленія воспитательнаго надзора, дозволить въ училищахъ имѣть надзирателей изъ студентовъ семинаріи, утверждаемыхъ преосвященнымъ по представленіямъ смотрителя. *По учебной части,* въ виду важнаго значенія русскаго и церковно-славянскаго языка и для возвышенія успѣховъ обученія этимъ предметамъ, увеличить число назначенныхъ на нихъ уроковъ до 19; б) число уроковъ по классическимъ языкамъ сократить до 32; в) сдѣлать церковное пѣніе предметомъ обязательнымъ, увеличивъ число уроковъ.

Въ печати промелькнуло мнѣніе, что всѣ эти перемѣны вызваны упадкомъ духовной школы, который будто бы обнаружился къ концу 1870 гг. Начиная съ 1878 и по 1881 гг. включительно, т. е. какъ разъ въ періодъ, когда была предрѣшена окончательная перемѣна педагогической системы, производились усиленныя ревизіи духовныхъ семинарій; за эти 4 года обревизовано около 50 семинарій. Трудно предположить, чтобы изъ такого количества заведеній, даже въ періодъ наиболѣе благопріятнаго положе-

нія школы, не нашлось нѣсколькихъ заведеній, пришедшихъ по тѣмъ или инымъ случайнымъ причинамъ въ упадокъ. Нѣсколько такихъ семинарій было и въ 1877—1881 гг., но ихъ было такое ограниченное количество и причины упадка были такъ ясны, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить на счетъ уставу 1867 г. Въ наиболѣе печальномъ положеніи находилась въ это время Томская семинарія, доставившая много хлопотъ центральному вѣдомству; семинарія была поздно преобразована, и въ 1879 г. дореформенное начальство ея практиковало еще старые методы воспитанія, состоявшіе въ отеческомъ поощреніи инспекторскою тростью и въ усиленномъ развитіи шпіонства; подборъ корпораціи былъ крайне неудачный, что въ значительной степени объяснялось трудностью найти кандидатовъ въ такую отдаленную семинарію. Раздоры въ правленіи Томской семинаріи, неблагопріятно отражавшіеся на воспитаніи, и подали ближайшимъ образомъ поводъ къ отмѣнѣ выборнаго начала. Въ печальномъ состояніи находилась воспитательная часть въ Пермской семинаріи, опять таки поздно преобразованной и отличавшейся распущенностью еще въ 1860 гг.; ректоръ арх. Іеронимъ, при своемъ соблазнительномъ образѣ жизни, едвали могъ содѣйствовать улучшенію педагогическаго дѣла. Въ состояніи упадка находилась воспитательная часть въ Воронежской и Рижской семинаріи, въ послѣдней съ начала 1870 гг. Кромѣ этихъ четырехъ семинарій, замѣтные недочеты въ постановкѣ воспитательной части были отмѣчены въ Уфимской, Волынской, Черниговской и Костромской семинаріяхъ; въ послѣднихъ четырехъ неудачный подборъ администраціи нѣсколько ослабилъ дисциплину;—но такихъ семинарій не меньше было и въ началѣ 1870 гг. и во много разъ больше при дѣйствіи устава 1884 г. Въ остальныхъ же семинаріяхъ отчеты отмѣчаютъ или положительное улучшеніе воспитательнаго дѣла, или болѣе общо указываютъ на ихъ удовлетворительное состояніе. Въ упрекъ разсматриваемому періоду и въ

защиту мѣры 1879 г. указывали обычно на тѣ страшныя опустошенія, которыя производило въ духовныхъ семинаріяхъ право свободнаго выхода въ университетъ. Полныхъ и точныхъ свѣдѣній для освѣщенія этой стороны дѣла въ архивахъ духовныхъ семинарій и духовныхъ консисторій не сохранилось. Но представленныя въ Учебный Комитетъ данныя отъ 35 семинарій показываютъ, что изъ всего состава IV класса уходило въ высшія учебныя заведенія въ среднемъ нѣсколько менѣе 27%. Причемъ, для отдѣльныхъ семинарій этотъ процентъ повышается до 50 и преимущественно для тѣхъ, гдѣ ощущался избытокъ окончившихъ курсъ и приходилось долго ждать мѣста, какъ напр. для Владимирской; — для другихъ же понижался до 7%. Если имѣть въ виду, что, насколько можно судить по представленнымъ 16 семинаріями даннымъ, въ концѣ 1890 гг. по окончаніи курса уходило въ другія вѣдомства около 20% окончившихъ курсъ, и ранѣе этотъ % не падалъ ниже 10%, то опустошенія, производимыя правомъ свободнаго выхода, едвали можно считать такими уже страшными.

На слѣдующій же годъ послѣ утвержденія этой такъ спѣшно составленной реформы 1884 г. оказались крупные недосмотры, которые заставили вновь видоизмѣнить учебный планъ духовныхъ семинарій. Въ 1886 г., послѣдовалъ особый всеподданнѣйшій докладъ, которымъ произведены нѣкоторыя измѣненія въ новомъ уставѣ,—такъ, выдѣлена въ особую каѳедру соединенная было съ церковной исторіей «исторія и обличеніе раскола» съ присоединеніемъ къ этой же каѳедрѣ обличительнаго богословія; здѣсь же, между прочимъ, была признана возможность дѣлить жалованье помощника инспектора между двумя преподавателями или предоставлять одному, съ возложеніемъ обязанностей по сей должности. Принимая во вниманіе и дополнительныя видоизмѣненія, весь учебный планъ по дѣйствующему уставу представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

Для семинарій: классы:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Итого.
Священное Писаніе . .	4	2	4	3	3	3	19
Русская словесн. съ ист. литературы . .	4	4	3	—	—	—	11
Греческій языкъ . . .	4	4	2	2	1	1	14
Латинскій языкъ . . .	4	4	2	2	1	1	14
Математика	3	3	3	—	—	—	9
Физика	—	—	—	3	—	—	3
Исторія всеобщ. и русск.	3	3	3	—	—	—	9
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Психологія	—	—	—	2	—	—	2
Начальн. основ. и кратк. ист. филос. . . .	—	—	—	3	—	—	3
Церковн. истор., библ. и ист. русск. церк. .	—	2	3	3	2	1	11
Обличит. богосл., истор. и облич. русск. раск.	—	—	—	—	2	5	7
Литургика	—	—	—	1	2	—	3
Гомилетика.	—	—	—	2	1	1	4
Основное богословіе . .	—	—	—	1	2	—	3
Догматическое богословіе	—	—	—	—	3	3	6
Нравственное богословіе	—	—	—	—	—	2	2
Практическ. руков. для сельск. паст. . . .	—	—	—	—	2	2	4
Дидактика	—	—	—	—	1	1	2
Церковное пѣніе . . .	1	1	1	1	1	1	6
Итого . . .	23	23	23	23	21	21	134

Примѣчаніе. Французскій, нѣмецкій и еврейскій языки, иконописаніе и гимнастика полагаются внѣ класснаго времени.

Для духовн. училищъ: классы:	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Священная исторія Ветх. Зав. . .	3	—	—	—	6
Священная исторія Нов. Зав. . .	—	3	—	—	

	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Катихизисъ	—	—	3	—	6
Окончат. катихиз. и церковн. уставъ съ кратк. изъясн. богослуж. .	—	—	—	3	
Русскій языкъ съ церк.-слав. . .	10	3	3	3	19
Греческій языкъ	—	5	5	6	16
Латинскій языкъ	—	5	6	5	16
Ариѳметика	4	3	2	2	11
Географія.	—	—	3	3	6
Церковное пѣніе	4	2	1	1	8
Чистописаніе.	2	2	—	—	4
Итого	23	23	23	23	92

По сравненію съ предшествующими и послѣдующими циркулярными распоряженіями, самый уставъ производитъ все же болѣе благопріятное впечатлѣніе. Какъ результатъ коллективной работы опытныхъ въ педагогическомъ отношеніи лицъ, хотя и находившихся подъ дамокловымъ мечомъ данныхъ свыше инструкцій, онъ отличается хотя нѣкоторою приноровленностью къ требованіямъ жизни. Такъ, въ реформахъ по учебной части онъ пытается исправить дѣйствительные недочеты устава 1867 г.,—старается ввести въ надлежащія рамки получившій слишкомъ широкое преобладаніе классицизмъ, дополняетъ учебный планъ нѣкоторыми необходимыми богословскими доктринами (обличит. богосл. и расколъ), имѣвшими несомнѣнно важное по времени практическое значеніе; обращаетъ вниманіе на ненормальную постановку церковнаго пѣнія; увеличиваетъ слишкомъ ограниченное число уроковъ по Св. Писанію, словесности и исторіи. Но на ряду съ этимъ уставъ совершенно безцѣльно сокращаетъ философскія доктрины, которыя несомнѣнно менѣе понятны при краткомъ бѣгломъ изложеніи, выбрасываетъ болѣе живую и интересную часть математическихъ наукъ, педагогику и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя не отмѣтить какого-то курьезнаго недоразумѣнія—вы-

брасывается общая часть программы, составляющая необходимое введеніе къ дидактикѣ, и оставляются одни методическія правила.

Творцы новаго устава вѣрно отмѣтили и главный крупный недочетъ предыдущаго устава—въ полномъ выдѣленіи богословскихъ доктринъ изъ общеобразовательныхъ классовъ. Для исправленія этого недочета слѣдовало бы перенести приносившій слишкомъ мало пользы для общаго богословскаго образованія и слишкомъ мало интересный для учениковъ курсъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта въ спеціальные классы и заполнить образовавшееся пустое мѣсто такими богословскими предметами, которые могли бы захватить вниманіе воспитанника и помочь ему въ трудный періодъ выработки міросозерцанія. Уставъ 1884 г. поступилъ обратно: оставивъ по прежнему Ветхій Завѣтъ, онъ внесъ въ общеобразовательные классы какъ разъ такіе богословскіе предметы, которые при сжатомъ, бѣгломъ прохожденіи не могли принести ничего положительнаго въ міросозерцаніе, имѣли практически прикладной характеръ и были мало интересны съ точки зрѣнія общаго образованія. Таковы въ первомъ случаѣ библейская исторія, въ научномъ изложеніи недоступная для воспитанника 2 класса, а въ простомъ бѣгломъ изложеніи представляющая скучное повтореніе свящ. исторіи, церковная исторія съ безконечнымъ перечисленіемъ ересей безъ всякаго ихъ опроверженія; во второмъ — гомилетика и литургика. Исключеніе составляетъ основное богословіе, 1 урокъ котораго внесенъ въ 4 классъ, между тѣмъ какъ именно этотъ предметъ въ доступномъ изложеніи и долженъ бы сопровождать ученика по пути образованія его міровоззрѣнія.

Неудивительно, что при такомъ нецѣлесообразномъ способѣ исправленія недочетовъ предыдущаго устава, его неблагопріятное вліяніе только усилено новымъ уставомъ. Знакомясь съ богословіемъ сначала въ наиболѣе сухихъ и неинтересныхъ доктринахъ, при отсутствіи положительныхъ религіозныхъ

вліяній, воспитанники не получали расположенія къ этой области знанія, выходили съ слабою вѣрою, или даже невѣрующими и во всякомъ случаѣ мало расположенными къ пастырскому служенію.

Для направленія всей семинарской науки къ развитію церковности, въ циркулярѣ по духовно-учебному вѣдомству (№ 1) отпечатано распоряженіе Оберъ-Прокурора, повторяющее главныя мысли извѣстнаго указа (1838 г.) протасовскихъ временъ о необходимости проводить во всѣхъ классахъ съ особою силою одну и ту же мысль о всеуправляющемъ провидѣніи Божіемъ и оттѣнять только тѣ чувства, которыя возбуждаютъ благоговѣніе къ Богу. Прекрасная мысль,—но когда она ставится предуставленной задачей преподаванія каждаго предмета, то тенденціозность преподаванія, не укрывающаяся отъ глазъ ученика, производитъ совершенно обратный желаемому результатъ; несомнѣнно, попытки тенденціознаго освѣщенія предмета, замѣчаемыя учениками, пагубно дѣйствовали на ихъ энергію къ занятіямъ. Одному изъ ревизоровъ (Мин. семинаріи) удалось подмѣтить характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Указывая «на усиленный интересъ воспитанниковъ къ отрицательной литературѣ», на особую любовь къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Щедрина, которыя добываются за стѣнами семинаріи, ревизоръ отмѣчаетъ, что находившіеся въ ученической библіотекѣ сочиненія либеральнаго характера—Грановскаго, Кавелина, Рѣдкина—не читались воспитанниками. Ревизоръ дѣлаетъ отсюда выводъ, что въ данномъ случаѣ фактъ запрета возбуждаетъ обостренный интересъ къ книгѣ. Но здѣсь важнѣе кажется то, что фактъ случайнаго пропуска книги сквозь цензуру начальства дѣлаетъ ее въ глазахъ семинариста безцвѣтной. Насколько, значитъ, сильна подозрительность учащихся и увѣренность ихъ въ крайней и односторонней тенденціозности семинарской науки.

Не менѣе печально должны были отразиться на духовной школѣ и новые административные порядки, въ особен-

ности устраненіе большей части преподавателей отъ всякаго участія въ исправленіи учебно-воспитательнаго дѣла. Видя свое безсиліе тѣмъ или инымъ участіемъ содѣйствовать благоустройству заведенія, преподаватели стали формально относиться со своимъ обязанностямъ, а что еще хуже—къ самимъ ученикамъ. Отмѣченное выше подозрительное отношеніе составлявшихъ инструкціи и наказы центральныхъ властей даже къ такому дѣлу, какъ руководство внѣклассными чтеніемъ воспитанниковъ, мелочной контроль каждаго шага и постоянные доносы Преосвященному о малѣйшемъ поступкѣ или словѣ преподавателя, показавшемся подозрительномъ ректору,—все это только больше побуждало наставниковъ къ осторожному, холодно чиновному отношенію къ дѣлу. О поучительномъ примѣрѣ ученикамъ тутъ конечно не могло быть и рѣчи,—наоборотъ, подъ вліяніемъ этой системы недовѣрія и подозрительности самое настроеніе корпораціи становилось нежелательнымъ, порою не церковнымъ; что дѣйствовало раздражающимъ образомъ на юношей, то хотя и въ меньшей мѣрѣ, но дѣйствовало и на взрослыхъ. И это тѣмъ болѣе, что кадры преподавателей теперь стали образовываться изъ тѣхъ подневольныхъ служителей вѣдомства православнаго исповѣданія, которые шли въ духовную академію не по любви къ богословской наукѣ, а спасаясь отъ рясы, и пошли на духовноучебную службу только потому, что трудно найти мѣсто въ другихъ вѣдомствахъ.

Общіе результаты въ воспитательномъ и административномъ отношеніи произведенныхъ въ 1880 гг. частичныхъ и общихъ реформъ духовно-учебныхъ заведеній прекрасно выясняются имѣющимся въ наличности офиціальнымъ матеріаломъ—отчетами ревизоровъ.

Наиболѣе интереснымъ періодомъ является не промежуточное, переходное время начала 1880 гг., когда вмѣстѣ съ новыми предписаніями продолжала оказывать свое вліяніе старая закваска и въ значительномъ большинствѣ учебныхъ

заведеній сидѣли еще прежнія выборныя административныя лица, а время конца 1880 и первой половины 1890 гг., когда новый уставъ успѣлъ уже сказаться несомнѣнными результатами. Именно въ это время, въ виду участившихся крупныхъ безпорядковъ въ семинаріяхъ, и было обращено на нихъ особенное вниманіе общества. Если собрать то, что писалось въ печати съ несомнѣннымъ заимствованіемъ изъ офиціальныхъ данныхъ, то картина состоянія учебно – воспитательнаго дѣла получится самая безотрадная,—это картина полнаго разрушенія школы.—Нужно замѣтить, что въ значительномъ числѣ случаевъ частныя свѣдѣнія давали нѣсколько сгущенное изображеніе. За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать крупнаго упадка школы, совершившагося подъ несомнѣннымъ вліяніемъ новаго устава.

Корпораціи духовно-учебныхъ заведеній стоятъ на высотѣ своего назначенія, но успѣхи и общее развитіе въ общемъ слабо,—вотъ обычный типичный отзывъ всѣхъ ревизорскихъ отчетовъ за первую половину 1890 гг. Экзаменующіеся отвѣчали порядочно, но если присмотрѣться, то все это взято памятью, большими стараніями надъ изученіемъ учебника, пониманіе же связи отдѣльныхъ частей слабое,—вотъ обычное резюме отчетовъ академическихъ экзаменаціонныхъ комиссій. Стараясь объяснить причину этого на первый взглядъ непонятнаго явленія, ревизоры или сваливаютъ все на неподготовленность къ семинарскому курсу оканчивающихъ курсъ училища, или безнадежно киваютъ «на широту семинарскаго курса» и «на обширность программъ». И только въ нѣкоторыхъ случаяхъ прорывается сознаніе, что малоуспѣшность зависитъ отъ того, что у преподавателей не видно «ни единства системы, ни дружнаго воздѣйствія, а все сводится къ простому формализму», что среди воспитанниковъ такое настроеніе, которое не создаетъ привычки и охоты работать. А между тѣмъ именно это послѣднее обстоятельство и являлось главною причиною. Плохая подготовка училища

могла сказаться на первыхъ двухъ низшихъ классахъ, но не дальше; съ широтой программъ можно было бы бороться путемъ разумныхъ сокращеній подробностей и сухихъ мелочей. Но этого не видимъ, или видимъ только въ рѣдкихъ случаяхъ; изъ отчетовъ экзаменаціонныхъ академическихъ комиссій видно, что во многихъ семинаріяхъ по отдѣльнымъ предметамъ не успѣвали проходить изъ года въ годъ цѣлой $^1/_4$, иногда даже $^1/_3$ программы, по свящ. писанію, напримѣръ, воспитанникамъ оставались неизвѣстными цѣлыя книги (Дѣяній, Апокалипсисъ, послѣднія по порядку посланія апост. Павла, книги малыхъ пророковъ и мн. др.), по общей церковной исторіи цѣлые періоды (послѣ реформаціи). И тѣмъ не менѣе преподаватели не старались избѣжать этого зла соотвѣтственнымъ сокращеніемъ болѣе мелочныхъ и неважныхъ свѣдѣній въ первыхъ $^3/_4$ или $^2/_3$ курса, а механически изъ года въ годъ шли по учебнику.

Тамъ, гдѣ курсъ кое-какъ, бѣгло успѣвали пройти до конца, но такъ, что воспитанники усваивали его болѣе механически, чѣмъ сознательно,—преподавателямъ представлялась полная возможность добиться болѣе прочнаго сознательнаго усвоенія, опустивши излишнія подробности и менѣе важные пункты. Ревизоръ Вятской семинаріи совершенно справедливо отмѣтилъ, что въ малоуспѣшности виноваты учителя: «одинъ и тотъ же воспитанникъ у одного преподавателя получаетъ единицу, а у другого 4; учитель можетъ возбуждать въ ученикѣ энергію, можетъ и убивать ее». Но этой-то возбуждающей энергіи работы преподавателей и не было видно. Застой въ семинарской наукѣ сказался въ отсутствіи новыхъ опытовъ составленія учебниковъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которые могли бы съ успѣхомъ устранить устарѣвшіе.

Несмотря на то, что и отрицательная наука предъявляла новые запросы, и положительная богословская литература изъ года въ годъ обогощалась разными оригинальными и переводными трудами, въ школьномъ мірѣ оставались прежніе учеб-

ники, царили тѣ же «Макарій», «Солярскій», «Августинъ», «Евгр. Смирновъ», «Ѳаворовъ», «Лебедевъ», «Иловайскій» и т. п.

На нравственномъ и въ частности религіозно-нравственномъ воспитаніи новый уставъ отразился особенно печально. Система «строгихъ взысканій», бдительнаго надзора и затвора, смѣнившая гуманную, чуждую крайняго формализма тактику воспитательнаго журнала 1871 г. озлобили воспитанниковъ. Почти исчезнувшій бурсацизмъ и грубые проступки воскресаютъ въ формахъ, которыхъ не знало даже дореформенное время. Въ этой части разстройство начинаетъ обнаруживаться значительно раньше. Во второй половинѣ 1880 гг. уже сказались печальные симптомы упадка школы. Такъ еще въ 1886 г. въ Донской семинаріи произошли крупные безпорядки, сопровождавшіеся битьемъ лампъ, бросаньемъ кирпичей въ квартиру ректора и въ помощника инспектора (ушибъ ноги). Религіозное воспитаніе въ этой семинаріи пало до того, что «молитвы забыли», а общее настроеніе было таково, что въ виду пріѣзда въ Новочеркасскъ особъ Царской фамиліи возникали серьезныя опасенія того, что воспитанниками именно въ этотъ день будутъ произведены какіе-либо безпорядки. Во второй половинѣ 1880 гг. ревизіи назначались въ значительно меньшемъ количествѣ и тѣмъ не менѣе онѣ отмѣчаютъ цѣлый рядъ другихъ семинарій, гдѣ воспитательное дѣло находилось въ печальномъ состояніи, гдѣ или было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ преподавателю или надзирателю, или ученики «отказались ближе ознакомиться съ содержаніемъ богослужебныхъ книгъ», или выбивали стекла кирпичемъ инспектору, или вообще устраивали демонстраціи; нѣкоторыя семинаріи прямо назывались распущенными. Въ одной семинаріи въ квартиру ревизора ворвался юноша съ вызывающей фразой: «скажите, есть ли на землѣ справедливость?» Ревизоръ принужденъ былъ вступить съ нимъ въ разговоръ, въ которомъ оказавшійся далеко не глупымъ бывшій воспитанникъ указалъ на полный

упадокъ заведенія, и показанія его подтвердились справками и наблюденіями ревизора. Въ очень рѣдкихъ отчетахъ отмѣчается вполнѣ удовлетворительное состояніе воспитательной части. Такимъ образомъ уже во вторую половину 1880 гг. начинаетъ проявляться паденіе дисциплины и усиленіе проступковъ. Нѣкоторые отчеты прямо и отмѣчаютъ пониженіе нравственнаго уровня воспитанниковъ. Но значительно дальше печальный процессъ упадка пошелъ въ 1890 гг.

Почти всѣ ревизорскіе отчеты этой поры отмѣчаютъ, что надзоръ въ семинаріяхъ ведется строгій, что «внимательное око надзирателей дѣйствительно слѣдитъ за каждымъ шагомъ питомца», но, тѣмъ не менѣе, выводъ получается самый печальный: воспитанники предаются пьянству, а иногда и распутству «солдатскаго пошиба», «свободно бродятъ по ночамъ», заставляя молодую женскую прислугу спасаться бѣгствомъ или кричать на весь городъ о помощи, заходятъ въ «извѣстныя мѣста», а по возвращеніи въ семинарію производятъ буйство (отч. Черниг., Тульск., Смоленск. и др.). Къ этимъ старинымъ порокамъ дореформенной бурсы присоединяется упорная наклонность къ своеволію и какъ типичная черта—дерзость къ учащему персоналу и инспекціи, доходящая неоднократно до оскорбленія ректора и членовъ инспекціи дѣйствіемъ и даже до покушенія на ихъ жизнь; кромѣ того, значительно усилилось воровство и участились случаи грубой расправы съ товарищами. Какъ новую типичную черту, слѣдуетъ отмѣтить наклонность къ преступнымъ демонстраціямъ, коллективнымъ отказамъ отъ исполненія уроковъ, посѣщенія богослуженія. Демонстраціи и безпорядки часто сопровождались битьемъ стеколъ, лампъ, порчей партъ и другой мебели и такимъ буйствомъ, для укрощенія котораго приходилось обращаться къ помощи войскъ. Какъ на отличительную черту въ настроеніи семинаристовъ, большинство ревизорскихъ отчетовъ указываетъ на значительное пониженіе религіозно-нравственнаго на-

строенія и наклонность къ увлеченію отрицательными теченіями. Уклоненіе отъ богослуженія и отъ молитвы, неблагоповеденіе въ церкви, демонстраціи противъ продолжительности богослуженія, занимаютъ по количеству случаевъ первое мѣсто въ инспекторскихъ запискахъ ученическихъ проступковъ (Подольск., Минск., Тульск., Орловск., Смоленск., Харьковск., Могилевск. и др.); во многихъ случаяхъ указываютъ примѣры увлеченія отрицательными теченіями и даже случаи ареста; неоднократные случаи попытокъ самоубійства и совершившихся самоубійствъ также указываютъ на несоотвѣтствующее настроеніе воспитанниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что означенная печальная картина состоянія воспитательной части относится только къ семинаріямъ. Въ духовныхъ училищахъ, хотя порою и замѣтны были нестроенія и распущенность, вслѣдствіе неудачнаго подбора начальствующихъ лицъ и воспитателей, но общее состояніе воспитательной части оставалось удовлетворительнымъ съ нѣкоторымъ все же усиленіемъ грубыхъ шалостей и проступковъ.

Останавливаясь на выясненіи причинъ печальнаго состоянія воспитательной части, ревизоры указываютъ на недостатки административныхъ лицъ и воспитательнаго персонала. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно, что замѣна выборнаго начала административнымъ назначеніемъ привела къ ухудшенію, а не улучшенію администраціи [1]). И это понятно: тѣ лица, отъ которыхъ зависѣло назначеніе, стояли слишкомъ далеко отъ школы, не смотря на искреннее желаніе знать ее ближе; по количеству другихъ обязанностей они должны были ограничиваться лишь поверхност-

[1]) Это нужно особенно отмѣтить въ виду распространяемаго мнѣнія, что раздоры и плохой составъ корпорацій во время дѣйствія уст. 1867 г. привели школу къ упадку. Очевидно, если даже предположить, что выборы начальствующихъ лицъ давали плохіе результаты, то система назначенія была поставлена еще менѣе удовлетворительно.

нымъ знакомствомъ со школой и тѣми лицами, которыя служатъ въ ней, и то чаще со словъ другихъ. Еще въ болѣе далекомъ отношеніи къ школѣ стояло само центральное вѣдомство, знавшее ее только по офиціальнымъ отчетамъ самихъ же начальствующихъ лицъ и по сравнительно рѣдкимъ ревизіямъ. За разсматриваемый періодъ ревизоры заставали духовныя семинаріи въ двухъ положеніяхъ: или онѣ представлялись распущенными настоящимъ начальствомъ, или оно пожинало плоды такой же печальной дѣятельности своихъ ближайшихъ предшественниковъ и употребляло всѣ, порою безплодныя, усилія къ возстановленію нарушеннаго порядка. Въ предыдущій періодъ во главѣ учебныхъ заведеній, если не много было лицъ съ особенными дарованіями и талантами,—то всюду отмѣчался извѣстный тактъ и педагогическая сноровка, извѣстный авторитетъ ихъ въ заведеніи. При дѣятельной помощи всей корпораціи эти люди со средними способностями все же удовлетворительно вели дѣло. Теперь же, когда на первый планъ все чаще стали выступать протекція и случайныя родственныя связи, на отвѣтственномъ посту ректора стали, какъ заурядное явленіе, появляться люди «съ незначительными умственными силами и небогатыми свѣдѣніями», «слабые въ строго логическомъ мышленіи и не показывающіе при всемъ томъ усердія къ занятіямъ», «недалекіе и мало свѣдущіе», «не обладающіе ни твердостью воли, ни прямотою дѣйствій»; «нервозные, не въ мѣру властолюбивые», «порывистые и первые въ дѣйствіяхъ»; ректоры, способные на клевету, чтобы обѣлить себя,—ничтожные во всѣхъ отношеніяхъ настолько, что вызывали полупрезрительное отношеніе корпораціи. Эти лица направляли всѣ усилія къ тому, чтобы представить состояніе заведенія преосвященнымъ въ ложномъ свѣтѣ, и будучи единственными докладчиками, часто успѣвали въ этомъ. Обремененные неимовѣрнымъ количествомъ дѣлъ по епархіи (особенно по епархіямъ большимъ, гдѣ больше и духовно-учебныхъ заведеній),

преосвященные поневолѣ довѣрялись этимъ лицамъ и часто невольно приносили ущербъ педагогическому дѣлу, а иногда, ставили и себя въ неловкое положеніе предъ высшею властью или подписывая постановленія, несогласованныя съ закономъ, или вступая въ напрасныя пренирательства съ ревизорами, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдніе основывались на фактическомъ матеріалѣ (въ Екатериносл., напр., епархіи), или отстаивая недобросовѣстныхъ поставщиковъ (Литовск. еп.), или наполняя семинарію неблагонадежными воспитанниками (Вологодск.); въ большинствѣ случаевъ при разслѣдованіи ревизорами исторіи безпорядковъ, они впервые отъ ревизора узнавали о томъ, что давно должно было быть извѣстно мѣстному преосвященному. Такая коллекція и инспекторовъ семинарій и смотрителей училищъ, конечно, могла способствовать только дальнѣйшему упадку дѣла воспитанія.

Но все же слѣдуетъ отмѣтить, что неудачи отдѣльныхъ администраторовъ зависѣли не отъ однихъ ихъ личныхъ качествъ, а отъ такого измѣненія самаго положенія дѣла управленія, когда вся тяжесть его падала на плечи главнымъ образомъ ректора и инспектора семинаріи, между тѣмъ какъ прежде она распредѣлялась между всѣми членами корпораціи. Это чувство личной, а не корпоративной отвѣтственности за все, усиливающее, конечно, опасность служебныхъ непріятностей, въ широкихъ размѣрахъ развило одно весьма печальное явленіе, составляющее типичную черту «политики» семинарской администраціи 1890 г.г.,—это укрывательство ученическихъ поступковъ и фальсифицированіе офиціальныхъ отчетовъ. Во многихъ случаяхъ эта нехитрая механика сходила съ рукъ, и семинаріи числились благополучными, во многихъ случаяхъ этому благополучію вѣрили и ревизоры. Наиболѣе внимательные изъ нихъ все же недовѣрчиво относились къ отсутствію записей крупныхъ проступковъ. Но вотъ, въ благополучныхъ семинаріяхъ начинались безпорядки, тѣ или иные воспитанники производили возмутительныя безобразія,

пріѣзжалъ ревизоръ, и тогда растерявшаяся администрація раскрывала свои карты, и оказывалось, что за воспитанниками числится по памяти цѣлый рядъ грубыхъ выходокъ, сходившихъ имъ съ рукъ и даже не отмѣченныхъ въ кондуитной книгѣ и, конечно, и въ годовомъ отчетѣ. Это печальное явленіе отмѣчено не какъ рѣдкое, но какъ типичное, почти повсюдное.

Во избѣжаніе раздѣленій, безконечныхъ споровъ и партійности новый уставъ сократилъ составъ педагогическихъ собраній и поставилъ его въ зависимость отъ назначенія преосвященнаго,—фактически въ большинствѣ случаевъ это значило—отъ выбора и представленія ректора. На дѣлѣ это не только не внесло умиротворенія въ жизнь корпорацій, но усилило вражду и партійность, раздоры и интриги тамъ, гдѣ ихъ было меньше. Антагонизмъ и часто ожесточенный между членами правленій и отдѣльными лицами корпораціи отмѣчается въ этотъ періодъ чаще, чѣмъ въ предыдущій и принимаетъ порою болѣе низкія, некрасивыя формы. Дѣло Екатеринославское, Тульское и др. обнаружили весьма низкія попытки ректоровъ очернить въ глазахъ преосвященнаго неблагоугодныхъ имъ лицъ. При чемъ въ одномъ случаѣ ректоръ унижался даже до подслушиванія въ замочную скважину во время урока нелюбимаго имъ преподавателя, надѣясь услышать какое либо неосторожное слово, сказанное имъ ученикамъ. Можно судить, какое впечатлѣніе производила на воспитанниковъ эта картина сыска, производимаго на ихъ глазахъ.

Необходимо отмѣтить, что сокращеніе состава правленій печально сказалось и на самомъ рѣшеніи дѣлъ. Указываютъ на необдуманность и нетактичность постановленій правленія въ отношеніи къ ученикамъ, что отражалось на настроеніи всей семинаріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чувствовалась нѣкоторая случайность и жесткость рѣшеній, не щадившихъ, напримѣръ, материнскаго горя и чувства тамъ, гдѣ это можно

было бы сдѣлать. Въ одной семинаріи, гдѣ инспекція оказалась безсильной уличить воспитанника въ присвоеніи (м. б. временномъ) чужой вещи, виновнаго заставила сознаться въ этомъ и раскаяться его мать, бѣдная больная вдова съ многочисленной семьей. Въ правленіи оказались голоса, требовавшіе немедленнаго увольненія раскаявшагося мальчишки,—большинство стояло за то, чтобы его помиловать. Утвержденнымъ оказалось мнѣніе меньшинства, и бѣдная старуха явилась такимъ образомъ причиной непоправимаго несчастья своего сына. «Я видѣлъ эту несчастную мать,—пишетъ ревизоръ,—худая, изможденная, едва держась на ногахъ, она падала на колѣна и просила о милости. Я конечно ничего не могъ ей сдѣлать, но образъ ея долго преслѣдовалъ меня,—это воплощенная скорбь и отчаяніе. Малыя дѣти ея сидятъ голодныя дома, а она здѣсь думаетъ чего-нибудь добиться... Не мало, продолжаетъ онъ, исключено было воспитанниковъ за нетрезвость. Это все роковыя жертвы системы послабленія и укрывательства»... (Тульск. епар.). Вмѣсто сердечныхъ и правдивыхъ отношеній сталъ господствовать холодный канцеляризмъ. По вопросу о дезинфекціи «трехъ халатовъ» возникала цѣлая гора переписки, писались на многихъ листахъ отписки; такимъ характеромъ тяжелаго формализма отзывались и отношенія правленій семинарій къ духовнымъ училищамъ.

Тотъ же сухой формализмъ сковывалъ и жизнь воспитанниковъ; каждый шагъ долженъ быть размѣренъ, каждое движеніе напередъ разсчитано,—иначе попадешь подъ замѣчаніе. «Тихо прочиталъ молитву,—запишутъ въ кондуитъ, стоялъ въ шапкѣ въ швейцарской,—тоже; прислонился къ стѣнѣ во время молебна или опоздалъ на спѣвку, запишутъ; ѣлъ сѣмячки отъ подсолнечника на улицѣ—лишатъ отпуска въ городъ до усмотрѣнія» (ср. Циркул. по духовн. учебн. вѣдомству. № 11, стр. 52). Учебный Комитетъ, обратившій вниманіе на этотъ «бездушный формализмъ», чуждый «живого вліянія на лич-

ность воспитывающагося», этимъ не измѣнилъ, конечно, системы. А между тѣмъ внимательные ревизоры прямо заявляютъ въ своихъ отчетахъ, что этотъ слишкомъ бдительный формальный надзоръ «озлобляетъ». Мало того, ставя воспитанника въ необходимость «оберегать себя на каждомъ шагу и трепетать за каждое единичное отступленіе отъ установленнаго шаблона, онъ пріучаетъ во всемъ держаться на формальной почвѣ, не выходить за предѣлы чиновничьяго отношенія къ дѣлу». Въ связи съ этимъ ставится и отмѣчаемое часто, какъ типичное явленіе семинарской жизни—отсутствіе у семинаристовъ возвышенныхъ идеаловъ, взглядъ на обученіе, какъ на средство получить обезпеченное мѣсто, не болѣе.

Намъ кажется, что въ этихъ объясненіяхъ причинъ паденія воспитательной стороны все же преувеличено вліяніе отдѣльныхъ личностей и нѣсколько уменьшено вліяніе общаго формальнаго режима. Правда, въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ инспектора «ходили по ночамъ и обнюхивали воспитанниковъ, тайно подбирая ключи, проникали въ ихъ ящики, смотрѣли карточки и читали письма, гдѣ они при этомъ дѣйствовали сурово и жестоко, употребляя бранныя слова», дѣло не обходилось безъ безпорядковъ,—но послѣдніе нерѣдко бывали и тамъ, гдѣ инспекція мирволила и покрывала учениковъ; не избѣгла безпорядковъ и Ор-кая семинарія, гдѣ былъ хорошій ректоръ и недурной составъ воспитателей.

Одновременно съ проведеніемъ новаго устава центральной духовной власти представлялась возможность вновь перерѣшить вопросъ объ облегченіи окончившимъ курсъ семинарій выхода въ университетъ. Вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ Учебномъ Комитетѣ еще въ 1883 г., большинство членовъ Комитета высказалось за допущеніе воспитанниковъ семинаріи въ университеты, но предсѣдатель и нѣсколько членовъ «находили лучше замѣщать мѣста священниковъ

людьми не склонными къ духовному сану, чѣмъ давать имъ возможность соблазняться свѣтской карьерой». Въ виду разногласія членовъ, а можетъ быть и личнаго несочувствія рѣшенію большинства, Оберъ-прокуроръ задержалъ журналъ Комитета и не предложилъ его Сѵноду. Въ 1886 г. Варшавскій генералъ-губернаторъ, въ цѣляхъ привлеченія въ университетъ русскихъ элементовъ, возбудилъ ходатайство о допущеніи туда семинаристовъ, ходатайство было поддержано и министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Послѣ долгихъ указаній на тотъ огромный вредъ, который эта мѣра принесетъ епархіямъ западнаго края, такъ нуждающимся въ священникахъ, и просьбъ о томъ, чтобы къ поступающимъ относились на испытаніяхъ со всею строгостью, Оберъ-прокуроръ Сѵнода все же рѣшилъ принести интересы епархій въ жертву заманчивой идеи руссификаціи Варшавскаго университета, и для воспитанниковъ семинарій была пробита первая брешь въ ихъ стремленіяхъ къ выходу изъ школы. Впрочемъ и въ Варшавскій университетъ доступъ былъ ограниченъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ факультетомъ. 25 мая 1888 г. Государственный Совѣтъ рѣшилъ открыть доступъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ семинарій, въ Томскій университетъ. Въ 1897 г., къ Оберъ-прокурору Сѵнода поступило представленіе министра Народнаго Просвѣщенія объ облегченіи воспитанникамъ семинарій доступа въ университеты Европейской Россіи. Оберъ-прокуроръ Сѵнода отвѣтилъ на это положительнымъ отказомъ съ указаніемъ на то, что для епархій Европейской Россіи отливъ силъ изъ семинарій будетъ особенно ощутителенъ, и потому вредъ для Церкви отъ такой мѣры неисчислимъ. На министерство Народнаго Просвѣщенія таковой отказъ произвелъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Явно полемизируя съ Оберъ-прокуроромъ, министръ Народнаго Просвѣщенія вошелъ съ новымъ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, между прочимъ, на возможность въ цѣляхъ руссификаціи края до-

пустить окончившихъ семинаріи по крайней мѣрѣ въ Юрьевскій университетъ. Идея руссификаціи опять склонила гнѣвъ Оберъ-прокурора на милость, несмотря даже на многія острыя мѣста письма гр. Делянова, и доступъ семинаристамъ въ Юрьевскій университетъ былъ открытъ. Въ слѣдующемъ году поступили представленія министерства Народнаго Просвѣщенія о допущеніи семинаристовъ къ конкурснымъ экзаменамъ въ высшія техническія заведенія и на восточный факультетъ С.-Петербургскаго университета. На этотъ разъ дѣло было передано въ Учебный Комитетъ, который отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ; съ мнѣніемъ Комитета согласился и Сунодъ, (на разсмотрѣніе Сунода было предложено, впрочемъ, только послѣднее представленіе). Вопросъ о допущеніи или недопущеніи въ высшія свѣтскія заведенія воспитанниковъ духовныхъ семинарій рѣшался, какъ видно, не властью Сунода, какъ это полагали. Обращаемъ вниманіе на это въ виду того, что въ печати неоднократно приходилось слышать упреки по адресу высшей духовной власти—Св. Сунода въ томъ, что будто бы она, стремясь насильно привлекать семинаристовъ къ служенію Церкви, подорвала этимъ авторитетъ школы и уронила въ глазахъ молодежи идеалъ пастырства.

VII. Попытка реформы духовной школы въ 1896—1899 г. и работы Учебнаго Комитета за послѣдніе годы.

Въ январѣ 1896 г. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода вошелъ съ предложеніемъ, въ которомъ, указавъ на неудовлетворительное состояніе учебно-воспитательной части духовно-учебныхъ заведеній, признавалъ полезнымъ составить особую комиссію подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Сунода. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода предсѣ-

дательство въ этой комиссіи по улучшенію постановки учебно-воспитательной части духовно-учебныхъ заведеній было поручено Іоанникію, митрополиту Кіевскому, съ предоставленіемъ ему избранія въ составъ комиссіи членовъ и дѣлопроизводителя. Членами комиссіи были избраны слѣдующія высокопоставленныя лица: высокопреосвященный митрополитъ Московскій Сергій, высокопреосвященный архіепископъ Новгородскій Ѳеогностъ, высокопреосвященный архіепископъ Финляндскій Антоній, товарищъ Оберъ-Прокурора тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, предсѣдатель Учебнаго Комитета протоіерей А. П. Парвовъ. Дѣлопроизводителемъ комиссіи былъ назначенъ оберъ-секретарь А. В. Гавриловъ. Комиссія имѣла три засѣданія, на которыхъ инициатива въ предложеніи тѣхъ или иныхъ основаній новой реформы принадлежала всецѣло предсѣдателю, ревностно отстаивавшему ихъ въ случаѣ возраженій. Опредѣленіемъ отъ 7 марта 1896 г. Святѣйшій Синодъ постановилъ, принявъ предположенія комиссіи, разослать ихъ для отзыва нѣкоторымъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Предположенія комиссіи сводились къ слѣдующему:

1) *По учебной части.* Кругъ наукъ духовно-учебныхъ заведеній оставить тотъ же, который существуетъ нынѣ, но при разсмотрѣніи программъ: а) усилить чтеніе Священнаго Писанія, б) дать мѣсто для ознакомленія учащихся съ содержаніемъ и духомъ твореній, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ святыхъ отцевъ Церкви, которые всегда признавались и признаются руководителями и образцами во всѣхъ видахъ богословской и пастырской дѣятельности, в) сократить программы по математикѣ и древнимъ языкамъ, исключивъ въ первой все, что относится къ высшей математикѣ, а во второй—многосложность грамматическихъ правилъ, изученіе коихъ мѣшаетъ знакомиться съ текстомъ.

2) *По части воспитательной.* 1) Пріемъ воспитанниковъ въ духовныя семинаріи ограничить потребностями епархій и духовно-учебныхъ заведеній. Поступающія въ духов-

ныя училища дѣти духовенства имѣютъ преимущественное право и поступаютъ по экзамену; оставшіяся за симъ вакансіи представляются по экзамену же иносословнымъ. Пріемъ воспитанниковъ въ духовныя семинаріи совершается также по экзамену. 3) Всѣ воспитанники духовныхъ семинарій помѣщаются въ общежитіи, за исключеніемъ имѣющихъ въ городѣ родителей. 4) На должности инспекторовъ духовныхъ семинарій, смотрителей духовныхъ училищъ и помощниковъ ихъ — назначать по представленію преосвященныхъ опытнѣйшихъ преподавателей, имѣющихъ священный санъ. 5) Преподаваніе богословскихъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ предоставлять преимущественно лицамъ духовнаго сана и для сего разрѣшить епархіальнымъ архіереямъ рукополагать преподавателей, по ихъ просьбамъ, во священники къ семинарской церкви, съ предоставленіемъ имъ преимущественно предъ другими соискателями права поступать на приходскія въ губернскомъ городѣ мѣста, не отказывая въ просьбахъ о рукоположеніи и тѣмъ преподавателямъ, которые состоятъ въ безбрачномъ состояніи. 6) Преподаваніе литургики, гомилетики и практическаго руководства для пастырей обязательно возложить на преподавателя, имѣющаго священный санъ. 7) Ежедневно, предъ началомъ урока, въ семинарской церкви, состоящіе при оной священники и духовникъ обязываются совершать, по очереди, раннія литургіи, которыя очередные воспитанники посѣщаютъ обязательно, а неочередные—по желанію и усердію. 8) Усилить составъ воспитательнаго надзора съ привлеченіемъ къ дѣлу надзора за воспитаніемъ всѣхъ преподавателей и особливо преподавателей богословскихъ наукъ, а равно семинарскаго духовника, котораго снабдить особою Святѣйшимъ Сѵнодомъ утвержденною инструкціею.

По административной части. Состоящія въ епархіи духовно-учебныя заведенія подчинить ближайшему и непосредственному надзору, попеченію и власти епархіальнаго

архіерея. На него же возложить и отвѣтственность, въ случаѣ уклоненія учебныхъ заведеній отъ предначертаннаго имъ правила и порядка жизни. 2) Въ цѣляхъ достиженія возможнаго объединенія методовъ преподаванія и пріемовъ воспитанія назначать епархіальныхъ архіереевъ, по усмотрѣнію Святѣйшаго Сунода, ревизорами духовно-учебныхъ заведеній въ сосѣдней епархіи по учебной и воспитательной части съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ ревизіи съ своимъ заключеніемъ доносили Святѣйшему Суноду. 3) Начальствующія лица, преподаватели и лица воспитательнаго надзора, за исключеніемъ преподавателей приготовительныхъ классовъ, назначаются и перемѣщаются Святѣйшимъ Сунодомъ, по заключеніямъ Учебнаго Комитета, который состоявшіеся по сему предмету журналы вноситъ въ Святѣйшій Сунодъ непосредственно за подписью предсѣдателя. Журналы эти разсматриваетъ одинъ изъ сунодальныхъ членовъ. Кромѣ отмѣченныхъ пунктовъ преосвященнымъ предоставлялось высказать общія свои пожеланія относительно возможныхъ улучшеній въ учебно-воспитательномъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній. Отвѣты преосвященныхъ представляютъ рядъ весьма цѣнныхъ замѣчаній и значительно расходятся съ нѣкоторыми предположеніями комиссіи, особенно по части административной и воспитательной. По учебной части указывали на неправильное расположеніе предметовъ въ учебномъ планѣ,—такъ, напр., наиболѣе трудная часть курса церковной исторіи, требующая знанія философіи и догматики, проходится въ III классѣ; гомилетика, предполагающая знаніе богословскихъ предметовъ и Новаго Завѣта, проходится раньше ихъ изученія. Библейская исторія представляетъ простое повтореніе Священной. Въ училищномъ курсѣ указывали на необходимость соединенія преподаванія русскаго языка въ однѣхъ рукахъ, признавали неудобнымъ одновременное изученіе двухъ языковъ. Высказывались мнѣнія объ излишней многопредметности, обширности программъ, пере-

полненныхъ часто ненужными подробностями и мелочами; между тѣмъ, именно эта сложность программъ не даетъ возможности учащимся сознательно усвоить и продумать курсъ, ограничиваясь бѣглымъ механическимъ заучиваніемъ. Нѣкоторые преосвященные обращали вниманіе на отсталость семинарской науки. «Жаль смотрѣть, писалъ преосвященный Петръ Пермскій, на священниковъ, изъ коихъ большинство не имѣетъ даже и понятія о тѣхъ идеяхъ, которыми живетъ и движется современное общество, и тѣхъ литераторахъ, коихъ вождями избираетъ такъ называемая интеллигенція... По нынѣшнему времени особенно необходимо, чтобы пастыри были «совершенными по уму» и «избыточествовали въ разумѣ» (1 Кор. XIV, 20; Филип. I, 9). Нѣкоторые преосвященные отмѣчали полную безплодность 10-лѣтнихъ трудовъ по изученію классическихъ языковъ. По выходѣ изъ семинаріи приходскимъ священникамъ никогда не приходится воспользоваться этими знаніями.

По части воспитательной большинство преосвященныхъ обращали вниманіе на необходимость устройства общежитій и усиленіе воспитательнаго надзора; сочувственно принималась мысль (за исключеніемъ одного или двухъ отзывовъ) и о привлеченіи къ дѣлу воспитанія всѣхъ преподавателей. Причемъ, въ нѣкоторыхъ отзывахъ отчетливо мелькала мысль о необходимости отъ системы внѣшняго надзора съ огульными мѣрами перейти къ системѣ индивидуальнаго воспитанія, изученія личности воспитанника, для чего предполагались классные наставники или особые надзиратели на каждые 50 человѣкъ воспитанниковъ. Съ дальнѣйшими мѣрами по воспитательной части значительная часть преосвященныхъ не соглашалась. Нѣкоторые указывали на нежелательность затрудненія доступа иносословнымъ, такъ какъ это повлечетъ за собою кастовую замкнутость духовенства. Высказывались мнѣнія противъ ограниченія пріема воспитанниковъ въ семинаріи, такъ какъ и потребности епархіи труд-

но заранѣе учесть, а еще труднѣе учесть, сколько воспитанниковъ изъ всего числа поступившихъ въ первый классъ окончитъ полный курсъ и пожелаетъ идти на епархіальную службу. Наиболѣе спорными представлялись пункты относительно порученія преподаванія богословскихъ наукъ исключительно лицамъ, посящимъ священный санъ, и ежедневнаго посѣщенія богослуженій очередными воспитанниками. «Только несомнѣнныя умственныя и нравственныя достоинства преподавателей, писалъ по этому поводу преосвященный Амвросій Харьковскій, пріобрѣтаютъ уваженіе къ нимъ воспитанниковъ, это всѣ мы знаемъ изъ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній и личныхъ воспоминаній. И теперь можно указать наставниковъ въ академіяхъ и семинаріяхъ свѣтскаго званія, пользующихся глубокимъ уваженіемъ. Въ нихъ есть именно то преимущество, что ихъ высокое нравственное настроеніе представляетъ плодъ свободнаго развитія, а не *обязательнаго* благочестія, каковымъ можетъ прикрываться лицо священнаго сана въ глазахъ духовныхъ воспитанниковъ. Преподаватели въ священномъ санѣ тоже не чужды будутъ свѣтскихъ собраній и вина и куренія табаку и картъ, что же прибавитъ имъ (исключая богослуженія) санъ священства»? Далѣе преосвященный ставитъ вопросъ о томъ, какими лицами изъ академическихъ воспитанниковъ будутъ замѣщаться каѳедры богословскихъ наукъ съ условіемъ принятія священства? Лучшіе, наиболѣе даровитые воспитанники, которымъ легко найти мѣсто въ случаѣ выхода въ свѣтское вѣдомство, уклоняются отъ принятія священнаго сана. Но кандидаты средняго разбора, которымъ приходится долго ожидать назначенія, а жить безъ средствъ и безъ дѣла трудно,—вотъ эти то и нахлынутъ на богословскія каѳедры съ принятіемъ сана. Естественно, что они не оправдаютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ, и наука въ ихъ рукахъ не возвысится въ мнѣніи воспитанниковъ».—Въ отрицательномъ смыслѣ высказался преосвященный и относительно новаго

порядка посѣщенія воспитанниками богослуженія. «Никто не сомнѣвается въ томъ, что возможно частое посѣщеніе воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній богослуженія можетъ имѣть самое благотворное вліяніе на ихъ нравственное настроеніе, но ежедневное служеніе раннихъ литургій будетъ напраснымъ. Это удобно въ коллегіумахъ римской церкви, гдѣ тайная месса совершается въ четверть часа, но не при нашей литургіи, которая требуетъ болѣе часа времени при неспѣшномъ служеніи. Поэтому, это посѣщеніе будетъ, надо полагать, тягостною повинностью, и ежедневными посѣтителями раннихъ литургій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ будутъ только ученики, желающіе подъ личиною усердія отличиться предъ инспекціей своимъ благочестіемъ». Ту же мысль, но нѣсколько подробнѣе, развиваетъ преосвященный Анастасій Воронежскій. «Богослуженіе, при которомъ воспитанники присутствуютъ по приказу или принужденію, можетъ ли воспитать его духъ въ религіозномъ? Тотъ, кто даровалъ человѣку свободу и не отнимаетъ ея даже у злодѣевъ, желаетъ ли, чтобы мы отнимали эту свободу у дѣтей и юношей? Найдется ли у юноши довольно времени, чтобы онъ ежедневно могъ присутствовать при богослуженіи при томъ множествѣ занятій, которыя обязательны для него? И въ настоящее время усердный, но не особенно даровитый воспитанникъ каждою минутою дорожитъ для учебныхъ занятій,—позже, чѣмъ предписываетъ уставъ, ложится и раньше, чѣмъ требуется, встаетъ и особенно дорожитъ утреннимъ временемъ: когда же ему идти къ обѣднѣ? И какая польза будетъ, если воспитанникъ будетъ посѣщать богослуженіе по принужденію? Намъ думается, что отъ этого не только не будетъ пользы, но выйдетъ положительный вредъ. Мысль о ежедневномъ посѣщеніи обѣденъ взята съ Запада изъ римскихъ школъ и Комитетами (подготовляв. уставъ 1867 г.) отвергнута, какъ не цѣлесообразная». Также энергично была отвергнута многими преосвященными и мысль о возможности

возложенія на духовниковъ извѣстной доли воспитательнаго надзора, ибо это только подорветъ довѣріе къ духовнику.

По части административной большинство преосвященныхъ указывало на желательность усиленія власти епархіальныхъ архіереевъ надъ духовно-учебными заведеніями, но относительно возложенія на нихъ отвѣтственности за уклоненіе этихъ заведеній отъ нормальныхъ условій жизни почти всѣ отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ, и нужно сказать, что мотивы, приведенные ими, заслуживаютъ полнаго вниманія. Всякія обязанности нужно соображать съ силами; архіерей такой же человѣкъ, какъ и другіе, и не можетъ сдѣлать больше, чѣмъ возможно для человѣческихъ силъ. Далѣе обычно слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ сложныхъ обязанностей преосвященныхъ по управленію ихъ огромными епархіями и въ результатѣ дѣлается выводъ, что помимо общаго надзора, общаго руководства преосвященные не могутъ взять на себя тяжкой обязанности непосредственнаго ближайшаго управленія и руководства заведеніемъ, а потому естественно не могутъ нести за него отвѣтственности. Желательное усиленіе власти нѣкоторымъ преосвященнымъ конкретно представлялось, какъ возвращеніе имъ права дѣлать отмѣтки и замѣчанія въ формулярныхъ спискахъ наставниковъ и административныхъ лицъ духовно-учебныхъ заведеній и предоставленіе возможности переводить ихъ безъ формальнаго разслѣдованія дѣла, такъ какъ при такомъ разслѣдованіи весьма рѣдко удается доказать виновность; если нельзя предоставить преосвященнымъ этого, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ давать больше вѣры и силы конфиденціальнымъ сообщеніемъ архіереевъ черезъ г. Оберъ-прокурора Св. Суноду. Нѣкоторые преосвященные, выяснивъ невозможность при современномъ положеніи епархіальнаго управленія болѣе близкаго надзора ихъ за учебными заведеніями, прямо отрицали цѣлесообразность усиленія власти преосвященныхъ далѣе границъ, предоставленныхъ имъ уставомъ 1884 г., можно бы просить преосвященныхъ лишь по-

чаще посѣщать духовныя осеминаріи и училища. По вопросу о возложеніи на епархіальныхъ преосвященныхъ ревизій духовно-учебныхъ заведеній почти всѣ преосвященные отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ и не только въ виду крайняго обремененія епархіальныхъ архіереевъ дѣлами, но и по другимъ серьезнымъ основаніямъ.—Ревизіи архіереевъ въ сосѣднихъ епархіяхъ ставили бы въ неудобное положеніе ихъ собратьевъ по каѳедрѣ; чувствуя это, сами ревизоры были бы стѣснены въ своихъ отзывахъ. Затѣмъ, нѣкоторые преосвященные прямо заявляли, что такія ревизіи были бы менѣе компетентными, такъ какъ за массою епархіальныхъ дѣлъ архіерею положительно не остается времени на то, чтобы слѣдить за богословской наукой и за развитіемъ педагогическихъ идей, и онъ по неволѣ отстаетъ отъ времени; наконецъ, преосвященнымъ во многихъ случаяхъ будетъ (по самому сану ихъ и положенію) труднѣе выяснить правду. Кромѣ того по части управленія нѣкоторые преосвященные указывали на вредъ побужденія воспитанниковъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей путемъ дисциплинарныхъ взысканій и назначенія на административныя должности молодыхъ, неопытныхъ людей. По части экономической нѣкоторые выражали мысль о необходимости лучше обставить и обезпечить преподавателей важнѣйшихъ каѳедръ.

Одновременно съ отзывами относительно первоначальныхъ предположеній комиссіи изъ духовно-учебныхъ заведеній были затребованы статистическія свѣдѣнія относительно числа поступающихъ въ первый классъ и оканчивающихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Окончательный результатъ статистическихъ подсчетовъ за 10 лѣтъ, 1885—95 г., можно резюмировать въ слѣдующихъ отношеніяхъ: изъ поступающихъ въ первый классъ училища до конца семинарскаго курса доходило лишь 34%; изъ поступившихъ въ первый классъ семинаріи 57%; на 100 окончившихъ курсъ приходилось 133 священническихъ вакансіи. Изъ общаго числа воспитанниковъ учи-

лищъ 53% живетъ въ общежитіяхъ, 21% у родственниковъ и 25% на квартирахъ наемныхъ; изъ общаго числа воспитанниковъ духовныхъ семинарій: 69%—въ общежитіяхъ, 13% —у родителей и родственниковъ и 19% на частныхъ квартирахъ.

Принявъ къ свѣдѣнію отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ (было опрошено всего 18 преосвященныхъ), коммиссія внесла на усмотрѣніе Синода слѣдующія предположенія и проектъ новаго устава.

По учебной части. По предмету Св. Писанія коммиссія обратила вниманіе на слабое знаніе воспитанниками текста Библіи; нѣкоторые не могли изъяснить весьма ясныхъ выраженій и указать логическую связь мыслей, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ совсѣмъ не изучали многихъ священныхъ книгъ; въ употребленіе даны учебники съ обширнымъ исагогическимъ и экзегетическимъ матеріаломъ, не согласованные ни съ потребностями средняго семинарскаго образованія, ни съ силами воспитанниковъ, ни съ количествомъ назначаемыхъ на изученіе Св. Писанія уроковъ. Воспитанники истощаются въ напрасныхъ усиліяхъ запомнить массу историко-критическихъ подробностей, множество мнѣній и предположеній при объясненіи какого-нибудь отдѣльнаго мѣста и разучились держать въ рукахъ Библію. Въ виду сего коммиссія признала необходимымъ внести въ объяснительную записку слѣдующія требованія. 1) При преподаваніи Св. Писанія главнѣйшее вниманіе преподавателя должно быть направлено на изученіе содержанія священныхъ книгъ по самому тексту, а не по школьнымъ учебникамъ и пособіямъ, и на точность усвоенія мыслей въ подлинной связи и послѣдовательности; 2) исагогическія свѣдѣнія о Св. Писаніи вообще и каждой книгѣ въ отдѣльности должны быть какъ можно болѣе кратки. Не сообщая никакихъ научныхъ теорій и частныхъ мнѣній, преподаватель долженъ дать о каждой книгѣ только такія свѣдѣнія, которыя приняты православною Церковью. Всякая полемика съ новѣйшими отрицательными взглядами не должна

быть допускаема; 3) экзегетическая часть программы также должна быть выполняема сокращенно. Преподаватель не долженъ тратить много времени на многорѣчивое объясненіе такъ называемыхъ трудныхъ текстовъ. Вполнѣ достаточно, если преподаватель, руководясь святоотеческими толкованіями, раскроетъ опредѣленный и наиболѣе доступный пониманію смыслъ даннаго мѣста; 4) обращеніе къ греческому тексту слѣдуетъ считать необходимымъ только въ мѣстахъ наиболѣе важныхъ въ догматическомъ отношеніи или неясно переданныхъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ; 5) каждую новозавѣтную книгу слѣдуетъ изучать въ цѣломъ неразрывномъ видѣ, во внутренней связи и послѣдовательности рѣчи каждаго новозавѣтнаго писателя. Кромѣ того при сужденіи о постановкѣ преподаванія Св. Писанія было обращено вниманіе на неправильное чтеніе многими воспитанниками славянскаго текста и предположено возложить на преподавателей русскаго и церковно-славянскаго языка и священной исторіи обязанность назначать для ежедневнаго прочтенія 5—10 стиховъ библейскаго текста.

Преподаваніе библейской исторіи признано полезнымъ отмѣнить, поручивъ преподавателю Св. Писанія послѣ каждаго прочитаннаго отдѣла или періода дѣлать общій обзоръ этого періода, обращая особенное вниманіе на обозрѣніе вѣроученія, богопочтенія и богоправленія въ изученный періодъ времени и восполняя необходимыя свѣдѣнія, не сообщенныя при чтеніи священнаго текста. Обличительное богословіе признано возможнымъ исключить изъ числа предметовъ семинарскаго курса, такъ какъ а) съ строго научнымъ характеромъ обличительное богословіе можетъ быть преподаваемо только въ высшемъ учебномъ заведеніи, б) для потребностей же средней школы достаточно знакомства съ содержаніемъ этой науки при изученіи церковной исторіи—съ исторіею происхожденія разныхъ вѣроисповѣданій и перемѣнъ, бывшихъ среди нихъ, а съ ученіемъ ихъ при изученіи догматики. Въ программу

по исторіи и обличенію русскаго раскола коммиссія полагала бы внести разъясненіе, чтобы въ епархіяхъ, гдѣ нѣтъ раскола, а есть сектантство, преподаватели семинаріи, по сообщеніи краткихъ историческихъ свѣдѣній о расколѣ, обращали особое вниманіе и проходили въ пространномъ видѣ ученіе и обличеніе мѣстныхъ сектъ. Далѣе было обращено вниманіе на необходимость практическаго преподаванія гомилетики и предположено теорію гомилетики и исторію проповѣдничества замѣнить разборомъ и изученіемъ образцовыхъ произведеній проповѣднической литературы и собственными упражненіями учениковъ. Заучиваніе образцовъ древнихъ проповѣдниковъ, какъ не имѣющихъ практическаго примѣненія, коммиссія не признала желательнымъ. Относительно рекомендованнаго нѣкоторыми преосвященными введенія въ курсъ семинаріи преподаванія *патрологіи* коммиссія признала, что патрологія съ истинно-научнымъ характеромъ можетъ быть преподаваема только въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи, а не семинаріи. Патрологическія свѣдѣнія съ большимъ удобствомъ могутъ быть сообщены ученикамъ при преподаваніи церковной исторіи. И это изученіе подлинныхъ святоотеческихъ твореній въ связи съ эпохою, въ которой жили отцы и учители Церкви и защищали истину православнаго ученія, несомнѣнно оживило бы самое преподаваніе церковной исторіи, познакомило бы учениковъ съ тѣми источниками, на основаніи коихъ установлены историческія событія. Такимъ соединеніемъ однородныхъ наукъ, помимо доставленія ученикамъ цѣльныхъ и связныхъ познаній, устраняется еще повтореніе одного и того же въ разныхъ наукахъ. Практическое руководство для пастырей составилось изъ двухъ наукъ: пастырскаго богословія и каноники, изъ коихъ въ первомъ излагаются нравственныя достоинства и обязанности священнослужителя (идеалъ пастыря), а во второй церковно-юридическія права и обязанности. Коммиссія полагала выдѣлить пастырское богословіе и отнести къ нравственному, гдѣ идеалъ

пастыря можетъ быть начертанъ въ связи съ идеаломъ христіанина; затѣмъ, отдѣлъ литургическій отнести къ литургикѣ, а изъ остальной части составить особую науку—каноникy. Въ этой наукѣ должны излагаться каноническія правила и нынѣ дѣйствующія церковно-гражданскія постановленія. При разсмотрѣніи программъ по математическимъ предметамъ коммиссія признала возможнымъ исключить преподаваніе пасхаліи, какъ не имѣющей особаго практическаго значенія и въ томъ соображеніи, что свѣдѣнія о лѣтосчисленіи будутъ сообщены при преподаваніи космографіи, которую предположено внести взамѣнъ пасхаліи. Элементарныя космографическія свѣдѣнія совершенно необходимы для пастырей сельскихъ, какъ руководителей простого, деревенскаго люда. Программу по физикѣ признано необходимымъ сократить. По гражданской исторіи учебники Иловайскаго и Рождественскаго признаны наиболѣе пригодными. Въ духовныхъ училищахъ для законченности курса признано полезнымъ ввести краткій курсъ отечественной исторіи (гражданской и церковной), какъ необходимый для учительства въ церковныхъ школахъ тѣмъ воспитанникамъ, которые не переходятъ въ семинаріи. При составленіи программы по этому предмету можно руководствоваться программою для двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Относительно преподаванія въ семинаріи философскихъ предметовъ, коммиссія обратила вниманіе на то обстоятельство, что при недостаточности времени и обширности программъ и учебниковъ, ученики въ семинаріи не пріучаются къ строгому и основательному мышленію, а скорѣе пріобрѣтаютъ склонность самоувѣренно и развязно судить о вещахъ малоизвѣстныхъ. Введеніе въ философію, какъ оно излагается въ семинарской программѣ, должно быть опущено и замѣнено простымъ, краткимъ, но точнымъ указаніемъ предмета философіи и ея задачи. Въ программѣ логики предположено сдѣлать нѣкоторыя сокращенія — опустить свѣдѣнія о предметѣ и содержаніи познанія, объ ощущеніи,

воспріятіи, представленіи, ассоціаціи представленій, о фигурахъ силлогизма; съ первыми свѣдѣніями воспитанникъ встрѣтится въ психологіи и метафизикѣ, послѣднія не имѣютъ особеннаго значенія въ научномъ мышленіи. Краткую исторію философіи рѣшено предпослать «начальнымъ основаніямъ философіи», такъ какъ изложеніе и критика философскихъ ученій не могутъ быть вполнѣ ясными безъ предварительнаго изученія общаго развитія философской мысли. По нравственному богословію учебникъ Солярскаго по схоластичности изложенія признанъ скорѣе ослабляющимъ, чѣмъ усиливающимъ интересъ къ изученію этого предмета; предположено объявить премію за составленіе учебника. При изученіи классическихъ языковъ, коммиссія рекомендовала обращать вниманіе на практическое изученіе языка, а не на филологическія тонкости. Обширныя грамматики нужно замѣнить болѣе краткими. Исключить изъ программы по греческому языку писателей іоническаго діалекта, а по латинскому—чтеніе поэтовъ; исключить также изъ программъ переводы съ русскаго языка на латинскій и греческій. Изученіе латинскаго языка начать съ перваго класса училища, а греческаго—со 2-го. Изъясненіе богослуженія предположено исключить изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, оставивъ собственно изученіе «Церковнаго устава», для ознакомленія учениковъ съ порядкомъ церковныхъ службъ и съ богослужебными книгами. Въ программѣ по русскому языку много требованій непосильныхъ для учениковъ 1 класса и едва ли содѣйствующихъ сознательному пользованію родною рѣчью. Таково, напр., ученіе о звукахъ, буквахъ, производствѣ и составѣ словъ. Нужно согласовать программу съ требованіемъ практическаго изученія грамматики на примѣрахъ разбора лучшихъ произведеній нашихъ писателей и остерегаться отъ передачи ученикамъ матеріала въ видѣ отвлеченныхъ логическихъ опредѣленій. Отъ преподаванія русскаго языка не слѣдуетъ отдѣлять преподаваніе славян-

скаго, потому что одни и тѣ же опредѣленія повторяются и здѣсь и тамъ. Уклоненія славянскаго языка можно сообщать одновременно съ изученіемъ частей рѣчи, склоненій и спряженій русскихъ; слѣдуетъ составить одну общую программу и одинъ общій учебникъ. Письменныя работы предположено назначать только по нѣкоторымъ предметамъ, при чемъ преподаватели означенныхъ предметовъ и должны быть отвѣтственными руководителями воспитанниковъ одного или двухъ классовъ въ письменныхъ работахъ. За чтеніе письменныхъ работъ назначить вознагражденіе. Въ программѣ церковнаго пѣнія теоретическія требованія преобладаютъ надъ практическими, полезнѣе бы было обратное.

Независимо отъ сего въ цѣляхъ общаго развитія учениковъ признано желательнымъ возобновленіе въ семинаріяхъ рефератовъ и диспутовъ по научнымъ предметамъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ начальствующихъ и преподавателей и не болѣе одного раза въ мѣсяцъ.

Сдѣлавъ означенныя руководящія замѣчанія, коммиссія предполагала дальнѣйшій пересмотръ программъ поручить Учебному Комитету; ему же поручено было войти въ сужденіе и объ открытіи при С.-Петербургской духовной академіи физико-математическаго отдѣленія для подготовленія преподавателей въ духовныя семинаріи въ виду частаго перехода съ этихъ должностей кандидатовъ университета.

Пріемъ воспитанниковъ въ духовныя семинаріи и училища, въ виду избытка въ нѣкоторыхъ епархіяхъ оканчивающихъ курсъ, предположено ограничить потребностью епархій и духовно-учебныхъ заведеній; ограниченіе это предоставить мѣстнымъ преосвященнымъ; иносословные допускаются только на оставшіяся свободными вакансіи по принятіи дѣтей духовенства съ платою за обученіе въ 40 рублей. Признано полезнымъ возстановить существовавшій порядокъ принятія училищныхъ воспитанниковъ въ семинарію по экзамену.

По воспитательной части внѣшній, формальный над-

зоръ нужно замѣнить воспитательнымъ воздѣйствіемъ; для этого положительно необходимо устроить для всѣхъ воспитанниковъ общежитія, а затѣмъ—учредить особыя должности воспитателей, поручивъ имъ отвѣтственность за одинъ или въ случаѣ малолюдства за два класса (за 50 чел.), съ содержаніемъ въ 300 руб. при готовой квартирѣ и столѣ; для помощи же инспектору поручить исправленіе должности помощника инспектора одному изъ преподавателей съ назначеніемъ ему квартиры и стола и 300 рублей добавочнаго жалованья.

Такъ какъ одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія многихъ воспитанниковъ семинаріи къ священству, по мнѣнію коммиссіи, служитъ то, что они воспитываются свѣтскими преподавателями, часто не могущими внушить любви къ церковности, то всѣ административныя должности и каѳедру гомилетики предположено замѣщать исключительно лицами, носящими духовный санъ, каѳедры же другихъ богословскихъ наукъ таковыми по преимуществу. Для поддержанія религіозно-нравственнаго настроенія, въ дни занятій, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, предъ началомъ уроковъ совершаются раннія литургіи, присутствовать при которыхъ предоставляется свободному усердію учениковъ, но для участія въ чтеніи и пѣніи назначаются нѣсколько учениковъ изъ каждаго класса. Для говѣнія назначена первая седмица и рождественскій постъ. Кромѣ того, рѣшено было составить для духовниковъ подробную инструкцію.

По административной части. Ближайшее наблюденіе за состояніемъ и направленіемъ учебно-воспитательнаго дѣла духовно-учебныхъ заведеній принадлежитъ епархіальному архіерею; епархіальнымъ преосвященнымъ Святѣйшимъ Синодомъ могутъ быть поручаемы ревизіи духовно-учебныхъ заведеній въ другихъ епархіяхъ; начальствующіе и преподаватели назначаются, перемѣщаются и увольняются Святѣйшимъ Синодомъ, по докладамъ Учебнаго Комитета. Служба

преподавателей ограничена 25 годами; для того, чтобы оставить на новое пятилѣтіе, необходимо ходатайство преосвященнаго. Въ духѣ этихъ предположеній составленъ былъ проектъ устава духовныхъ семинарій и училищъ. Причемъ учебный планъ представлялся въ нижеслѣдующемъ видѣ.

Для духовныхъ семинарій	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Итого.
Свящ. Писаніе и библ. ист.	4	4	3	4	4	4	23
Введ. въ богосл., догмат. и нравств. богосл. съ паст.	—	—	—	—	6	5	11
Литургика, канон. и практ. гомилетика	—	—	—	4	4	5	13
Всеобщ. церк. истор. и истор. русск. церк.	—	—	—	5	3	4	12
Истор. и облич. русск. раск. и сектант.	—	—	—	—	4	3	7
Гражд. ист., всеобщ. и русск.	3	3	3	—	—	—	9
Русск. словес. съ ист. литер.	4	4	4	—	—	—	12
Логика, психол., кратк. ист. и нач. осн. филос.	—	—	5	3	—	—	8
Дидактика	—	—	—	—	1	1	2
Алгебра, геометр., физик. и космогр.	3	3	3	3	—	—	12
Греческій языкъ	3	3	2	2	—	—	10
Латинскій языкъ	3	3	2	2	—	—	10
Церковное пѣніе	1	1	1	1	1	1	6
	21	21	23	24	23	23	135

Для духовныхъ училищъ:	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Свящ. истор. Ветх. Зав.	3	—	—	—	12
Свящ. Ист. Нов. Зав.	—	3	—	—	
Катихизисъ	—	—	3	—	
Окончат. кат. и церк. уставъ.	—	—	—	3	
Кратк. русск. истор.	—	—	2	2	4
Русскій языкъ съ церк.-слав.	6	4	4	4	18

	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Греческій языкъ	—	6	4	5	15
Латинскій языкъ	4	4	4	3	15
Ариѳметика	4	2	2	2	10
Географія	—	—	3	3	6
Церковное пѣніе	4	2	1	1	8
Чистописаніе	2	2	—	—	4
	23	23	23	23	92

Останавливаясь внимательнѣе на положеніяхъ коммиссіи, не трудно замѣтить, что многія серьезныя и порою единогласныя (по вопросу о ревизіи) возраженія епархіальныхъ преосвященныхъ она приняла къ свѣдѣнію въ чисто канцелярскомъ смыслѣ и въ сущности мало измѣнила въ соотвѣтствіе съ этими указаніями свои первоначальныя предположенія, исключая развѣ нѣкоторыя частности учебнаго плана. На разборѣ учебнаго плана, въ которомъ сдѣланъ рядъ дѣйствительно важныхъ и необходимыхъ перемѣнъ, останавливаться не будемъ въ виду того, что ихъ значеніе достаточно выяснено въ мотивахъ коммиссіи; слѣдуетъ отмѣтить лишь одинъ крупный недостатокъ, приближающій ихъ къ «протасовскимъ циркулярамъ»,—это тенденція научнаго опрощенія семинарскаго богословія, боязнь серьезной научной постановки предметовъ. Мѣропріятія по воспитательной и административной части почти цѣликомъ возвращаются къ извѣстнымъ, опротестованнымъ мнѣніямъ епархіальныхъ преосвященныхъ и епархіальныхъ комитетовъ, предположеніямъ комитета 1859 г., слабыя стороны ихъ отмѣчены были въ своемъ мѣстѣ; отмѣчены онѣ отчасти и въ приведенныхъ отзывахъ преосвященныхъ, особенно Амвросія Харьковскаго, Анастасія Воронежскаго и др. Можетъ быть, въ виду этого, а скорѣе потому, что лицо, которое, стоя во главѣ коммиссіи, настойчиво отстаивало свои кабинетныя предположенія вопреки голосу общественнаго мнѣнія и протестамъ даже нѣкоторыхъ

членовъ коммиссіи, къ этому времени утратило свое преобладающее вліяніе,—но только внесенныя въ Святѣйшій Синодъ предположенія коммиссіи въ засѣданіи Синода отъ 15-го декабря 1899 года были приняты лишь въ первой дѣйствительно цѣнной своей части, касающейся измѣненій учебнаго плана. Благодаря той же перемѣнѣ въ руководствѣ сунодальнымъ дѣломъ, съ этого времени значительно смягчается и измѣняется и общее направленіе въ руководствѣ школьнымъ дѣломъ. Такъ, нѣсколько позже, въ 1902 г., была проведена въ высшей степени благопріятная мѣра,—именно составъ педагогическихъ собраній правленій семинарій и училищъ опредѣлился всѣми наличными штатными преподавателями.

Соотвѣтственно выработаннымъ коммиссіей основаніямъ Святѣйшимъ Сунодомъ поручено было Учебному Комитету тщательно пересмотрѣть существующія программы и учебники по предметамъ семинарскаго и училищнаго курса и составить новыя программы, объяснительныя къ нимъ записки и учебники, для чего рекомендовано было привлекать по мѣрѣ надобности къ участію въ занятіяхъ извѣстныхъ своею педагогическою опытностью семинарскихъ и училищныхъ преподавателей и объявить конкурсы на соисканіе премій за краткіе учебники. Исполняя эти порученія Святѣйшаго Синода, Учебный Комитетъ въ августѣ 1901 г. вызвалъ 12 наиболѣе выдающихся преподавателей духовныхъ семинарій и независимо отъ сего пригласилъ къ совѣщаніямъ нѣкоторыхъ профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи; образованы были отдѣльныя коммиссіи для составленія новыхъ программъ. Свои труды по этому предмету Учебный Комитетъ закончилъ лишь лѣтомъ 1905 года. Отмѣтимъ то, что внесъ новаго трудъ Учебнаго Комитета въ сравненіи съ общими руководственными указаніями коммиссіи 1896 г., хотя и не становясь въ явное противорѣчіе съ ней. Въ программѣ православнаго богословія введеніе въ богословіе, догматическое

и нравственное богословіе поставлены въ болѣе тѣсную связь между собою; причемъ апологетическій элементъ въ программѣ введенія въ богословіе частью сокращенъ (въ этомъ мы полагаемъ коренную и важную ошибку Комитета), частью перенесенъ въ системы догматическаго и нравственнаго богословія. Значительно измѣнена программа по нравственному богословію. Полнѣе и опредѣленнѣе выражены тѣ отдѣлы, въ которыхъ говорится о духовной природѣ человѣка въ состояніи, какъ первобытномъ, такъ особенно послѣ грѣхопаденія, какъ особый отдѣлъ внесено ученіе о спасеніи человѣка. Въ послѣдній отдѣлъ внесены пункты изъ пастырскаго богословія. Въ программѣ общей церковной исторіи, кромѣ внесенія патрологическаго отдѣла, сокращены подробности, и исторія инославныхъ церквей и обществъ, ересей и вообще уклоненій отъ истинной церкви сведена на приличествующее ей второстепенное мѣсто. Въ программѣ исторіи русской церкви введены новые отдѣлы: о попыткахъ къ упорядоченію церковно-приходской жизни, о церковно-народной школѣ, о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, о церковно-просвѣтительныхъ обществахъ и братствахъ. Преподавателю рекомендовано основательно знакомить воспитанниковъ съ нравственнымъ обликомъ и плодотворною дѣятельностью выдающихся русскихъ святителей и подвижниковъ. Программа по исторіи обличенія старообрядчества и сектантства сокращена со стороны внѣшней исторіи старообрядчества и сектантства, а также въ изложеніи подробностей ихъ вѣроученія и восполнена раскрытіемъ внутренней жизни старообрядчества. По философскимъ наукамъ введены нѣкоторые новые вопросы и входившіе ранѣе въ программу изложены въ системѣ, примѣнительно къ современному состоянію науки.

По исторіи словесности нѣкоторому сокращенію подвергся отдѣлъ древне-русской письменности, но за то болѣе подробно разработана литература новаго и новѣйшаго періода, такъ какъ будущимъ пастырямъ нельзя не быть знакомыми съ ней, какъ

выразительницей направленія и идеаловъ общества ближайшей намъ эпохи. Въ программу гражданской исторіи внесенъ курсъ новѣйшей исторіи (съ 1815 г. до нашего времени). Вновь составлена программа отечественной исторіи — церковной и гражданской для духовныхъ училищъ. Въ тѣсной связи съ составленіемъ новыхъ программъ Учебнымъ Комитетомъ былъ обсужденъ и другой, существенно важный вопросъ—о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи предметовъ семинарскаго и училищнаго курсовъ по классамъ и каѳедрамъ. Учебный Комитетъ полагалъ: ограничить задачу преподаванія древнихъ языковъ лишь практическимъ изученіемъ ихъ, обративъ главное вниманіе на знакомство воспитанниковъ съ языкомъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ и святоотеческихъ твореній. Ввести преподаваніе въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи новыхъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго, въ качествѣ обязательныхъ предметовъ (обоихъ или одного по выбору учащихся). Главнымъ основаніемъ къ тому, по мнѣнію Учебнаго Комитета, является все болѣе увеличивающаяся необходимость для духовенства основательнаго знакомства съ живыми европейскими языками при широкомъ распространеніи ихъ въ обществѣ, а равно и для цѣлей борьбы съ инославными ученіями и сектантствомъ. Далѣе предполагалось расширить преподаваніе математики и ввести преподаваніе тригонометріи и космографіи, а также увеличить программу физики. Основаніе къ сему Комитетъ усматривалъ въ важномъ общеобразовательномъ значеніи математики, главнымъ же образомъ въ томъ, что за послѣднее время физикоматематическія науки получили широкое развитіе, такъ что естественно является необходимымъ обновить тотъ кругъ свѣдѣній, который въ настоящее время преподается въ семинаріяхъ и является въ значительной степени отсталымъ.

Количество уроковъ по философскимъ предметамъ увеличено на два въ виду того, что предметъ этотъ, будучи

сложнымъ и отвлеченнымъ, представляетъ немалыя трудности для усвоенія, а между тѣмъ, въ цѣляхъ подготовленія воспитанниковъ къ надлежащему усвоенію богословія, весьма важно, чтобы они познакомились съ философіей не поверхностно, а болѣе или менѣе основательно. Количество уроковъ по исторіи и обличенію старообрядчества и сектантства сокращается на 4, въ виду перенесенія къ богословскимъ наукамъ обличительнаго богословія и предоставленія сокращать программу исторіи и обличенія старообрядчества и сектантства соотвѣтственно существующимъ въ епархіи раскольническимъ сектамъ и толкамъ; сообразно съ этимъ самостоятельную каѳедру сего предмета предположено упразднить, соединивъ преподаваніе ея съ каѳедрой церковной исторіи; кромѣ того увеличено число уроковъ по богословскимъ наукамъ и по дидактикѣ. При этомъ Учебный Комитетъ сдѣлалъ попытку провести старинное дѣленіе курса на риторику, философію и богословіе, т. е. такъ построить росписаніе, чтобы въ первыхъ двухъ классахъ центральнымъ предметомъ являлась словесность, въ слѣдующихъ—философія и въ послѣднихъ—богословіе: причемъ общеобразовательный курсъ долженъ быть отдѣленъ отъ богословскаго и сосредоточенъ въ первыхъ четырехъ классахъ, такъ какъ не раздробленное, а одновременное и совмѣстное изученіе богословскихъ наукъ будетъ способствовать болѣе успѣшному ихъ изученію. Въ училищномъ курсѣ было сокращено число уроковъ по древнимъ языкамъ на 4 по каждому и увеличено число уроковъ по ариѳметикѣ до 12, по географіи до 8, и введена исторія. Въ общемъ учебный планъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ.

Для духовныхъ семинарій:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Итого.
Свящ. Пис. съ библ. ист. . .	3	3	3	4	4	4	21
Введен. въ богословіе, догмат. и нравств. богосл. съ наст.	—	—	—	—	7	5	12

Классы:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Итого.
Литургика, каноника и практ. гомил.	—	—	—	—	5	6	11
Всеобщая церк. исторія и ист. русск. церкви	—	—	—	3	5	4	12
Ист. и облич. старообр. и и сектантства	—	—	—	—	—	3	3
Гражд. ист. всеобщ. и русск.	3	3	3	—	—	—	9
Теорія словесн. съ ист. русск. литер.	5	6	—	—	—	—	11
Психологія, логика, кратк. ист. и начальн. основ. филос. .	—	—	5	5	—	—	10
Дидактика	—	—	—	—	2	1	3
Алгебра, геометр. тригонометр.	3	3	2	2	—	—	10
Физика съ космогр. и пасхал.	—	—	4	2	—	—	6
Греческій языкъ	3	3	2	2	—	—	10
Латинскій языкъ.	3	3	2	2	—	—	10
Новый языкъ (нѣм. или франц.)	3	2	2	3	—	—	10
Церковное пѣніе	1	1	1	1	1	1	6
Практич. зан. въ образц. шк.	—	—	—	—	2	2	4
Итого . .	24	24	24	24	26	26	148

Примѣчаніе. Къ внѣклассному времени относятся а) для всѣхъ—физическія упражненія, б) для желающихъ: черченіе, рисованіе, гигіена, одинъ изъ древнихъ языковъ и одинъ изъ новыхъ языковъ въ V и VI классахъ, еврейскій языкъ и иконописаніе.

Для духовныхъ училищъ:	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Свящ. ист. Ветх. Завѣта . . .	3	—	—	—	12
Свящ. ист. Нов. Завѣта . .	—	3	—	—	
Катихизисъ	—	—	3	—	
Оконч. катихиз. и церков. уст. .	—	—	—	3	
Кратк. русск. ист. церк. и гражд.	—	—	2	2	4
Русск. языкъ. съ церк.-слав. .	6	4	5	4	19

	I.	II.	III.	IV.	Итого.
Греческій языкъ.	—	4	4	4	12
Латинскій языкъ	3	3	3	3	12
Ариѳметика	4	3	2	3	12
Географія	—	2	3	3	8
Церковное пѣніе.	4	2	1	1	8
Чистописаніе	2	2	—	—	4
Итого. . .	22	23	23	23	91

Примѣчаніе. Къ внѣклассному времени относится для желающихъ одинъ изъ новыхъ языковъ.

Къ журналу Учебнаго Комитета (8 іюня 1905 г.), въ которомъ были намѣчены указанныя перемѣны въ учебномъ планѣ, были приложены въ качествѣ отдѣльныхъ мнѣній членовъ Учебнаго Комитета: «Краткая записка по вопросу о постановкѣ преподаванія новыхъ языковъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ въ связи съ семинарскимъ и училищнымъ обученіемъ вообще» прот. Г. П. Титова и отдѣльное мнѣніе о реформѣ духовной школы Д. П. Тихомирова. Авторъ первой записки, ссылаясь на необходимость для священника, вращающагося среди интеллигенціи, чтобы имѣть авторитетъ и не прослыть отсталымъ, пониманія иностранной (французской и нѣмецкой) рѣчи, настаиваетъ на необходимости болѣе твердой постановки изученія въ духовной школѣ новыхъ языковъ, а именно на необходимости начать ихъ изученіе въ духовномъ училищѣ и продолжать въ семинаріи. Отдѣльное мнѣніе Д. П. Тихомирова представляетъ общій обзоръ существующихъ проектовъ реформы духовной школы. Авторъ находитъ недостаточною реформу, намѣченную Учебнымъ Комитетомъ. Она не касается основного пункта недовольства учениковъ семинаріи своею школой—именно отношенія семинаріи къ свѣтской общеобразовательной школѣ и правъ воспитанниковъ на поступленіе въ высшую свѣтскую школу. Открытіе для воспитанниковъ семинаріи столь

желаннаго имъ свободнаго выхода въ высшую свѣтскую школу (изъ 4 класса семинаріи) представляется автору неудобопріемлемымъ ни съ точки зрѣнія потребностей православной церкви, ни съ точки зрѣнія гражданскаго учебнаго вѣдомства. Поэтому, Д. И. Тихомировъ рѣшается на нѣкотораго рода компромиссъ,—онъ такъ строитъ курсъ училища, чтобы тотъ совпадалъ съ первыми четырьмя классами гимназій, и такимъ образомъ открываетъ выходъ въ свѣтскую школу послѣ окончанія училищнаго курса, но зато заставляетъ идти до конца семинарскаго курса тѣхъ, которые поступили въ первый классъ семинаріи. Съ такими проектами нѣкоторымъ образомъ половинчатой реформы мы встрѣтимся ниже и на оцѣнкѣ ихъ остановимся во 2-й части труда. Теперь отмѣтимъ лишь характерныя черты предположеній большинства членовъ Учебнаго Комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніемъ программъ, болѣе раціональною постановкою нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ (математика, философія) и перенесеніемъ неудачно внесенныхъ въ общеобразовательную часть курса нѣкоторыхъ богословскихъ доктринъ—Комитетъ значительно смягчилъ недочеты учебнаго плана 1884 года, но все же и онъ не коснулся главнаго недостатка предыдущихъ уставовъ, не внесъ въ общеобразовательные классы предметовъ, которые могли бы помочь воспитанникамъ въ выработкѣ религіознаго міросозерцанія; по нѣкоторымъ частностямъ этотъ учебный планъ стоитъ даже ниже учебнаго плана устава 1884 г., такъ напр., пріуроченіе изученія исторіи литературы, въ программу которой введены писатели послѣ-Гоголевскаго періода, отличающіеся серьезнымъ, глубоко философскимъ направленіемъ, ко 2 классу семинаріи, въ погонѣ за старинным разграниченіемъ риторики отъ философіи, положительно лишало всякаго серьезнаго значенія этотъ предметъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ журналъ Учебнаго Комитета былъ представленъ 8 іюня 1905 г.—съ однѣми перемѣнами въ учебномъ планѣ, безъ перемѣнъ въ административной и вос-

нительной частяхъ и безъ рѣшенія назрѣвшаго вопроса о свободномъ выходѣ въ высшую свѣтскую школу, проектъ реформы, составленный Учебнымъ Комитетомъ, мало кого удовлетворилъ бы,—что справедливо отмѣчалъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи Д. И. Тихомировъ. Учебный Комитетъ и не думалъ остановиться на этой реформѣ, имъ былъ заготовленъ особый журналъ съ дополнительными мѣропріятіями, гдѣ между прочимъ затрогивался и вопросъ относительно выхода въ свѣтскія учебныя заведенія. Но послѣдній вопросъ разрѣшился независимо отъ работъ Комитета и даже всего вѣдомства и ранѣе окончанія ихъ—всеподданнѣйшимъ докладомъ министра Народнаго Просвѣщенія. 8 февраля 1906 г. дополнительныя мѣропріятія Учебнаго Комитета были утверждены Св. Сунодомъ. Причемъ по учебной части: 1) рекомендовано правленіямъ расширять составъ ученическихъ библіотекъ, не ограничиваясь книгами, бывшими на разсмотрѣніи Учебнаго Комитета; 2) разрѣшено устройство подъ наблюденіемъ инспекціи читаленъ съ выпискою въ оныя журналовъ и газетъ; 3) облегчено воспитанникамъ семинарій пользованіе книгами изъ фундаментальной библіотеки; 4) разрѣшенъ пріемъ иносословныхъ воспитанниковъ по усмотрѣнію епархіальныхъ преосвященныхъ свыше 10% нормы; 5) разрѣшены для получившихъ неудовлетворительные баллы воспитанниковъ VI класса испытанія, какъ на званіе студента семинаріи, такъ и окончившаго курсъ по второму разряду; 6) разрѣшено безпрепятственно выдавать воспитанникамъ на руки свидѣтельства и аттестаты. По воспитательной части: 1) въ заслуживающихъ уваженія обстоятельствахъ разрѣшено говѣть воспитанникамъ на первой недѣлѣ Великаго поста и въ домахъ родителей и родственниковъ; 2) дозволено устройство въ семинаріяхъ литературныхъ чтеній и вокально-музыкальныхъ концертовъ; 3) предоставлено разрѣшать всѣмъ воспитанникамъ отпуски изъ общежитія въ послѣобѣденное время до вечернихъ занятій; 4) разъяснено, что четвертные

баллы по поведенію должны выставляться независимо отъ понижениаго предшествующаго балла, и по хозяйственной части разрѣшено назначать дежурныхъ воспитанниковъ для наблюденія за правильнымъ расходованіемъ ежедневно выдаваемыхъ на кухню припасовъ.

Осуществленіе этого ряда частичныхъ мѣръ не представляло затрудненій,—иное дѣло съ введеніемъ новаго учебнаго плана, которое требовало крупной ломки учебнаго строя и измѣненія штатовъ. Представленіе въ Сѵнодъ новаго учебнаго плана совпало съ временемъ возбужденія мысли о предстоящемъ созывѣ помѣстнаго всероссійскаго собора и началомъ подготовительныхъ къ нему работъ; сѵнодальнымъ указомъ 27-го іюля 1905 г. епархіальнымъ преосвященнымъ было предложено уже представить свои соображенія по ряду вопросовъ, въ томъ числѣ и по вопросу объ усовершеніи духовно-учебныхъ школъ, а опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 26 ноября поручено также педагогическимъ собраніямъ духовныхъ семинарій и училищъ представить особо свои соображенія о духовно-учебной реформѣ. Въ виду этого, желая еще разъ провѣрить предположенія Учебнаго Комитета о новомъ учебномъ планѣ, оберъ-прокуроръ Сѵнода задержалъ предложеніе Сѵноду журнала Учебнаго Комитета 8-го іюня 1905 г.

VIII. Подготовительныя работы къ собору и временная реформа 1906 г.

Съ конца 1905 года въ Святѣйшій Сѵнодъ и Учебный Комитетъ стали поступать отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросу о церковной (въ томъ числѣ и духовно-учебной) реформѣ, а съ начала 1906 г. и мнѣнія семинарскихъ и училищныхъ правленій. Составленныя изъ

этихъ отзывовъ обобщенія были представлены Учебнымъ Комитетомъ въ Высочайше утвержденное въ началѣ 1906 г. присутствіе для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ соборѣ; V отдѣлу присутствія было поручено сужденіе о реформѣ духовной школы. Весною, когда въ общемъ засѣданіи присутствія были установлены нѣкоторыя принципіальныя положенія по вопросу о реформѣ духовной школы, въ Учебномъ Комитетѣ вновь начались подготовительныя работы по проведенію въ разстроенную волненіями жизнь духовно-учебныхъ заведеній новыхъ началъ, хотя бы въ видѣ временныхъ правилъ впредь до общаго коренного пересмотра уставовъ. Послѣдній долженъ быть намѣченъ помѣстнымъ соборомъ и сообразованъ съ предполагаемою реформою свѣтской средней и высшей школы. Предварительно представленія своихъ работъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода, было признано желательнымъ выслушать мнѣнія наиболѣе опытныхъ представителей учебно-воспитательнаго персонала духовныхъ семинарій и училищъ. Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода въ Учебный Комитетъ были приглашены, четыре ректора, четыре инспектора, три смотрителя духовныхъ училищъ и 10 преподавателей семинарій. Въ соединенныхъ засѣданіяхъ Учебнаго Комитета и представителей учебно-воспитательнаго персонала были вновь разсмотрѣны предположенія Комитета и внесены на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода нижеслѣдующія положенія.

I. По учебной части. Въ учебномъ планѣ: а) *духовныхъ семинарій.* По предмету Священнаго Писанія Новаго Завѣта число уроковъ увеличено на 2, увеличеніе падаетъ на V и VI классы, гдѣ прибавлено по 1 уроку. Число уроковъ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта осталось то же (13), но распредѣленіе ихъ по классамъ иное,—количество уроковъ во II и IV классахъ увеличено на одинъ въ каждомъ классѣ за счетъ числа уроковъ въ I и III классахъ. По теоріи словесности и исторіи литературы прибавленъ одинъ

урокъ (12 вмѣсто 11); увеличеніе падаетъ на первый классъ. По классическимъ языкамъ количество уроковъ сокращено на четыре по каждому языку и преподаваніе ихъ сосредоточено въ первыхъ четырехъ классахъ. По наукамъ физико-математическимъ число уроковъ увеличено на 4 (съ 12 до 16), причемъ, кромѣ алгебры, геометріи, физики и пасхаліи, въ курсъ ихъ вводится тригонометрія и космографія. По философскимъ наукамъ число уроковъ противъ дѣйствующаго устава увеличивается на два; одинъ урокъ прибавленъ на психологію и одинъ на краткую исторію и начальныя основанія философіи. Преподаваніе библейской исторіи, какъ отдѣльнаго предмета, отмѣняется. По общей церковной исторіи и исторіи русской Церкви число уроковъ увеличено на 2 урока—съ 9 (исключая два урока во второмъ классѣ, назначенные на библейскую исторію) до 11. Причемъ, курсъ общей церковной исторіи до отдѣленія западной церкви (1054 г.) проходится въ четвертомъ классѣ, остальная часть курса общей исторіи и русская церковная исторія—въ V и VI классахъ. Число уроковъ по каѳедрѣ православнаго богословія, соединяющаго въ себѣ богословія: основное, догматическое и нравственное, назначено 12 (вмѣсто 11); прибавленъ одинъ урокъ на нравственное богословіе, въ виду значительнаго расширенія программы этого предмета. По каѳедрѣ литургики, гомилетики и каноническаго права (практическое руководство для пастырей) количество уроковъ сокращено на одинъ (10 вмѣсто 11). Сокращеніе падаетъ на «практическое руководство для пастырей», такъ какъ въ программѣ этого предмета опущены отдѣлы, относящіеся къ пастырскому богословію, и перенесены въ программу нравственнаго богословія, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣнено и самое названіе предмета. По дидактикѣ, въ виду недостаточности числа уроковъ для выполненія программы этого предмета, прибавленъ одинъ урокъ. Въ качествѣ новаго обязательнаго предмета въ курсъ семинаріи вводится одинъ изъ новыхъ

языковъ (французскій или нѣмецкій, по выбору учащихся), съ назначеніемъ на этотъ предметъ 8 уроковъ.

Въ виду неповсемѣстнаго и неравномѣрнаго распространенія въ разныхъ епархіяхъ старообрядчества и сектантства и принимая во вниманіе, что преподаваніе исторіи и обличенія старообрядчества и сектантства должно имѣть главнымъ образомъ практическій характеръ и должно быть сообразовано съ мѣстными духовными потребностями,—предположено уменьшить количество уроковъ по этому предмету съ 6 до 4 и предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ поручать преподаваніе его епархіальнымъ миссіонерамъ за поурочное вознагражденіе. По преосвященнымъ тѣхъ епархій, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ окажется необходимымъ оставить самостоятельную каоедру по исторіи и обличенію старообрядчества и сектантства, предоставляется сохранить ее, съ отнесеніемъ расходовъ на мѣстныя средства, или особо войти въ Сунодъ съ ходатайствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на сіе необходимой суммы. Въ цѣляхъ наилучшей подготовки воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ руководительству начальными школами, уроки по дидактикѣ и практическія занятія въ образцовой школѣ передать учителю образцовой церковно-приходской школы, съ назначеніемъ ему оклада содержанія въ 900 рублей, съ привлеченіемъ на эту должность лицъ съ высшимъ педагогическимъ образованіемъ, уравнявъ ихъ въ правахъ съ прочими преподавателями семинарій; причемъ, относительно недостающей суммы вознагражденія до 900 рублей—просить Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Сунодѣ, не признано ли будетъ возможнымъ увеличить отпускъ пособія на образцовыя школы въ потребномъ размѣрѣ.

б) *Въ курсѣ духовныхъ училищъ.* По русскому языку съ церковно-славянскимъ число уроковъ оставлено согласно дѣйствующему уставу, но распредѣленіе ихъ по классамъ иное. Дознанное опытомъ неудобство слишкомъ большого сосредоточенія уроковъ по извѣстному предмету въ одномъ

классѣ побудило вмѣсто 10 уроковъ назначить на первый классъ только 6; въ видахъ единства пріемовъ преподаванія и его большей успѣшности всѣ уроки желательно сосредоточить въ рукахъ одного преподавателя. Количество уроковъ по древнимъ языкамъ сокращается съ 16 до 10 по каждому. По ариѳметикѣ, въ виду недостаточности времени для прохожденія курса, число уроковъ увеличено на одинъ. Къ курсу географіи присоединенъ краткій курсъ природовѣдѣнія; на тотъ и другой предметы назначено 9 уроковъ. Къ курсу чистописанія присоединенъ элементарный курсъ черченія, на который назначено два урока. Кромѣ того, вводится новый предметъ—краткій курсъ русской исторіи, церковной и гражданской, съ предварительнымъ сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній изъ общей церковной исторіи; на этотъ предметъ назначается 6 уроковъ.

1) Въ цѣляхъ оживленія преподаванія и болѣе успѣшнаго приноровленія его къ пониманію учащихся, примѣнительно къ указаніямъ сунодальнаго опредѣленія отъ 24 мая—9 іюня 1893 года № 1383, предоставить семинарскимъ и училищнымъ правленіямъ, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, разрѣшать преподавателямъ, выполняя программы въ цѣломъ, допускать измѣненія въ прохожденіи частныхъ отдѣловъ, равно разрѣшить преподавателямъ, съ одобренія правленія и утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, вести преподаваніе по книгамъ, одобреннымъ Учебнымъ Комитетомъ не только въ качествѣ учебныхъ руководствъ, но и пособій; по тѣмъ же предметамъ, гдѣ таковые окажутся не въ полной мѣрѣ удовлетворительными, пользоваться въ качествѣ учебниковъ и учебными пособіями, не восходившими на разсмотрѣніе Учебнаго Комитета, съ донесеніемъ, однако, о семъ каждый разъ Учебному Комитету.

2) Воспитанники духовныхъ семинарій и училищъ по предметамъ, преподаваніе которыхъ заканчивается въ классѣ, подвергаются испытаніямъ изъ главныхъ отдѣловъ всей про-

граммы предмета и лишь по удовлетворительномъ выдержаніи испытаній переводятся въ слѣдующій классъ; по правленіямъ семинарій предоставляется право, въ случаѣ сложности программы всего предмета, раздроблять его на части и производить экзамены по окончаніи тѣхъ или иныхъ классовъ. Кромѣ указанныхъ выше случаевъ, по тѣмъ предметамъ курса, преподаваніе которыхъ не заканчивается въ классѣ, воспитанники переводятся по годовымъ отмѣткамъ.

3) Предоставить правленіямъ семинарій въ распредѣленіи занятій дня, въ случаѣ нужды, переходить къ пятиурочной системѣ и въ соотвѣтствіи съ этимъ прибѣгать къ сокращенію продолжительности уроковъ, но съ тѣмъ однако, чтобы продолжительность каждаго урока была не менѣе 50, а перерывы между уроками не менѣе 10 минутъ.

4) Въ отношеніи воспитанниковъ, изъявившихъ желаніе продолжать богословское образованіе по окончаніи курса духовной семинаріи, въ измѣненіе существующихъ узаконеній, Учебный Комитетъ полагалъ бы—освободить отъ повѣрочнаго испытанія для поступленія въ академіи—воспитанниковъ духовныхъ семинарій, какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ, окончившихъ полный курсъ семинаріи по первому разряду; что же касается воспитанниковъ, окончившихъ курсъ по второму разряду,—то подвергать таковыхъ воспитанниковъ повѣрочному испытанію по усмотрѣнію совѣта академіи.

II. По воспитательной части. 1) Въ видахъ болѣе правильной постановки воспитательнаго дѣла—учредить должность классныхъ воспитателей изъ наличныхъ преподавателей по выбору правленія семинаріи и съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, на которыхъ и возложить, какъ ближайшее воспитательное руководство ввѣреннаго каждому класса, такъ и исполненіе, по установленной очереди, обязанностей по наблюденію за внѣшнимъ порядкомъ въ ученическихъ общежитіяхъ въ теченіе цѣлаго дня. Причемъ, пред-

ставляется необходимымъ вознаградить труды классныхъ воспитателей, при казенной квартирѣ, въ размѣрѣ не менѣе 300 рублей.

2) Въ цѣляхъ усиленія религіознаго воспитанія и лучшей пастырской подготовки воспитанниковъ — предоставить усмотрѣнію мѣстныхъ преосвященныхъ привлекать воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ, а желающихъ—и изъ остальныхъ классовъ, къ практическому участію въ богослуженіи, въ проповѣданіи слова Божія и въ дѣятельности существующихъ приходскихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, въ приходскихъ церквахъ города, но съ тѣмъ, чтобы отъ сего не было ущерба учебно-воспитательному дѣлу.

III. По административной части. 1) Въ цѣляхъ оживленія учебно-воспитательной дѣятельности корпораціи духовно-учебныхъ заведеній и возвышенія ихъ авторитета, въ дополненіе къ §§ 23 и 38 уст. дух. сем. и §§ 43 и 58 уст. дух. уч., установить слѣдующее: епархіальные преосвященные при освобожденіи вакансій ректора или инспектора семинарій, а также смотрителя или помощника смотрителя училищъ, къ своимъ представленіямъ о кандидатахъ на сіи должности присовокупляютъ и ходатайства правленій духовныхъ семинарій и училищъ о желательныхъ имъ кандидатахъ, въ случаѣ, если таковыя ходатайства къ преосвященнымъ будутъ поступать.

2) Въ дополненіе къ §§ 106 и 107 уст. дух. сем. и § 38 уст. дух. уч., предоставить правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, примѣнительно къ §§ 113 и 114 уст. дух. сем. 1867 года, ходатайствовать предъ епархіальнымъ преосвященнымъ о представленіи неутвержденныхъ имъ журналовъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Сунода.

3) Въ разъясненіе къ § 106 уст. дух. сем. разрѣшить правленіямъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію епархіальнаго преосвященнаго, приводить въ исполненіе, безъ его пред-

варительнаго утвержденія, журналы правленія по тѣмъ дѣламъ, которыя онъ найдетъ возможнымъ предоставить вѣдѣнію правленій.

4) Въ цѣляхъ оживленія учебно-воспитательной дѣятельности корпорацій духовныхъ училищъ, желательно ослабить ихъ зависимость отъ семинарій и исключить §§ 25, 26, 27, 29, 30 и 39 уст. дух. уч. съ относящимися къ нимъ дополненіями *) и п. 9 § 103 уст. дух. сем., предоставивъ мѣстнымъ преосвященнымъ въ потребныхъ случаяхъ назначать въ училище ревизоровъ изъ членовъ семинарскаго правленія. При чемъ, слѣдуетъ допустить учрежденіе періодическихъ собраній представителей семинарской и училищныхъ корпорацій епархіи для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ учебно-воспитательнаго характера. Количество выборныхъ отъ духовенства членовъ правленій духовно-учебныхъ заведеній увеличить до трехъ.

IV. По хозяйственной части. 1) Увеличивать содержаніе преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, а равно инспектора и его помощниковъ въ семинаріи прибавками въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій ихъ службы въ размѣрѣ 90 рублей, по примѣру средне-учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, назначивъ первоначальный окладъ содержанія въ 840 рублей.

2) Назначить вознагражденіе преподавателямъ семинаріи за классное воспитательство въ размѣрѣ 300 рублей, при казенной квартирѣ.

3) Назначить вознагражденіе библіотекарю семинаріи въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ.

4) Назначить особую сумму, въ размѣрѣ 100 рублей въ годъ, на пріобрѣтеніе приборовъ для физическаго кабинета.

5) Въ виду всеобщаго вздорожанія и затруднительно-

*) Въ томъ числѣ п. 6 опредѣленія Св. Синода 20—29 апрѣля 1905 г. за № 63, касательно права семинарскихъ правленій командировать депутатовъ для присутствованія на выпускныхъ экзаменахъ въ духовныхъ училищахъ.

сти содержанія воспитанниковъ семинарій въ общежитіяхъ на отпускаемыя для сего средства, принять необходимыя мѣры къ увеличенію ассигнованій на сей предметъ.

Независимо отъ сего представители корпорацій духовно-учебныхъ заведеній признали необходимость скорѣйшаго осуществленія предложенія предсѣдателя Учебнаго Комитета, преосвященнаго Арсенія, епископа Псковскаго, объ изданіи особаго педагогическаго журнала, посвященнаго нуждамъ духовной школы.

Кромѣ того, въ особомъ дополнительномъ журналѣ наряду съ мѣрами, касающимися порядка приведенія въ дѣйствіе означенныхъ мѣропріятій, было обращено особое вниманіе на улучшеніе условій жизни въ интернатахъ; съ этою цѣлью Учебный Комитетъ находилъ нужнымъ принять мѣры къ устраненію многолюдства общежитій, сдѣлавъ пребываніе въ нихъ своекоштныхъ воспитанниковъ необязательнымъ; при постройкѣ новыхъ общежитій необходимо приспособлять послѣднія на немногочисленный составъ учащихся, съ распредѣленіемъ ихъ по группамъ соотвѣтственно ихъ возрасту и нравственнымъ качествамъ, а существующія общежитія приспособлять по мѣрѣ возможности къ той же системѣ устройства. Въ виду дознанной опытомъ крайней утомительности для воспитанниковъ первой до-рождественской трети, вредно отзывающейся на здоровьѣ и настроеніи ихъ, установить перерывъ занятій съ 15 октября по 23 октября съ отпускомъ воспитанниковъ, гдѣ это возможно, въ дома родителей, но съ тѣмъ, чтобы начало учебнаго года было пріурочено къ 7 августа, а конецъ къ первому числу іюня. Считая такъ называемыя забастовки явленіемъ нетерпимымъ въ педагогическомъ отношеніи, признать, что самый фактъ прекращенія уроковъ цѣлымъ заведеніемъ, или тѣмъ или другимъ классомъ, влечетъ немедленное закрытіе, безъ особаго распоряженія, или всего заведенія, или частей его, съ увольненіемъ воспитанниковъ, самовольно прекратившихъ занятія.

Святѣйшій Сѵнодъ въ засѣданіи своемъ отъ 16—19 августа, разсмотрѣвъ означенныя предположенія Учебнаго Комитета съ выработанными въ соединенныхъ засѣданіяхъ Комитета и представителей отъ духовныхъ семинарій и училищъ измѣненіями въ учебно-воспитательномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ, нашелъ возможнымъ впредь до общаго пересмотра уставовъ одобрить слѣдующія мѣры:

I. По учебной части: 1) Въ учебномъ планѣ: а) духовныхъ семинарій. По предмету Священнаго Писанія Новаго Завѣта число уроковъ увеличить на 2, по одному въ V и VI классахъ. Число уроковъ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта оставить то же (13), но распредѣлить ихъ по классамъ иначе,—количество уроковъ во II и IV классахъ увеличить на одинъ въ каждомъ классѣ за счетъ числа уроковъ въ I и III классахъ. По теоріи словесности и исторіи литературы прибавить одинъ урокъ (12 вмѣсто 11). По классическихъ языкамъ количество уроковъ сократить на четыре по каждому языку и преподаваніе ихъ сосредоточить въ первыхъ четырехъ классахъ. По наукамъ физико-математическимъ число уроковъ увеличить на 4 (съ 12 до 16), причемъ, кромѣ алгебры, геометріи, физики и пасхаліи, въ курсъ ихъ ввести тригонометрію и космографію. По философскимъ наукамъ число уроковъ противъ дѣйствующаго устава увеличить на два; одинъ урокъ прибавить на психологію и одинъ на краткую исторію и начальныя основанія философіи. Преподаваніе библейской исторіи, какъ отдѣльнаго предмета, отмѣнить. По дидактикѣ, въ виду недостаточности числа уроковъ для выполненія программы сего предмета, прибавить одинъ урокъ, и преподаваніе сего предмета соединить съ философскими науками. Если учителемъ образцовой церковно-приходской школы будетъ лицо съ высшимъ образованіемъ, то ему могутъ быть предоставлены и уроки дидактики, по постановленію правленія и съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго.—Ввести въ качествѣ обязательнаго предмета въ семина-

ріи одинъ изъ новыхъ языковъ. б) Въ курсѣ духовныхъ училищъ. По русскому языку съ церковно-славянскимъ число уроковъ оставить согласно дѣйствующему уставу, но распредѣлить ихъ по классамъ иначе. Въ виду неудобства слишкомъ большого сосредоточенія уроковъ по извѣстному предмету въ одномъ классѣ, вмѣсто 10 уроковъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ, назначить на первый классъ только 6; для сохраненія же единства пріемовъ преподаванія и его большей успѣшности, всѣ уроки сосредоточить въ рукахъ одного преподавателя. Количество уроковъ по древнимъ языкамъ сократить съ 16 до 10 по каждому. По ариѳметикѣ, въ виду недостаточности времени для прохожденія курса, число уроковъ увеличить на одинъ. Къ курсу географіи присоединить краткій курсъ природовѣдѣнія; на тотъ и другой предметы назначить 9 уроковъ. Къ курсу чистописанія присоединить элементарный курсъ черченія, на который назначить два урока. Кромѣ того, ввести новый предметъ—краткій курсъ русской исторіи, церковной и гражданской, съ предварительнымъ сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній изъ общей церковной исторіи; на этотъ предметъ назначить 6 уроковъ. 2) Прилагаемое при семъ росписаніе учебныхъ предметовъ для семинарій и училищъ утвердить. 3) Въ цѣляхъ оживленія преподаванія и болѣе успѣшнаго приноровленія его къ пониманію учащихся, примѣнительно къ указаніямъ сунодальнаго опредѣленія отъ 24 мая—9 іюня 1893 года № 1383, предоставить семинарскимъ и училищнымъ правленіямъ, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, разрѣшать преподавателямъ, выполняя программы въ цѣломъ, допускать измѣненія въ прохожденіи частныхъ отдѣловъ, равно разрѣшить преподавателямъ, съ одобренія правленія и утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, вести преподаваніе по книгамъ, одобреннымъ Учебнымъ Комитетомъ не только въ качествѣ учебныхъ руководствъ, но и пособій; по тѣмъ же предметамъ, гдѣ таковыя окажутся

не въ полной мѣрѣ удовлетворительными, пользоваться въ качествѣ учебниковъ и учебными пособіями, не восходившими на разсмотрѣніе Учебнаго Комитета, съ донесеніемъ, однако, о семъ каждый разъ Учебному Комитету. 4) Предоставить правленіямъ семинарій въ распредѣленіи занятій дня, въ случаѣ нужды, переходить къ пятиурочной системѣ и въ соотвѣтствіи съ этимъ прибѣгать къ сокращенію продолжительности уроковъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы продолжительность каждаго урока была не менѣе 50 минутъ, а перерывы между уроками не менѣе 10 минутъ. 5) Предоставить правленіямъ духовныхъ семинарій желающихъ получить богословское образованіе для прохожденія пастырскаго служенія воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и соотвѣтствующихъ имъ другихъ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимать въ V классъ духовныхъ семинарій безъ экзамена. Для предоставленія же таковымъ воспитанникамъ всѣхъ правъ окончившихъ полный курсъ семинарскаго ученія поступать на основаніи § 115 уст. дух. сем.

II. По воспитательной части. 1) Въ видахъ болѣе правильной постановки воспитательнаго дѣла—учредить должность классныхъ воспитателей изъ наличныхъ преподавателей по выбору правленія семинаріи и съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, на которыхъ и возложить, какъ ближайшее воспитательное руководство, такъ и исполненіе, по установленной очереди, обязанностей по наблюденію за внѣшнимъ порядкомъ въ ученическихъ общежитіяхъ въ теченіе цѣлаго дня. Представляется желательнымъ вознагражденіе классныхъ воспитателей за труды изъ мѣстныхъ средствъ, при казенной квартирѣ, гдѣ это окажется возможнымъ. 2) Въ цѣляхъ усиленія религіознаго воспитанія и лучшей пастырской подготовки воспитанниковъ—предоставить усмотрѣнію мѣстныхъ преосвященныхъ привлекать воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ, а желающихъ—и изъ остальныхъ клас-

совъ, къ практическому участію въ богослуженіи, въ проповѣданіи слова Божія и въ дѣятельности существующихъ приходскихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, въ приходскихъ церквахъ города, но съ тѣмъ, чтобы отъ сего не было ущерба учебно-воспитательному дѣлу.

III. По административной части. 1) Въ дополненіе къ §§ 106 и 107 уст. дух. сем. и § 38 уст. дух. учил., предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ возвращать журналы семинарскихъ и училищныхъ правленій, въ случаѣ ихъ неутвержденія, къ новому пересмотру; въ случаѣ же вторичнаго несогласія преосвященнаго съ постановленіями правленій, разрѣшить правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ ходатайствовать предъ епархіальнымъ преосвященнымъ о предоставленіи неутвержденныхъ имъ журналовъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Сунода. 2) Исключить изъ устава духовныхъ училищъ §§ 25, 26, 27, 29, 30 и 39 съ относящимися къ нимъ дополненіями, въ томъ числѣ сунодальное опредѣленіе 20—29 апрѣля 1905 г. за № 63 касательно права семинарскихъ правленій командировать депутатовъ для присутствованія на выпускныхъ экзаменахъ духовныхъ училищъ, и п. 9 § 103 уст. дух. сем., предоставивъ мѣстнымъ преосвященнымъ, въ потребныхъ случаяхъ, назначать въ училища ревизоровъ изъ членовъ семинарскаго правленія. 3) Предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ разрѣшать собранія представителей семинарской и училищныхъ корпорацій епархіи, подъ предсѣдательствомъ ректоровъ семинарій, для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ учебно-воспитательнаго характера. Количество выборныхъ отъ духовенства членовъ правленій духовно-учебныхъ заведеній увеличить до трехъ.

IV. По хозяйственной части: Поручить Хозяйственному Управленію войти въ сужденіе объ увеличеніи содержанія личнаго состава духовныхъ семинарій и училищъ, примѣнительно къ штатамъ Министерства Нар. Просвѣщенія.

Относительно порядка приведенія въ дѣйствіе означенныхъ измѣненій въ учебно-воспитательномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ принять къ исполненію слѣдующее:

А. По учебной части: 1) Такъ какъ при введеніи новаго росписанія нѣкоторые предметы (напр., психологія въ IV классѣ) оказались бы не изученными цѣлымъ классомъ, другіе (основное богословіе въ V классѣ) изученными въ крайне неполномъ видѣ,—предоставить правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ право производить частичныя перемѣны въ распредѣленіи учебнаго матеріала и уроковъ, какъ-то, перенесеніе уроковъ по одной и той же каѳедрѣ изъ класса въ классъ, уменьшеніе числа уроковъ по одному предмету съ обращеніемъ ихъ на преподаваніе другого, сокращеніе въ программахъ и т. п. 2) Въ виду введенія въ качествѣ обязательнаго предмета одного изъ новыхъ языковъ по выбору учащихся,—предоставить правленіямъ семинарій сдѣлать обязательнымъ изученіе новаго языка въ наступившемъ учебномъ году лишь для воспитанниковъ I класса, въ остальныхъ же классахъ—только для желающихъ. 3) Право преподаванія вновь вводимой въ училищный курсъ исторіи гражданской и церковной признать на ряду съ наличными преподавателями, въ случаѣ необходимости, и за смотрителемъ и его помощникомъ. 4) Преподаваніе вести примѣнительно къ старымъ программамъ. Что же касается вновь составленныхъ программъ по разнымъ предметамъ семинарскаго и училищнаго курсовъ, то таковыя программы по отпечатаніи ихъ въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ, поручить Учебному Комитету разослать въ семинарскія и училищныя правленія на предварительное обсужденіе съ тѣмъ, чтобы замѣчанія по симъ программамъ представлены были въ Учебный Комитетъ. 5) Такъ какъ со введеніемъ проектированныхъ временныхъ правилъ должны остаться за штатомъ нѣкоторые преподаватели духовныхъ

семинарій и училищъ, то временно оставить прежнее распредѣленіе каѳедръ до перехода таковыхъ преподавателей на другія мѣста, но съ тѣмъ, чтобы они считались первыми кандидатами на открывающіяся въ томъ же учебномъ заведеніи вакансіи и въ случаѣ поступленія ходатайствъ отъ мѣстныхъ правленій опредѣлялись на эти вакансіи. 6) Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по одному и тому же предмету имѣется въ учебномъ заведеніи два и болѣе преподавателей, вопросъ о томъ, кто долженъ остаться за штатомъ, предоставить усмотрѣнію правленій семинарій и училищъ, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго. 7) Въ цѣляхъ правильной постановки письменныхъ работъ, предоставить правленіямъ семинарій устанавливать, по усмотрѣнію, промежуточные дни между сроками подачи сочиненій съ тѣмъ, однако, чтобы число сочиненій въ теченіе учебнаго года было для I и II классовъ не меньше 10-ти, для III и IV-го классовъ не меньше 8 и для V и VI классовъ не меньше 6.

Б. По воспитательной части. Предоставить правленіямъ духовныхъ семинарій, въ случаѣ освобожденія вакансій помощниковъ инспектора, право ходатайствовать о распредѣленіи обязанностей инспекторскаго и воспитательнаго надзора между двумя преподавателями съ вознагражденіемъ изъ средствъ, какія ассигнованы для помощниковъ инспектора и съ распредѣленіемъ между ними всѣхъ возлагаемыхъ на помощника инспектора обязанностей.

На приведеніе въ дѣйствіе означенныхъ предположеній Святѣйшаго Сунода 3-го сентября 1906 г. было испрошено Высочайшее соизволеніе.

РОСПИСАНІЯ УЧЕБНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ:

I. Для семинарій, съ показаніемъ числа уроковъ по каждому изъ нихъ.

НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Число уроковъ по классамъ.						Итого уроковъ въ семинаріи.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Священное Писаніе	3	3	3	4	4	4	21
Теорія словесности съ исторіей русской литературы	5	4	3	—	—	—	12
Греческій языкъ	3	3	2	2	—	—	10
Латинскій языкъ	3	2	2	3	—	—	10
Физико-математическія науки	3	4	4	5	—	—	16
Гражданская исторія всеобщая и русская	3	4	2	—	—	—	9
Новый языкъ (по выбору учащихся)	3	3	2	—	—	—	8
Психологія, логика, краткая исторія и начальн. основ. философіи	—	—	5	4	—	—	9
Всеобщая церковная исторія и исторія русской Церкви	—	—	—	3	3	3	9
Обличительное богословіе, исторія и обличеніе старообрядчества и сектантства	—	—	—	—	4	3	7
Гомилетика	—	—	—	—	2	2	11
Литургика	—	—	—	—	3	—	
Практич. руков. для пастырей	—	—	—	—	—	4	
Основное богословіе	—	—	—	3	—	—	11
Догматическое богословіе	—	—	—	—	4	2	
Нравственное богословіе	—	—	—	—	—	2	
Дидактика	—	—	—	—	2	1	3
Церковное пѣніе	1	1	1	1	1	1	6
Практическія занятія по дидактикѣ въ образцовой школѣ	—	—	—	—	1	2	3
Итого уроковъ въ недѣлю	24	24	24	25	24	24	145

Примѣчанія: 1) Росписаніе уроковъ должно быть составлено такъ, чтобы желающіе могли посѣщать уроки обоихъ новыхъ языковъ. 2) Во внѣклассное время преподаются новые и древніе языки въ старшихъ классахъ, еврейскій языкъ, а также разные мѣстные инородческіе языки, иконописаніе, музыка, живопись, гигіена, ремесла, ручной трудъ и гимнастика.

II. Для духовныхъ училищъ, съ показаніемъ числа уроковъ по каждому изъ нихъ.

НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Число уроковъ по классамъ.				Итого уроковъ въ училищѣ.
	I.	II.	III.	IV.	
Священная исторія Ветхаго Завѣта .	3	—	—	—	12
Священная исторія Новаго Завѣта .	—	3	—	—	
Катихизисъ	—	—	3	—	
Окончаніе катихизиса и объясненіе богослуженія съ церковнымъ уставомъ	—	—	—	3	
Краткая русская исторія церковная и гражданская	—	—	3	3	6
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ	6	5	4	4	19
Греческій языкъ	—	—	5	5	10
Латинскій языкъ	—	4	3	3	10
Ариѳметика	4	4	2	2	12
Природовѣдѣніе и географія	1	2	3	3	9
Церковное пѣніе	3	2	1	1	7
Чистописаніе и черченіе	4	2	—	—	6
Итого уроковъ въ недѣлю . . .	21	22	24	24	91

Примѣчанія: 1) Краткій курсъ русской исторіи церковной и гражданской преподается однимъ изъ учителей по выбору правленія и съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго. 2) Въ свободное отъ занятій время на мѣстныя средства могутъ преподаваться новые иностранные и инородческіе языки, иконописаніе, живопись, музыка, гигіена, разныя ремесла и гимнастика.

Хозяйственное Управленіе по состоянію духовно-учебнаго капитала нашло возможнымъ изъ всѣхъ предположеній по хозяйственной части сдѣлать лишь нѣкоторыя прибавки къ содержанію преподавателей по пятилѣтіямъ въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій службы. Именно 750+90 руб. служащимъ первое пятилѣтіе; 900+90—служащимъ второе пятилѣтіе и 900+180 руб. всѣмъ служащимъ свыше 10 лѣтъ.

При разсмотрѣніи многочисленныхъ плановъ учебной реформы за послѣдніе 10 лѣтъ, намъ поневолѣ пришлось повторяться въ передачѣ мѣропріятій, отличающихся другъ

отъ друга только частностями. Эта характерная черта въ работѣ центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства зависитъ отъ того, что всѣ усилія его направлялись главнымъ образомъ къ тому, чтобы исправить тѣ неудачныя поправки, которыя сдѣланы были уставомъ 1884 г. и позднѣйшими добавленіями къ нему. Вся работа вращалась въ узкихъ рамкахъ возстановленія устава 1867 г. и нѣкоторыхъ подновленій учебнаго плана: сокращено, напримѣръ, количество уроковъ по классическимъ языкамъ. По естественной реакціи стремились изгнать даже тѣ черты устава 1884 г., которыя представляли шагъ впередъ. Такъ въ послѣднихъ проектахъ реформы уже послѣ манифеста 17 апрѣля о свободѣ совѣсти, вызвавшаго оживленіе и усиленіе сектантской пропаганды, предполагалось уничтоженіе отдѣльной каѳедры исторіи и обличенія сектантства и упразднялось обличительное богословіе. Не принимая въ расчетъ послѣдней реформы, которая по самому своему характеру «временныхъ правилъ» не могла ставить вопроса о коренныхъ преобразованіяхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что и вообще въ послѣднія десятилѣтія мысль преобразователей, несмотря на видимую необходимость въ коренной реформѣ, останавливалась лишь на нѣкоторыхъ подновленіяхъ стараго зданія средней духовной школы. Тѣмъ не менѣе и послѣдняя временная реформа все же представляетъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ укладомъ и порядкомъ, который царствовалъ послѣдніе 30 лѣтъ.

Реформа духовной школы еще не совершилась, она ожидается послѣ предстоящаго помѣстнаго собора, но для нея подготовленъ матеріалъ и хотя отчасти онъ уже и использованъ для соображеній о временной реформѣ, но разумѣется только отчасти. Послѣдняя реформа произведена не на основаніи этого матеріала, а, такъ сказать, примѣнительно къ нему. Въ послѣдней заключительной части историческаго очерка постараемся кратко очертить тотъ кругъ желательныхъ мѣръ, который намѣченъ привлеченными къ

работѣ общественными силами. Пока казалось бы не лишнимъ отмѣтить и надежды тѣхъ никѣмъ не призванныхъ, самовольныхъ реформаторовъ, съ настроеніемъ и желаніемъ которыхъ все же приходилось считаться,—именно самихъ воспитанниковъ. Мы разумѣемъ семинарскія петиціи, составлявшіяся воспитанниками въ надеждѣ довести до свѣдѣнія духовно-учебнаго начальства ихъ желанія по поводу предстоящей реформы.

Большая часть или даже почти всѣ семинарскія петиціи, несмотря на крайнее разнообразіе въ формахъ выраженія и нѣкоторое отличіе въ частностяхъ, предъявляютъ совершенно однородныя требованія. Въ качествѣ типичной петиціи можно привести слѣдующую [1]).

Русское общество въ настоящее время находится у преддверія крупныхъ реформъ. Эти реформы коснутся, надо думать, и церковной жизни. Необходимо, чтобы струя обновленія проникла и въ нашу среднюю духовную школу. Необходимо, чтобы школа стояла на высотѣ своего назначенія, какъ разсадникъ пастырей, способныхъ быть исправными руководителями и воспитателями современной паствы. Такому требованію она не удовлетворяетъ, объ этомъ говоритъ бѣгство изъ семинаріи лучшихъ ея силъ и крайне невысокій умственный и нравственный уровень общей массы духовенства, особенно сельскаго. Поэтому мы, питомцы духовной школы, въ интересахъ пастырства и церкви, требуемъ коренной реформы церковной школы.

Нужно немедленно предоставить право поступать въ духовную школу питомцамъ всѣхъ сословій безъ всякаго процентнаго ограниченія, на правахъ свободнаго конкурса. Эта мѣра уничтожитъ полукастовый характеръ школы и обновитъ духовенство, какъ сословіе, свѣжими силами. Въ видахъ устраненія изъ среды духовенства элементовъ, чуждыхъ духа цер-

---

[1]) Имѣлось подъ руками 20 петицій разныхъ духовныхъ семинарій; здѣсь приводится наиболѣе характерная изъ нихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями редакціи и необходимыми дополненіями.

ковности, необходимо открыть двери семинаристамъ во всѣ высшія учебныя заведенія, а для сего, уничтоживъ разряды, дать право окончившимъ 4 класса семинаріи поступать на всѣ факультеты университетовъ, а по окончаніи 6 классовъ— въ духовныя академіи, безъ экзаменовъ. Далѣе, не считая ту подготовку, которую даетъ семинарія при настоящихъ программахъ, вполнѣ достаточной для пастырской дѣятельности ея питомцевъ въ настоящее время, или для поступленія ихъ въ университеты, позволяемъ себѣ намѣтить здѣсь и желательные пункты этой реформы.

Изъ духовныхъ училищъ и семинарій должна быть образована одна общая десяти-классная духовная средняя школа, съ правомъ перехода изъ класса въ классъ безъ экзамена (экзамены только въ 8 и 10 классѣ). При этомъ, въ первыхъ восьми классахъ должно быть дано общее образованіе, а въ двухъ послѣднихъ спеціально богословское.

Въ классахъ общеобразовательныхъ необходимо *уничтожить пасхалію*, какъ предметъ, не приносящій никакой реальной пользы; *библейскую исторію*, какъ повтореніе священной исторіи; расширить курсъ математики и физики до объема гимназическаго курса и ввести космографію. Расширить курсъ исторіи литературы подробнымъ изученіемъ новѣйшихъ русскихъ писателей послѣ Гоголя, особенно литературы послѣднихъ лѣтъ. Курсъ философіи также необходимо расширить изученіемъ новѣйшихъ теченій философской мысли и распредѣлить на два года: первый годъ начала философіи, второй—исторія. При этомъ должно предоставить воспитанникамъ право ознакомленія въ классѣ и внѣ его съ произведеніями знаменитыхъ мыслителей. Программу изученія ветхозавѣтныхъ книгъ слѣдуетъ сократить и ограничить лишь изученіемъ наиболѣе классическихъ мѣстъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Новому Завѣту. Взамѣнъ этого, въ курсъ 8 класса (нынѣ 4-го) ввести чтеніе Евангелія съ попутными экзегетическими примѣчаніями. Общая и русская

церковная исторія должна проходиться въ сокращенномъ объемѣ—въ общеобразовательныхъ классахъ. Необходимо уничтожить обязательное изученіе греческаго языка, вовсе не искупающаго трату на него времени и силъ и, по возможности, сократить число уроковъ латинскаго языка. Взамѣнъ же древнихъ, мертвыхъ языковъ ввести обязательное изученіе новыхъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго. При изученіи исторіи обращать вниманіе не на мелкіе факты и хронологію, а на состояніе культуры и общественности и подробно изучать новѣйшую исторію. Кромѣ того въ общеобразовательныхъ классахъ необходимо *ввести* нѣкоторыя новыя науки—*естествознаніе*, какъ необходимое пособіе при изученіи философскихъ наукъ и основного богословія; *законовѣдныіе и общественныя науки*, безусловно необходимыя современному пастырю для того, чтобы быть на высотѣ своего положенія. (Нѣкоторыя петиціи, кромѣ того или взамѣнъ общественныхъ наукъ, предлагаютъ ввести отечествовѣдѣніе, медицину, гигіену, сельское хозяйство).

Въ высшихъ двухъ классахъ должно быть сосредоточено изученіе богословія. Сухость и узость современнаго преподаванія богословія необходимо замѣнить всесторонним, осмысленнымъ изученіемъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ. Особенно желательно это сдѣлать въ системѣ нравственнаго богословія. Сухой перечень текстовъ и такая же сухая классификація содержанія только утомляетъ мысль. У насъ не вырабатывается благодаря этому той жизненности міросозерцанія, которая служитъ главнымъ залогомъ для проявленія со стороны пастыря христіанскихъ началъ въ практической дѣятельности. Характеръ преподаванія долженъ быть слѣдующій.

При изученіи догматическаго и нравственнаго богословія не обязательно заучиваніе текстовъ наизусть, достаточно—точной передачи ихъ содержанія. Безъ ущерба для дѣла можно сократить въ курсѣ литургики все то, что входитъ въ

курсъ церковнаго устава, проходимаго въ нынѣшнихъ духовныхъ училищахъ. Содержаніе курса гомилетики ограничить изученіемъ произведеній новѣйшихъ церковныхъ ораторовъ. Въ преподаваніи раскола желательно болѣе глубокое и серьезное ознакомленіе съ духомъ раскола и сектантства. Въ видахъ болѣе успѣшнаго изученія курса богословскихъ наукъ необходимо введеніе лекціоннаго способа преподаванія.

Необходимы существенныя перемѣны и въ постановкѣ воспитательнаго дѣла. Въ настоящее время воспитанники и воспитатели представляютъ два противоположныхъ лагеря проникнутыхъ взаимнымъ недовѣріемъ. Отношенія сводятся къ формальному исполненію своихъ обязанностей. Необходимо болѣе гуманное отношеніе начальствующихъ и учащихъ къ учащимся. Необходимо уничтоженіе кондуитныхъ записей и постояннаго выслѣживанія за каждымъ шагомъ воспитанника. Необходимо дать воспитанникамъ право защиты предъ правленіемъ личной или письменной. Необходимо допущеніе товарищескаго суда, какъ института, налагающаго на воспитанниковъ обязанность непосредственно самимъ охранять честь учебнаго заведенія. Необходимо разрѣшить свободные отпуски въ городъ (до 8 или 10 час. веч.). Въ видахъ самообразованія и наилучшаго нравственнаго развитія, нужно дать воспитанникамъ свободу собраній для обсужденія своихъ нуждъ, разрѣшить устройство кружковъ литературныхъ, историческихъ, философскихъ; допустить въ ученическія библіотеки выписку всѣхъ, пропущенныхъ общею цензурою, книгъ; дать свободный доступъ въ фундаментальныя библіотеки; допустить свободную выписку книгъ и журналовъ, право изданія своего ученическаго журнала, свободнаго посѣщенія судовъ, земскихъ собраній, театровъ, концертовъ, публичныхъ чтеній и публичныхъ библіотекъ. Въ обезпеченіе нѣкотораго уваженія къ личности большинство петицій настаиваетъ на неприкосновенности ученической кор-

респонденціи, на уничтоженіи обысковъ и наказаній карцеромъ и голоднымъ столомъ. Въ видахъ свободнаго изъявленія своихъ желаній, петиціи просятъ дать право непосредственнаго отношенія въ Святѣйшій Сунодъ. Кромѣ того, значительная часть петицій настаиваетъ на необязательности жить въ общежитіяхъ, на уничтоженіи разрядовъ и балловъ и на примѣненіи выборнаго начала при назначеніи ректора и инспектора семинаріи и рѣшеніи семинарскихъ дѣлъ совѣтомъ преподавателей. За предѣлы этихъ пожеланій выходятъ только весьма немногія петиціи.

Обращая вниманіе на характеръ петицій, нельзя не замѣтить, что большая часть высказанныхъ семинаристами пожеланій представляютъ тѣ данныя педагогическаго опыта, которыя уже нашли себѣ мѣсто въ сознаніи педагогическаго персонала; большая часть пожеланій, относящихся къ постановкѣ учебной части, напримѣръ, исполнена уже предварительнымъ проектомъ, составленнымъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ задолго до полученія первыхъ петицій [1]). Такъ уничтожена какъ отдѣльная наука Библейская Исторія: значительно сокращено число уроковъ по древнимъ языкамъ и введено изученіе новыхъ; расширены въ направленіи, желательномъ воспитанникамъ, программы по исторіи русской литературы, философіи и математическимъ наукамъ, введена тригонометрія и космографія; нѣсколько сокращена программа церковной исторіи и священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, и измѣнены въ желательномъ воспитанникамъ направленіи программы литургики, нравственнаго богословія и расколовѣдѣнія. Не представляетъ собой чего либо неудобоисполнимаго и остальная часть пожеланій, относящихся къ переустройству учебной части. Общая цѣль этихъ пожеланій—полученіе воспитанниками серьезнаго об-

---

[1]) Проектъ опубликованъ въ № 46 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1905 годъ.

щаго развитія,—цѣль сама по себѣ въ высшей степени привлекательная. Вполнѣ пріемлема нѣкоторая часть пожеланій петицій, касающихся и постановки воспитательнаго дѣла и общей реформы школы. Такъ, отдѣленіе богословскихъ классовъ отъ общеобразовательныхъ уже нашло себѣ мѣсто въ вышеупомянутомъ проектѣ Учебнаго Комитета, вопросъ объ открытіи дверей семинаристамъ въ высшія учебныя заведенія также получилъ благопріятное разрѣшеніе.

Но въ этой части петицій есть уже такого рода требованія, которыя, являясь спорными съ точки зрѣнія педагогическаго вліянія, указываютъ нѣкоторыя нежелательныя стороны въ настроеніи воспитанниковъ средней школы. Не говоря уже о совсѣмъ непріемлемой системѣ контроля со стороны воспитанниковъ дѣйствій корпораціи путемъ участія въ педагогическихъ или хозяйственныхъ засѣданіяхъ правленій, о чемъ говорится въ нѣкоторыхъ петиціяхъ, и требованіи права непосредственныхъ сношеній съ Синодомъ, недопустимы ни безконтрольное веденіе библіотеки, читальни и собственнаго журнала, ни свободное посѣщеніе *всякаго* театра и *всякихъ* собраній суда и земства, ни безконтрольность сходокъ; сомнительна также педагогическая цѣлесообразность товарищескаго суда, особенно если имѣть въ виду тѣ совершенно неопредѣленныя формы, въ которыхъ онъ представляется авторами петицій.

Но дѣло даже не въ этихъ излишнихъ увлеченіяхъ въ стремленіи освободить себя отъ исполненія дисциплинарныхъ требованій. Весьма печально то, что духъ освобожденія отъ дисциплины исключительно съ цѣлью свободнаго пользованія свѣтскими удовольствіями, свѣтскою жизнью составляетъ характерную черту, красною нитью пролегающую по всѣмъ петиціямъ.

Духовная школа должна стать разсадникомъ пастырей, стоящихъ на высотѣ своего призванія,—пишутъ семинаристы, и настаиваютъ на переустройствѣ школы въ интере-

сахъ будто бы пастырства. Но развѣ одно изученіе современной литературы, философіи, свободная организація чтенія и разныхъ кружковъ, посѣщеніе театровъ и общественныхъ собраній—достаточны для того, чтобы воспитать то настроеніе, которое необходимо пастырю? Этими ли мѣрами воспитывается такое настроеніе?

Отдѣлъ о томъ, какъ должно быть поставлено преподаваніе богословскихъ наукъ въ семинаріи, самый краткій въ петиціяхъ; весьма многія петиціи отдѣлываются въ этомъ отношеніи нѣсколькими общими фразами. Относительно же путей, какими можно достигнуть того, чтобы пастырь являлся въ приходъ не совершенно неподготовленнымъ новичкомъ, а опытнымъ руководителемъ, относительно положительныхъ средствъ воспитать въ немъ истинно пастырское настроеніе ни одна петиція не обронила ни слова. А между тѣмъ, священникъ часто является въ приходъ, не умѣя сказать самаго простого слова наствѣ, не зная ступить шага въ устройствѣ прихода, и это вѣдь видятъ прекрасно знающіе бытъ духовенства семинаристы. Отчего же они не обмолвились словомъ о томъ, что нужна широкая практическая постановка гомилетики, пріученіе воспитанниковъ къ живому проповѣдническому слову путемъ предоставленія имъ возможности въ послѣдніе два года вести бесѣды съ народомъ въ приходскихъ церквахъ города? Почему никому и въ голову не пришло сказать, что необходимо такое же широкое практическое знакомство съ приходскими благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, опять на примѣрѣ тѣхъ приходовъ губернскаго города, гдѣ они лучше организованы?

Въ отношеніи къ современности задача пастыря состоитъ по преимуществу въ защитѣ основныхъ положеній христіанства. Между тѣмъ, въ петиціяхъ намековъ на такую апологетическую цѣль изученія современности, на необходимость вооруженія семинариста хорошими средствами отличить въ писаніяхъ философовъ и публицистовъ плевелы отъ

пшеницы—совсѣмъ мало. О расширеніи программы основного богословія просятъ только воспитанники двухъ, трехъ семинарій, а между тѣмъ это болѣе всего необходимо при настоящемъ состояніи общества.

Такой характеръ петицій обнаруживаетъ нѣкоторую неискренность воспитанниковъ, подъ предлогомъ настоящей постановки духовной школы въ цѣляхъ пастырства старавшихся отгородить себя подальше отъ всего, что носитъ характеръ церковности. Намъ кажется почти несомнѣннымъ, что петиціи—плодъ стараній и работы по преимуществу той части питомцевъ духовной школы, которая готова покинуть ея порогъ, потому-то они такъ равнодушны къ нѣкоторымъ насущнымъ нуждамъ пастырства; роль остальныхъ воспитанниковъ была болѣе или менѣе пассивною. Какъ таковыя семинарскія петиціи едва ли могутъ разсматриваться, какъ голосъ всѣхъ воспитанниковъ вообще и во всякомъ случаѣ даютъ односторонее освѣщеніе дѣлу, чѣмъ сильно умаляется ихъ значеніе даже въ качествѣ протеста.

Матеріалы къ предстоящей реформѣ духовной школы.

Отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ.

Въ отзывахъ епархіальныхъ преосвященныхъ намѣчается три желательныхъ типа духовной школы. 17 преосвященныхъ высказались за то, чтобы, не измѣняя нынѣшняго типа духовно-учебныхъ заведеній, реформировать ихъ въ духѣ устава 1867 г., т. е., расширивъ въ младшихъ классахъ общеобразовательный курсъ, отнести спеціальное богословское образованіе къ старшимъ классамъ. Умственная зрѣлость, всегда требовавшаяся отъ пастыря, особенно необходима при современныхъ условіяхъ церковно-общественной жизни; пастырь долженъ стоять на уровнѣ современнаго образованія. Духовная семинарія, просуществовавшая не одну сотню лѣтъ и за это почтенное время выпустившая изъ своихъ стѣнъ не ма-

лое количество глубокообразованныхъ серьезныхъ дѣятелей, съ честью послужившихъ своему отечеству на разныхъ видныхъ мѣстахъ церковной и общественной жизни, имѣетъ всѣ историческія основанія для продолженія своего существованія. Семинаріи, лишенныя богословскихъ классовъ (при условіи отдѣльнаго существованія ихъ въ видѣ пастырской школы), потеряютъ присущую имъ основную черту—духовной школы и обратятся въ свѣтскую сословную школу. Общеніе богословской школы съ общеобразовательной внесло бы единство и цѣлостность воспитательной системы и придало бы послѣдней тотъ особый колоритъ, которымъ она выгодно отличалась бы отъ свѣтскихъ школъ. Призваніе къ пастырству вырабатывается воспитаніемъ и образованіемъ, поэтому необходимо съ юныхъ лѣтъ, съ низшихъ классовъ общеобразовательной духовной школы, самымъ строемъ этой школы внушить питомцамъ мысль о высотѣ пастырства.

Двадцать два преосвященныхъ наоборотъ настаиваютъ на отдѣленіи пастырскихъ классовъ въ отдѣльную двухъ или трехклассную школу, въ которую бы поступали только склонные къ пастырству по окончаніи сословной гимназіи духовнаго вѣдомства. Послѣдняя должна соотвѣтствовать въ общемъ курсу средней школы, но отличаться нѣкоторыми особенностями въ воспитаніи (въ духѣ православной вѣры) и обученіи (религіозно-философскій элементъ). Соединить двѣ школы подъ одной крышей представители этого взгляда не находятъ возможнымъ потому, что на пастырскомъ курсѣ тогда нельзя будетъ ввести строго церковнаго режима. Если ввести строго церковное теченіе во всей школѣ, то снова пойдутъ выраженія недовольства, требованія большей свободы со стороны учениковъ первыхъ восьми классовъ. Если же строго церковный режимъ ввести лишь въ пастырскомъ отдѣленіи, то нарушится единство всего учебнаго заведенія.

Девять преосвященныхъ находятъ такую постановку дѣла нецѣлесообразною. Изложенный проектъ совершенно отрицаетъ

необходимость воспитанія для пастырства, какъ будто до окончанія общаго образованія не нужно прилагать никакихъ трудовъ, никакихъ заботъ, чтобы вышелъ добрый пастырь. Такимъ образомъ отнимутъ у церкви и тѣхъ сколько-нибудь сносныхъ кандидатовъ священства, которыхъ даютъ теперешнія семинаріи; въ сословной гимназіи вліяніе воспитанниковъ, не расположенныхъ къ пастырству, будетъ еще сильнѣе, чѣмъ теперь.

Нашу семинарію нужно раздѣлить на сословную и въ собственномъ смыслѣ духовную не съ 5, а съ третьяго класса. На спеціально духовное образованіе получится не 2, а 4 года. Выборъ дѣлается юношами въ гораздо лучшемъ для интересовъ религіи возрастѣ; предпочтеніе свѣтской карьеры менѣе заманчиво, ибо выборъ дѣлается не между богословскими курсами семинаріи и университетомъ, а между третьимъ классомъ семинаріи и 7 гимназіи. Духовное училище, съ присоединенными къ нему двумя классами семинаріи должно быть преобразовано по типу шестиклассныхъ прогимназій. Курсъ пастырской школы, существующей отдѣльно,—4-лѣтній. Въ нее поступаютъ по окончаніи 6 классовъ свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, расширенныхъ второклассныхъ церковныхъ школъ. Такъ какъ въ настоящую школу будутъ поступать лица, не получившія общаго средняго образованія, то въ курсъ ея необходимо ввести науки философскія и нѣкоторыя изъ свѣтскихъ. Режимъ школьной жизни строго церковный; выходъ долженъ быть только во священники.

Переходя къ отдѣльнымъ мѣрамъ по учебной, воспитательной и административной частямъ, слѣдуетъ отмѣтить, что не держась въ своихъ отзывахъ опредѣленной подробной программы, преосвященные отзывались далеко не на всѣ вопросы, связанные съ реформой школы, нѣкоторые важные вопросы затрогиваются только въ одномъ—двухъ отзывахъ. Отмѣтимъ только важнѣйшіе изъ тѣхъ пунктовъ, по которымъ получены

согласные отвѣты значительнаго числа преосвященныхъ. Такъ, по вопросу объ экзаменахъ 6 преосвященныхъ высказались за ихъ отмѣну, такъ какъ послѣдніе, какъ средство для опредѣленія знаній учениковъ, не достигаютъ своего назначенія, а какъ средство для объединенія, систематизаціи и закрѣпленія этихъ знаній, значительно уступаютъ репетиціямъ подъ руководствомъ преподавателей; четыре преосвященныхъ высказались за предметную систему (при окончаніи изученія извѣстнаго предмета) экзаменовъ. Въ цѣляхъ оживленія дѣятельности и возвышенія учебно-воспитательнаго авторитета корпораціи пятнадцать преосвященныхъ высказались за возстановленіе выборнаго начала, въ отношеніи къ начальствующимъ лицамъ духовно-учебныхъ заведеній, 10 преосвященныхъ выразили желаніе, чтобы преподаватели богословскихъ предметовъ были въ духовномъ санѣ. Нѣкоторые преосвященные обращали вниманіе на то, что педагогическій совѣтъ, представляющій въ настоящее время только совѣщательное учрежденіе при архіереѣ, не имѣетъ авторитета ни среди учениковъ, ни среди преподавателей. Поэтому желательно предоставить ему больше полномочій—самостоятельности и правоспособности въ рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросовъ (6 преосвященныхъ); впрочемъ, одинъ преосвященный высказался по этому вопросу въ томъ смыслѣ, что педагогическіе совѣты должны быть уничтожены совершенно: доброму ректору они связываютъ руки, а худого не удерживаютъ отъ злоупотребленій; другой преосвященный находилъ наилучшимъ вернуться къ печальной памяти (для духовной школы) Петровскимъ временамъ и подчинить семинаріи руководству консисторій. По воспитательной части многіе преосвященные указывали на необходимость введенія института классныхъ наставниковъ или классныхъ воспитателей, на желательное переустройство общежитій при духовной школѣ, казарменная обстановка которыхъ производитъ неблагопріятное вліяніе на учащихся.

Отзывы корпорацій духовныхъ семинарій и училищъ.

Въ своихъ частныхъ положеніяхъ отзывы корпорацій духовно-учебныхъ заведеній весьма различны, но есть кругъ вопросовъ, на которые всѣ или почти всѣ корпораціи стараются отвѣтить и отвѣчаютъ болѣе или менѣе согласно. По той систематичности, съ которой онѣ отвѣчаютъ на эти вопросы, и по манерѣ обсужденія можно даже думать, что въ качествѣ модели или положеній къ обсужденію одною изъ семинарій была разослана какая-либо брошюра или рядъ вопросовъ съ отвѣтами. Правленія духовныхъ семинарій намѣчаютъ тѣ же три главныхъ типа школы; причемъ, за первый типъ (единой школы) высказалось 25 семинарій, за типъ отдѣльныхъ пастырскихъ курсовъ и полной сословной гимназіи—17 семинарій и за типъ прогимназіи и пастырской школы—5 семинарій. За исключеніемъ одной (В—ской) всѣ семинаріи, отзывы которыхъ вошли въ сводку (47 семин.), высказались за возстановленіе выборнаго начала административныхъ лицъ (ректора и инспектора) и притомъ, въ большинствѣ, на опредѣленный срокъ; весьма многія корпораціи высказались за примѣненіе выборнаго начала и къ преподавателямъ. Предѣлы власти епархіальнаго преосвященнаго большинствомъ отзывовъ опредѣляются согласно уставу 1867 г.; всѣ отзывы единогласно расширяютъ значеніе педагогическаго совѣта, въ которомъ участвуютъ всѣ штатные преподаватели и воспитатели и представители отъ духовенства въ числѣ не менѣе $^1/_4$ или $^1/_3$ всѣхъ членовъ совѣта. Къ предметамъ занятій педагогическаго совѣта относятся всѣ вообще дѣла по учебно-воспитательной части, по внутреннему управленію школой, а также выборы служащихъ въ ней лицъ и отчасти дѣла объ ихъ увольненіи. Большинство корпорацій высказалось за всесословность школы. По учебной части въ общеобразовательныхъ классахъ большинство отмѣтило не-

обходимость увеличенія количества уроковъ съ отнесеніемъ части ихъ на 4 классъ по исторіи литературы и всеобщей исторіи и за введеніе нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ—законовѣдѣнія (23 семин.), общественныхъ наукъ (9 семин.), естествовѣдѣнія (12 сем.), гигіены (8 сем.). Многія корпораціи высказались за желательность выдѣленія въ отдѣльные предметы патрологіи (10 сем.), пастырскаго богословія (11 сем.) и за введеніе педагогики (11 семин.). Значительное большинство корпорацій указываетъ на желательность перехода къ пятиурочной системѣ, на необходимость отмѣны переводныхъ экзаменовъ, устройства кружковъ самообразованія и саморазвитія подъ наблюденіемъ лицъ педагогическаго персонала; нѣкоторыя высказывались также за отмѣну балльной системы (5) и дѣленія на разряды (12). По воспитательной части почти всѣ корпораціи указываютъ на необходимость введенія классныхъ наставниковъ или классныхъ воспитателей. Въ томъ и другомъ случаѣ мыслимый кругъ обязанностей одинъ и тотъ же—надзоръ не только утренній, но и вечерній и внимательное воспитательное руководство; и здѣсь такъ же, какъ и въ отзывахъ преосвященныхъ, указывается необходимость переустройства нашихъ общежитій при духовныхъ школахъ (15); въ цѣляхъ развитія эстетическаго чувства и отвлеченія отъ грубыхъ удовольствій многія корпораціи высказываются за допущеніе воспитанниковъ въ театръ и на концерты (13) и за устройство въ семинарскомъ зданіи литературно-музыкальныхъ вечеровъ (17) и домашнихъ спектаклей (4). По хозяйственно-экономической части всѣ корпораціи отмѣчаютъ необходимость увеличенія содержанія преподавателей и учениковъ. Для завѣдыванія хозяйственною частью многія корпораціи проектируютъ особый хозяйственный комитетъ.

Изъ 172 духовныхъ училищъ, своевременно доставившихъ свои отзывы, далеко не всѣ имѣли въ виду полный курсъ средней духовной школы, значительная часть не имѣ-

ла въ виду собственно семинарскихъ классовъ; въ виду этого, подсчетъ мнѣній о типѣ школы нѣсколько затруднителенъ. За первый типъ школы (по уставу 1867 года) ясно высказалось 37 училищъ, за второй типъ 33 училища и за третій 54 училища. Такое дѣленіе отзывовъ объясняется въ значительной части несомнѣнными удобствами для корпорацій духовныхъ училищъ предполагаемаго удлиненія ихъ курса на два года. Подавляющее большинство и училищныхъ корпорацій высказалось за выборное начало административныхъ лицъ,—большая часть корпорацій склоняется также къ примѣненію выборнаго начала помимо административныхъ лицъ и къ преподавателямъ,—за введеніе института классныхъ воспитателей, за переходъ къ пятиурочной системѣ, за отмѣну переводныхъ экзаменовъ, за отмѣну или, по меньшей мѣрѣ, ограниченіе балльной системы. Большинство указываетъ на необходимость привлеченія къ участію въ педагогическомъ совѣтѣ училища всего педагогическаго персонала, не исключая надзирателей, и на предоставленіе совѣту всѣхъ правъ по управленію учебно-воспитательною частью. Въ качествѣ новыхъ предметовъ большинство корпорацій вводитъ въ составъ курса краткую исторію, рисованіе, природовѣдѣніе, и нѣкоторыя корпораціи новые языки, алгебру и геометрію. По воспитательной части большая часть корпорацій настаиваетъ на необходимости введенія классныхъ наставниковъ или классныхъ воспитателей, указываетъ на неблагопріятное вліяніе на воспитанниковъ говѣнія въ казарменной обстановкѣ и вообще формализма въ дѣлахъ вѣры и совѣсти; безусловно вредное вліяніе, напр., по свидѣтельству многихъ корпорацій имѣетъ подневольное посѣщеніе преждеосвященныхъ литургій. Значительная часть корпорацій обращаетъ вниманіе на необходимость въ замѣну карательныхъ мѣръ въ широкихъ размѣрахъ практиковать предупредительныя, отвлекающія вниманіе и волю воспитанника отъ предосудительныхъ поступковъ и направляющія и воспитывающія

его въ добрыхъ навыкахъ. Въ этомъ отношеніи большинство корпорацій указываетъ на необходимость расширенія воспитанникамъ доступа къ разнымъ эстетическимъ удовольствіямъ. Съ этою цѣлью должно быть поощряемо устройство литературныхъ вечеровъ, концертовъ, чтеній. Съ тою же цѣлью должно быть введено преподаваніе искусствъ—живописи, музыки, рисованія, а также разныхъ видовъ ручного труда и ремеслъ, и должны быть надлежащимъ образомъ и широко поставлены образовательныя развлеченія.

Сужденія V отдѣла и Общаго Присутствія Предсоборной Комиссіи.

Въ то время, какъ отзывы преосвященныхъ и корпорацій духовно-учебныхъ заведеній представляютъ рѣшеніе не только общихъ, но и многихъ частныхъ вопросовъ школьнаго устройства, намѣчаютъ методику каждаго предмета,—сужденія предсоборнаго присутствія касаются только основныхъ вопросовъ жизни средней школы: о желательномъ типѣ школы, о школьномъ режимѣ и т. п. Въ первомъ засѣданіи предсоборнаго присутствія была выдвинута проф. Глубоковскимъ, а за нимъ проф. Завитневичемъ и П. П. Аксаковымъ достойная всякаго вниманія мысль о томъ, что задача духовной школы не только въ томъ, чтобы приготовлять пастырей,—хотя это ближе всего нужно для практическихъ церковныхъ потребностей. Эта задача шире,—она состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать въ христіанскомъ духѣ всѣхъ вѣрующихъ чадъ. Пусть изъ духовныхъ школъ нѣкоторые питомцы уходятъ на другія поприща; но о нихъ мы все таки не можемъ сказать, что они не наши, что они потеряны для церкви (Глубоковскій). «Школа государственная носитъ космополитическій характеръ, школа церковная—будетъ школою для православно-русскихъ людей.

Своимъ гуманитарнымъ направленіемъ она выдвинула бы людей готовыхъ послужить церкви и несомнѣнно привлекла бы симпатіи народа» (Аксаковъ). Она будетъ по возможности всесословною и всѣмъ желающимъ будетъ давать истинно христіанское просвѣщеніе (Глубоковскій). «Если изъ народа будемъ набирать кандидатовъ въ школы, то привлечемъ симпатіи народа. Изъ народа охотнѣе пойдутъ въ пастыри, но только нынѣшній режимъ, который сдѣлалъ духовную школу атеистичною, не долженъ имѣть мѣста въ новой гуманитарной духовной школѣ» (Завитневичъ). Эта школа какъ въ составѣ, такъ и въ характерѣ своихъ учебныхъ курсовъ должна опредѣляться не мотивомъ наибольшаго сближенія со школами свѣтскими, а исключительно только мотивомъ наилучшаго достиженія цѣли христіанскаго образованія. Всѣмъ безъ исключенія воспитанникамъ нужно дать законченное религіозно-христіанское образованіе (проф. Несмѣловъ). По самое преподаваніе богословія должно быть поставлено такъ, чтобы оно заинтересовывало, располагало, привлекало воспитанниковъ (проф. прот. Титовъ).

Въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса были отмѣчены: необходимость улучшенія правового, матеріальнаго положенія духовенства для того, чтобы найти достаточное количество достойныхъ кандидатовъ священства, и желательность на-ряду съ нормальнымъ типомъ духовной школы имѣть пастырскія школы съ сокращеннымъ курсомъ. По вопросу о желательномъ типѣ средней духовной школы, V отдѣлъ послѣ долгихъ разсужденій пришелъ къ мысли, что типъ 4—6 классной прогимназіи не дастъ достаточной общеобразовательной подготовки и вызоветъ серьезныя практическія затрудненія: «куда пойдутъ ученики по окончаніи шестикласснаго училища, если въ семинаріи они идти не расположены, а въ другихъ среднихъ свѣтскихъ заведеніяхъ для нихъ не будетъ мѣста»? По вопросу же о томъ, какой типъ лучше: единой школы примѣнительно къ семи-

наріи по уставу 1867 г. или двухъ отдѣльныхъ—полной духовной гимназіи и пастырской школы—въ отдѣлѣ голоса раздѣлились по ровну.

Не получилось единогласнаго рѣшенія и въ общемъ засѣданіи присутствія; послѣ долгихъ разсужденій и тамъ общее мнѣніе склонилось къ тому, что предлагаемый нѣкоторыми членами типъ шестиклассной общеобразовательной прогимназіи и отдѣльной отъ нея четырехклассной пастырской школы будетъ сопровождаться нежелательнымъ пониженіемъ общаго образованія пастырей и не создастъ необходимой свободы выхода недовольнымъ элементамъ. Всѣ были согласны также, что необходимо отдѣлить общеобразовательную часть курса отъ богословскихъ классовъ; но по вопросу о томъ, оставить ли полную гимназію, какъ преддверіе богословскихъ классовъ, подъ одной крышей съ послѣдними, или сдѣлать изъ нихъ особую пастырскую школу,—голоса раздѣлились, но на этотъ разъ большинство, хотя и незначительное, оказалось на сторонѣ единой школы. Въ своей мотивировкѣ пренія въ засѣданіяхъ общаго присутствія мало прибавили къ тому, что писалось въ отзывахъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Обращаетъ на себя вниманіе лишь рѣчь преосвященнаго Арсенія Псковскаго, справедливо отмѣтившаго главный недостатокъ учебнаго плана по уставу 1867 г. въ отсутствіи въ общеобразовательныхъ классахъ семинаріи такихъ предметовъ, которые могли бы давать воспитанникамъ элементы положительнаго религіознаго знанія и составить опору въ борьбѣ съ отрицательными идеями въ періодъ ломки міровоззрѣнія. Кромѣ того, заслуживаетъ полнаго вниманія мысль проф. П. В. Попова о томъ, что единственное средство повысить церковность воспитанниковъ духовной школы состоитъ въ томъ, чтобы обратиться къ ихъ самодѣятельности и попытаться втянуть ихъ въ сферу церковныхъ интересовъ. Для этого всячески нужно поощрять образованіе среди воспитанниковъ кружковъ для самостоятельнаго свободнаго изу-

ченія Библіи и твореній отцовъ церкви, для проповѣдничества и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, преподаванія Закона Божія въ воскресныхъ школахъ; нужно привлечь воспитанниковъ къ дѣятельному участію въ богослуженіи и не только въ своей семинарской церкви, но и въ приходскихъ, къ участію въ благотворительной дѣятельности церкви; нужно допустить ихъ въ пастырскія собранія.—Къ болѣе подробному и систематичному разсмотрѣнію отмѣченныхъ кратко общихъ положеній официальныхъ отзывовъ и сужденій о духовно-учебной реформѣ авторъ вернется во второй части труда.

(формы, методы и принципы образа) вне ?

содерж.е образа
(состав предметов по частям)
и их составн[illegible]
эволюция развития
динамика и состояния
(формы, размер и положение)